

Учреждение Российской Академии наук
Институт языкознания

Государственное образовательное учреждение высшего профессионального образования
Ульяновский государственный университет
Институт международных отношений
Кафедра лингвострановедения и коммуникации

Кафедра гуманитарных дисциплин Рузаевского института машиностроения
Мордовского государственного университета

ЯЗЫК И МЫШЛЕНИЕ: Психологические и лингвистические аспекты

Материалы XII-й Международной
научной конференции
(Ульяновск, 16-19 мая 2012 года)

Москва-Ульяновск, 2012

УДК 81'23
ББК 81.001.3
Я 41

Редколлегия:

доктор филологических наук, профессор *А.В. Пузырёв* (Ульяновск; отв. редактор);

доктор филологических наук, профессор *Е.Ф. Тарасов* (Москва);

доктор филологических наук, профессор *С.А. Борисова* (Ульяновск).

*Печатается по решению оргкомитета
XII-й Международной научной конференции
«Язык и мышление: Психологические и лингвистические аспекты»*

Я 41 Язык и мышление: Психологические и лингвистические аспекты: Материалы XII-й Международной научной конференции (Ульяновск, 16-19 мая 2012 г.) / Отв. ред. проф. А.В. Пузырёв. – М. : Ин-т языкознания РАН; Ульяновск : Ульяновский гос. ун-т, 2012. – 199 с.

В сборнике представлены результаты исследований извечной проблемы языкознания – «язык и мышление».

Предназначено лингвистам, психологам, студентам, специалистам смежных областей знания.

© Коллектив авторов, 2012

ОТ РЕДКОЛЛЕГИИ

В настоящих материалах отражены проблематика и результаты исследований в области одной из «вечных» для науки тем – «Язык и мышление», причём в конференции оказались задействованными специалисты-смежники – философы, психологи, лингвисты, педагоги и др.

Объединение усилий учёных-смежников под одной обложкой вызвано несколькими причинами. Самой важной из них является стремление ответить за просу времени преодолеть концептуальную разобщённость учёных различных научных специальностей, их практическое игнорирование друг друга. Думается, что материалы настоящей конференции являются своего рода попыткой синтеза различных подходов по отношению к одной и той же проблеме – проблеме взаимосвязей между мышлением человека и его языком (пусть даже попыткой весьма неполной и несовершенной).

При формировании сборника материалов конференции, при распределении поступивших докладов и сообщений по секциям редколлегия по-прежнему исходила из первого правила Рене Декарта «для руководства ума»: «Все науки настолько связаны между собою, что легче изучать их все сразу, нежели какую-либо одну из них в отдельности от всех прочих» (Р.Декарт 1936: 49). Именно поэтому материалы конференции группировались не по принципу рода занятий участников конференции, но по принципу восхождения от абстрактного к конкретному. Методологической базой для распределения докладов конференции по конкретным аспектам является универсальная схема научного исследования, предложенная в середине 80-х годов 20-го столетия философом (доктором философских наук, профессором) А.А.Гагаевым.

Редколлегия считает своим долгом оговориться, что при подготовке к опубликованию доклады и сообщения подвергались минимальной правке, и ответственность за уровень преподнесения, как это и принято в научном мире, полностью ложится на плечи авторов.

Редколлегия

ПРОБЛЕМЫ ЯЗЫКА И МЫШЛЕНИЯ В ГЕНЕТИЧЕСКОМ И СОПОСТАВИТЕЛЬНОМ АСПЕКТАХ

Канд. филол. наук Т.С. Алексеева, студ. Ю.В. Калинина (Ульяновск)
СРАВНИТЕЛЬНО-СОПОСТАВИТЕЛЬНЫЙ АНАЛИЗ СПОСОБОВ
СЛОВООБРАЗОВАНИЯ ТЕРМИНОВ СФЕРЫ ТУРИЗМА
АНГЛИЙСКОГО И РУССКОГО ЯЗЫКОВ

В наше время туризм является важным экономическим и социальным явлением и играет большую роль в расширении границ взаимопонимания и доверия между людьми разных религий и культур.

Туризм возник в тот период развития общества, когда человек стал задумываться не только об удовлетворении первоочередных биологических потребностей, но и об отдыхе. Несмотря на то, что люди путешествовали всегда, только на определённом этапе экономического развития общества, с повышением интереса к путешествиям, появились люди и учреждения, их обеспечивающие, что привело к образованию туристских услуг. Затем туризм стал отдельной отраслью народного хозяйства, что потребовало формирования соответствующей индустрии, наличия квалифицированных кадров и пр. Всё это привело к обособлению целого пласта лексических единиц в самостоятельную терминосистему.

Со временем продолжает развиваться туристский бизнес, налаживаются взаимоотношения российских и зарубежных партнёров, которые вынуждены использовать туристскую терминологию. Также простые путешественники постоянно сталкиваются с необходимостью понимания терминов, используемых в сфере туристского обслуживания. Всё это привлекает внимание к терминологии туризма, а также к особенностям её словообразования.

Туристская терминология претерпевает существенные изменения соответственно стремительному темпу развития и формирования как общественных отношений, так и туризма, его отраслей и видов. Толкование туристских терминов – предмет ожесточённых дискуссий апологетов теории туризма.

Туризм может быть определён как совокупность явлений и взаимоотношений, возникающих при взаимодействии туристов, поставщиков, местных органов власти и местного населения в процессе туристской деятельности.

Термин «туризм» является фактом массовой коммуникации, а её изучение – важнейшим условием успешной профессиональной деятельности и организации путешествий.

Современный английский и русский языки включают в себя множество различных способов словообразования, такие как префиксальный, суффиксальный, префиксально-суффиксальный способы, словосложение, аббревиация и т.д. Также в данных языках существуют разные классификации. Для упрощения проведения исследования и обобщения полученных результатов в данной рабо-

те лексические единицы анализируются согласно классификации способов образования слов, включающей аффиксацию, словосложение, сокращение.

Рассмотрим каждый из способов словообразования более подробно, а также приведём примеры туристских терминов, образующихся с их помощью, на русском и английском языках.

I. Аффиксация.

1. Суффиксация – способ словообразования, который осуществляется по схеме: производящая основа + суффикс.

Примеры из русского языка: *экскурсант* = *экскурс* + *ант* (← *экскурсия*); *районирование* = *район* + *ирован* + *ие* (← *район*); *миграция* = *мигр* + *ац* + *ия* (от лат. *migro* – перехожу).

Примеры из английского языка: *endorsement* = *endorse* + *ment*; *referral* = *refer* + *r* + *al*; *skipper* = *skip* + *p* + *er*.

2. Префиксация осуществляется по следующей схеме: префикс + производящая основа + (окончание).

В русском языке при помощи данного способа образуются слова: *полупансион* = *полу* + *пансион*; *межсезонье* = *меж* + *сезонье*; *нерезидент* = *не* + *резидент*, в английском языке: *interrail* = *inter* + *rail*; *highway* = *high* + *way*.

3. Префиксально-суффиксальный способ реализуется следующим образом: префикс + производящая основа + суффикс + окончание.

Примеры из русского языка: *акклиматизация* = *ак* + *климат* + *изац* + *ия* (← *климат*); *перевозчик* = *пере* + *воз* + *чик* (← *перевозить*); *безвизовый* = *без* + *виз* + *ов* + *ый* (← *виза*).

Примеры из английского языка: *acclimatisation* = *ac* + *climat* + *is* + *ation* (← *climate*); *international* = *inter* + *nationa* + *al* (← *nation*).

II. Словосложение: производящая основа + производящая основа.

В русском языке с его помощью образуются: *апарт-отель* = *апарт(аментный)* + *отель*; *блок-чартер* = *блок* + *чартер*; *авиабилет* = *авиа(ционный)* + *билет*; *загранпаспорт* = *загран(ичный)* + *паспорт*; *гид-переводчик* = *гид* + *перевод* + *чик*.

В английском языке: *duty-free* = *duty* + *free*; *ski-pass* = *ski* + *pass*; *shuttle-service* = *shuttle* + *service*; *CHECK-IN* = *check* + *in*; *Out-of-Order* = *out* + *of* + *order*.

III. Аббревиация – сложение усечённых основ или усечённых и полных основ.

Примерами аббревиатур, используемых в сфере туризма в русском языке, могут служить:

- *СПО* – спецпредложение;
- *АТОР* – Ассоциация туроператоров РФ;
- *ВАТА* – Всемирная ассоциация туристских агентств;
- *МСОТО* – Международный союз официальных туристских организаций.

В английском языке:

- *АО* = *accommodation only* (только размещение – размещение без питания);

- *AP = American plan* (американский план – метод расчёта стоимости проживания, по которому в цену включён номер и трёх- или двухразовое питание (пансион или полупансион));

- *BB = bed and breakfast* (размещение с завтраками).

На основании проведённого анализа было установлено, что в русском языке наиболее распространённым способом словообразования туристских терминов является словосложение (43 % от общего числа проанализированных единиц), а также довольно часто используется способ суффиксации (34,7 %). Такие способы, как аббревиация, префиксация и префиксально-суффиксальный способ в рассмотренной туристской терминологии встречаются довольно редко.

Что касается английского языка, то здесь самым частоиспользуемым способом образования терминов сферы туризма является аббревиация (40 %), а также способы аффиксации (21,3 %) и словосложения (10,7 %).

При исследовании не были обнаружены примеры слов, образующихся с помощью конверсии, постфиксации, префиксально-постфиксального способа, сращения, сращения в сочетании с суффиксацией.

Подводя итог, можно сказать, что, несмотря на то, что распространённые способы словообразования туристских терминов в русском и английском языках в целом не совпадают, оба языка стремятся к уменьшению количества слов при общении. Как в русском, где специалисты сферы туризма чаще используют словосложение, так и в английском, где распространена аббревиация, в целях экономии времени люди сокращают несколько слов и объединяют их в одно, таким образом, создавая новые слова. Всё это способствует лёгкости общения в устной и в письменной речи.

Следует также отметить, что, как словосложение, так и аббревиация, помогают людям, занятым в туристской сфере, сократить время ведения переговоров и ускорить оформление всех необходимых документов.

Важным фактом является то, что многие частоупотребляемые в туристской деятельности слова заимствованы из английского языка. С помощью таких переводческих трансформаций как транслитерация, транскрипция и калькирование англицизмы прочно закрепились в русском языке. Большинство лексики, характерной для туризма, появилось именно в англоязычных странах, так как там впервые начали изучать данную сферу деятельности. К тому же, английский язык является международным, следовательно, чтобы быть понятными всему миру, многие новые термины создаются на английском языке. Таким образом, можно сделать вывод, что большое количество терминов и, соответственно, способов их словообразования в английском и русском языках совпадают.

В наши дни очень важно знать и изучать терминологию туристской сферы, так как сегодня туризм относится к самым современным и перспективным индустриям, которые быстро развиваются и приносят весомые доходы.

*Доктор филос. наук, проф. А.А. Гагаев (Рузаевка),
доктор пед.наук проф. П.А. Гагаев (Пенза)*

ЯЗЫКОВЫЕ РЕВОЛЮЦИИ, ЛИТЕРАТУРНЫЙ ЯЗЫК И ИНТЕРНАЛЬНО- ЭКСТЕРНАЛЬНЫЕ ФАКТОРЫ ОТКРЫТИЙ И ИЗОБРЕТЕНИЙ В ИСТОРИИ ЧЕЛОВЕЧЕСТВА (IX ТЫС.Д.Н.Э.-XXI ВЕК)

I. Пики открытий в истории человечества. Эти пики: IX-VIII тыс.д.н.э. или неолитическая революция (скотоводство, земледелие, собственность, власть); IV-V в.д.н.э. – Древняя Греция; XIII в. – Европа; XIX век. – Европа; XX век – Европа (интерпретационные открытия) и СССР.

В VIII тыс.д.н.э. имело место языковая революция – становление крупных языков путем синтеза других языков больших племенных групп. В IV-V в.д.н.э. формируется древнегреческий классический и литературный язык; в XIII веке осуществляется заимствование греко-римской терминологии в индогерманские языки и начинается процесс становления национальных литературных языков. В XIX веке формируются развитые языки буржуазных наций, русский литературный язык. Таким образом, во всех случаях пикам открытий предшествовали и сопровождали их существенные сдвиги в языках, имело место становление литературного языка как общенаучного языка.

II. Наука представляет собой специфический общий язык как аналог естественного языка в некотором отношении.

1. Наука (язык, литературный язык, университет) есть расово-этнокультурная и всеобщая психофизиологическая и знаково-символическая флуктуация немарковского случайного процесса с памятью, моделирующая мир.

2. Моделирование объектов одного рода.

3. Рефлексия как язык истины.

4. Система фундаментальной, теоретической, эмпирической, прикладной, разработочной науки.

5.1. Самоорганизующаяся интернальная система, а не экстернальная.

5.2. Модели субъект-объектных тождеств этнокультурного характера.

5.3. Телеология истины.

5.4. Циклы открытий, изобретений, технологических циклов, циклов экономики.

5.5. Система теоретико-практического действия и свободы в природе.

Наука как язык представляет из себя естественный этнокультурный язык, объектный язык, метаязык, язык диалектики и логики открытий и изобретений, язык моделирования самоорганизации и внешней организации природы, язык тождеств и различий, язык телеологии, язык циклических изменений процессов, всеобще-уникальной модели понимания.

III. Наука – составная часть вербального интеллекта – имеет основанием литературный язык.

1. Понятие вербального интеллекта.

1. Метаязык как естественный язык.

2. Личный язык.

3. Языково-речевая рефлексия истины.

4. Система лингвистических семиотических определений.

5.1. Система воздействия речи на личность как биосоциальный организм: звук, образ, эмоция, понятия, психофизиологический процесс генерации энергии, избыточной энергии и информации.

5.2. Психофизическая функциональная дуга и дуга сознания, в которых язык и речь посредуют. Литературный язык как общенаучный язык.

5.3. Телеология именно систематизации информации, открытия и основания.

5.4. Циклы когнитивных диссонансов, преодолевая энтропию.

5.5. Система афферентного синтеза, акцептора действия, решения, действия и эфферентного синтеза, в языково-речевой форме.

Система электронного учебника противоречит моделям дидактики и педагогики скрывающего типа, разрушая вербальный интеллект, литературный язык, язык и речь вообще, присущие литературному языку типы умозаключений и логику.

2. Литературный язык в системе вербального интеллекта.

1. Литературный язык, наука, университет есть психофизиологическая, институциональная знаково-символическая флуктуация немарковского статистического процесса с памятью самоорганизующей смысл, значение и значимости космоса вообще.

2. Моделировка естественных объектов как тел одного и разного рода, а не одного рода.

3. Правильность синтаксиса и семантики моделирующих: а) возможные и вероятные миры и их кондициональные проекты; б) априорную законосообразность материи.

4. Суперопыт рас и этносов в антропогенезе и космосе вообще в культурно-типическом принципе познания. Эволюционный расово-этнический креатив.

5.1. Синтетический тип суждений, рассуждений и утверждений самоорганизующегося и критического типа. Литературный язык естественный критик реальности.

5.2. Модели идентификации, идентичности, тождества – различия – разности – противоположности – противоречия; раздражения – возбуждения – концентрации – иррадиации, то есть генез избыточной энергии и информации.

5.3. Телеология, создаваемая избыточной информацией – расширенное воспроизводство рас и этносов, самосовершенствование.

5.4. Циклы аккультурации, рецепции и РЕТОРСИИ смыслов, значений, значимостей в модели креативности расы и этноса.

5.5. Система рефлексий в совместимости, хотя с разной долей представленности – феноменологической, атрибутивной, функциональной, структурной, субстратной. То есть это основа взаимопонимания и коммуникации вообще. Специализированные языки разделяют, а литературный язык – объединяет.

3. Суждения и умозаключения в литературном языке.

1. Совместимость, выводимость, следование на основе законов исключения 4, 5, 2 в эссенциальной семантике.

2. Суждения съяд вада.

3. Форма трансцендентальности, трансцендентности этнического разума и классические модели истины Платона и Аристотеля, заменяемые конвенциями и когеренциями в электронном учебнике.

4. Синтетические эволюционные диалектические суждения и аналогии.

5.1. Самоорганизующийся объективный в вывод; ответ на вопрос: что это, почему это, как это.

5.2. Пять суждений рефлексий в совместимости: феноменологическая, атрибутивная, функциональная, структурная, субстратная рефлексия. Антиномичные умозаключения.

5.3. Телеология избыточной информации.

5.4. Циклы флуктуации смысла диалогового характера. Утверждается монолог в электронном учебнике или псевдиалог (формальный диалог, технический диалог).

5.5. Семантика, определяющая синтаксис.

4. Литературный язык актуализирует коллективные рефлексии, а индивидуальная речь – личные рефлексии. Литературный язык генерирует коллективное мышление, а нелитературный язык – эгоцентрическое мышление. Динамика литературного языка – звука, образа, чувства, понятия, психофизического процесса порождает нейрофизиологию и энергетику эмерджентного характера. Осуществляется производство биохимической энергии, организующими мотивацию человека согласно закономерностям природы. Литературный язык в системе формы активности человека формирует жесткую систему: образ – мысль. Без этой связи не возможна операциональная инструментальная работа сознания, то есть эта связка есть главный движитель развития личности, вызывающая как раз творческие акты и сдвиги в творческой активности народов, порождая сукцессии научных открытий и изобретений.

5. Деконструкции языка и речи в моделях электронных учебников, в связи со свертыванием высших психических функций (ВПФ) языка, речи, обучаемости, развиваемости, интенцией к дислексии.

Введем существующее малограмотное определение электронного учебника:

Электронное учебное издание для изучения социально-гуманитарных дисциплин – электронная обучающая система комплексного назначения, обеспечивающая непрерывность и полноту дидактического цикла процесса обучения, дающая возможность в диалоговом режиме, как правило, самостоятельно освоить учебный курс или его раздел с помощью компьютера – строится по модульному принципу с открытой архитектурой. ЭУИ должно содержать, по возможности, три составляющих: информационно-демонстрационную – для предъявления учебной информации четырех уровней (1 – в вербализованной форме, т.е. только тексты; 2 – в вербализованной и невербализованной, т.е. образной форме статичной двух- и трехмерной графики; 3 – мультимедиа в виде трехмерной динамичной графики, видео- и аудио, анимации и лишь частично в

вербализованной форме; 4 – виртуальной реальности); практическую – для обработки заданий, с помощью которых закрепляются полученные знания, умения и навыки на репродуктивном и/или на продуктивном уровнях, исходя из таксономии целей; диагностирующую – для контроля знаний. В ЭУИ должны быть реализованы “дружественный” интерактивный интерфейс, а также развитый анализатор ответов обучаемых и блок для сбора и обработки статической информации (истории обучения). ЭУИ должно быть представлено, прежде всего, а) совокупностью отдельных компьютерных учебных программ (КУП) – модулей – с окаймляющими блоками входного и выходного тестирования уровня знаний темы (раздела) с целью определения индивидуальной трассы изучения каждой КУП; а также б) модулем обучения пользованию компьютером с максимально дружественным интерфейсом, “погружающим” обучаемого в состояние повышенного психологического комфорта, что особенно важно для студента-гуманитария; в) обучению правилам работы с каждой КУП (напр., с тренинговой КУП, моделирующей КУП, игровой); г) модулем психологического тестирования, которое позволяет выявить психофизиологические характеристики, влияющие на обучение; д) адаптации к обучаемым, в зависимости от их психофизиологических характеристик; е) модулем релаксопедии. Кроме того, учитывая объемность, к ЭУИ могут подключаться дополнительные или расширенные компоненты (объемный глоссарий, мощная поисковая система, обширный справочный материал, хрестоматия и др.).

Детальное описание ЭУ и ЭУП (минимального и максимального дидактического ядра учебного модуля и его звеньев – “цель – теория – практика – контроль – ориентир на будущее обучение” и др.), структуры, психолого-педагогических требований к ЭУИ требует отдельного рассмотрения. Проблема понятия “что есть электронный учебник”, его существенных характеристик и концептуальной модели требует дальнейших обсуждений.

Современное образование и обучение все более переходит в электронную форму и осуществляется на основе мультимедиа, гипермедиа, электронных учебников, электронных систем обучения. Но все эти системы устраняют вербальный интеллект, язык и речь в их естественных формах; речь вообще устраняется; ликвидируется функция письма, которая физиологически протаргет электронные пути импульсов в нейронной структуре мозга.

1. Язык есть некоторая стабильная структура, которая обосновывает информацию, а речь – флуктуация смысла случайным и закономерным образом, порождающая акт не обоснования, а открытия. В электронном учебнике нет ни обосновывающих, ни объясняющих, ни открывающих процедур, но господствует метод догматического изложения материала.

2. Язык представляет собой инвариантную информационную структуру, а речь – процессуальную форму изменения языка как системы или системообразующую деятельность субъекта. Речь – системообразующее взаимодействие оценок, мыслей, чувств, ощущений, интуиций вербального интеллекта. При введении в образование электронных учебников, которые исключают речь и процесс речи, литературные языки и литературный процесс, разрушается сис-

темообразующая функция сознания и мышления вообще, язык человека становится фрагментарным, и он может работать лишь как конкретные вопросы и конкретные ответы, утрачивая способность конструирования связных сложных текстов!

3. Если язык задает априорные логические формы, то речь соотносит логические формы и факты, но если речи нет, то нет и этого соотношения, а факт этого соотношения и есть форма абстрактного мышления. Без речи ученики и студенты не понимают абстрактных операций, например, операций с дробями и арифметические функции, складывая $1/2$ и $1/2$ получают $1/4$ или $2/4$, но складывая пол яблока и пол яблока получают одно яблоко. Эти факты априорные и вытекают из экспериментального наблюдения за языком и речью как глубоких специалистов в области информатики, так и студенчества. Отмечу, что критики негативного отношения к компьютерному мышлению, в частности мои критики, ничего не знают в областях философии, логике и методологии науки, физиологии, психологии, психиатрии, медицине, дидактике, педагогике, истории науки, литературоведении, лингвистики, прагматической лингвистики, сравнительной грамматики, теории коммуникации, философии компьютерного мышления (в частности, не знакомы с работами Н. Винера, который представляет людей в информационном обществе как деградантов, и с работами Ф. Гиддингса, введшего понятие жизненных классов, высокожизненных, среднежизненных и мертвых). Работник информационной сферы принадлежит к маложизненной социальной группе, вызывающей своей деятельностью деградацию вида *homo sapiens* и становление вида *homo debilis* в рамках модели второго начала термодинамики и инволюции. Эти факты и модели уже давно обсуждаются в соответствующих диссертациях, в частности М. Кастельсом и т.п. Поэтому критика подобных теорий должна осуществляться *ad rem*, к сути дела в языках физиологии, психологии, логики и лингвистики, а не в форме личной обиды в виде доводов *ad hominem* и *ad personem*. Все работы А.А. Гагаева основаны на антиномичной логике и суждениях вида съяд вада, лингвистике, в которых критики совершенно не грамотны.

В XX веке лишь две монографии посвящены теории истины – Э.М. Чудинова и А.А. Гагаева. Между тем те, кто говорят о истине, не имеют даже статей в этой области, т.е. не компетентны в теории истины и скорее всего не являются учеными.

Мне очень жаль, что люди, не понимая что-либо, воспринимают свое незнание как личное оскорбление, оскорбление семьи, оскорбление социального класса и оскорбление этноса. Но это уже находится за пределами здравого смысла.

4. Информация имеет форму преемственности в языке, где она кумулируется, но наследуется информация – в актах речи, в которых она осваивается. И если ниже определенного предела оказывается речевая практика – то есть речевое воспроизведение информации, а именно это и делает электронный учебник, то не происходит при внутреннем воспроизведении информации освоения научного содержания науки!

Информация может быть в голове, но владения ею, компетенции не будет. В современных образовательных программах нет даже компетенции: а) владения языком, б) владения речью, в) владения литературным языком и речью, г) владение текстом, д) владение реальным, а не формальным и не техническим диалогом и полилогом; е) владением диалогом мондо. Без последнего первого и второго не может быть. Нет освоения материала.

5. Язык осуществляет прямые и обратные отрицательные связи, предполагая приспособление человека на основе своих априорных структур, а речь есть система обратных положительных связей, на основе которых человек себя изменяет, осуществляя перфекцию. Вне речи или при ее свертывании угнетается целевая функция всего живого – самосовершенствование как цель жизни и генерируется именно торможение и отрицание развития личности вообще. Речь – основной инструмент развития личности.

6. Полностью исключается из обучения литературный язык, устная речь, письмо и соответствующие физиологические и высшие психические функции.

7. На этой основе сворачивается свобода, широта, глубина, последовательность, этнокультурность и открывающий потенциал личности. Устраняются открывающие и обосновывающие процедуры за счет догматического метода сообщения информации чисто математических логик, вычислительного характера обучения, комбинаторности обучения.

8. Полностью устраняется избыточная информация как основа открывающей и синтетической способности интеллекта, имеет место натаскивание на вопросы и стереотипные ответы, т.е. осуществляется животная дрессура интеллекта.

9. Формируется знаково-символическая конструкция интеллекта вычислительного характера, замкнутого и конечного характера, исключая последующее самообучение и саморазвитие.

10. Устранение письменной работы ручкой ведет к тому, что не актуализируются физиологически и электронным образом соответствующие участки коры больших полушарий мозга, не проторяются пути движения нейронных импульсов, вследствие чего наступает, во-первых, отмирание нейронов, поскольку они не используются, а во-вторых. Падает частота импульсов, вероятно менее 100 импульсов в секунду, тогда как письмо ручкой за счет проторения путей и более углубленного понимания смысла понятий, увеличивало частоту импульсов до 500-2000 в секунду и более.

11. Электронные системы обучения предполагают полное усвоение так называемого учебника. Это суждение непрофессионально и идиотично. Во-первых, никакая наука не может быть усвоена полностью; во-вторых, учебник содержит лишь минимум необходимой научной информации и есть лишь основа для освоения дальнейшей информации. В-третьих, никакой учебник не может быть освоен полностью, в силу того, что как наука, так и учебный предмет сообщаемые в абстракции целостности имеют бесконечное, а не конечное содержание. В том то и состоит глупость «электронных учебников», что они предполагают полноту материала, в то время как имеют его ничтожное количе-

ство, исключая именно открывающий и обосновывающий потенциал научного знания.

12. Авторы электронных учебников создают их десятками, называя их без стыда и совести – учебниками, но учебник – исключительно трудное произведение, куда сложнее монографии, поэтому, к примеру, такой ученый, как Д.И. Менделеев, за всю свою жизнь написал 1 учебник химии, но это был великий учебник.

13. То, что называется электронным учебником, есть форма коммерциализации образования, его продажи путем удешевления и беспредельного упрощения; это грубая методика натаскивания на экзаменационные вопросы с применением мультимедиа и гипермедиа, полностью отрицающая научный характер учебного предмета.

Если рассматривать мультимедийные и гипермедийные системы обучения как дополнения естественного языкового, письменного и в особенности устно-речевого обучения и усвоения учебных предметов, моделирующих именно науки, содержащих открывающе-обосновывающие операции, то использование электронных систем обучения оправдано, в особенности в дистанционно-диалоговом режиме, когда лектор читает естественным образом лекцию и наблюдает на мониторе реакцию слушателей. Редукция же всего обучения к электронной системе есть абсурд и идиотизм коммерциализации образования.

14. Специально подчеркиваю, электронные системы обучения – это не образовательные системы, а коммерческие системы продажи образования как частного блага в условиях рынка. Но образование не частное благо, а общее благо. Это не экстернальная система, а интернальная система, и её целью является не подготовка дешевой рабочей силы к определенным профессиям, а подготовка этнокультурных личностей к деятельности открытий и изобретений в конкретных профессиях.

15. Таким образом, отсутствие а) естественного этнокультурного языка, б) литературного языка, в) речи в электронном учебнике и электронной системе образования порождает:

во-первых, разрушение системообразующей способности мышления и фрагментарность мышления, неспособность мыслить связными текстами и даже предложениями;

во-вторых, задержку мышления на стадии синкретических, сенсомоторных операций, конкретных операций и не-переход к формальным и рефлексивным операциям (разрывается связь абстракции и факта, создаваемая речью, а не языком);

в-третьих, без минимума речевой практики, которая своя в каждой науке, информация может накапливаться, но не осваиваться, то есть образование приобретает как раз схоластический характер игры в знания на компьютере;

в-четвертых, исчезает этнокультурный язык и этнокультурная интуиция;

в-пятых, полностью исчезает синтетическая способность суждения и рефлексии.

IV. Проблема факторов динамики открытий и изобретений и университета в IX в.д.н.э. – XXI веке.

Относительно открытий и изобретений следует сказать следующее.

А. Интернальные параметры.

1. Невозможно административными методами открывать и изобретать. Процесс открытий и изобретений – естественный биолого-социальный, не формализуемый процесс стохастического характера, который осуществляется классом инноваторов и идеационального типа личностями. Необходимо формирование: а) класса инноваторов-бизнесменов, как это справедливо отмечает И. Шумпетер. Без них – изобретателей и организаторов наукоемкого бизнеса – открытий и изобретений и НТП не может быть; не может быть класса открывателей и изобретателей.

Класс инноваторов имеет определенную психологию: система скепсиса, димензиальная психология, преодоление инерции смыслов и значений терминов, открывающие содержательные силлогизмы, мыслительные эксперименты, мотивация – алиенативность, новизна, истина, скепсис, мышление в естественном литературном языке.

2. Необходимо формирование среднего класса и финансовой системы, которая может финансировать венчурный бизнес. Но ни этого слоя, ни венчурного бизнеса в России нет, в Мордовии нет, в университете нет.

3. Возраст открывающих и изобретающих – 20-30, именно в этом возрасте в основном делают открытия и изобретения и активны; в РФ средний возраст кандидатов наук – 53 года, а докторов наук – 62. Средний возраст по группе – 59 лет. Они не могут делать открытия и изобретения и быть активными.

В Мордовском госуниверситете средний возраст кандидатов наук 44 года, а докторов – 55 лет, средний возраст по группе – 49 лет. Эти люди не могут делать открытия и изобретения по ограничению возраста.

Средний возраст учителя в России – 55 лет! Люди не хотят работать учителями.

4. Необходимо статусное положение тех, кто делает открытия и изобретения. Статус кандидатов и докторов наук рассогласован – у 67% кандидатов и 50-70% докторов наук. Ученые не имеют доступа к власти и ресурсам, влиянию принятия решений. То есть в производственной функции не соединяется научная и рабочая сила и капитал.

5. Финансирование не оптимально в соотношении естественно-технических и гуманитарных наук, преобладает финансирование первых, а вторых почти нулевое, но второе – вложения в человеческий капитал, а их-то и не делают.

Вероятно, оптимальная доля эмпиризма – 42 %, теоретических дисциплин – 60 %.

Вложения 60% средств в теоретические дисциплины и 40% в эмпирические обусловили масштаб и максимум научных открытий нобелевского уровня к началу XX века – 1920 г., а цифра – 53 % вложений в эмпиризм – уже форма деградации, вызвавшая сокращение масштаба открытий и числа открытий на одного европейца во второй половине – конце XX века!

Аналогично, вероятно, в условиях отсутствия специализированного знания доля вложений в гуманитарные науки в XIX веке составляла до 60%, а в естест-

венные и технические – 40%, поэтому активно формировался ОТКРЫВАЮЩИЙ ЧЕЛОВЕК.

Д.И. Менделеев отмечал, что когда из гимназии приходило 10 человек – 5 становились учеными, а когда приходили из специализированных реальных учебных заведений – уже только 1%. СССР, вероятно, тратил на теоретические дисциплины до 70% средств, а на технические – до 30% средств, на гуманитарные – до 70%, в естественные и технические – до 30% средств, поэтому и повторил 80 % мирового объема научных открытий, делая до 10% открытий в год.

Современная РФ проводит абсолютно ошибочную научную политику и образовательную политику: до 90% средств идет в технические дисциплины, ничтожно мало в теоретические дисциплины – не более 10%. Аналогично обстоит дело с соотношением естественных и технических наук, гуманитарных наук. В гуманитарных науках тратится не более 10% – и в стране, и в губерниях, и в университетах и т. п., а на технические науки – 70%.

В 1997 г. 73 % ассигнований приходится на технические науки, естественные – 18,5 %, сельскохозяйственные науки – 2,6 %, медицинские науки – 2,6 %, общественные науки – 2,1 %, гуманитарные науки – 1,8 %. Доля философии РФ – 3,4 %, а США – 50% (14, с. 139-150).

Итог – 2, 5% мирового объема научных открытий в год!

Д. Белл справедливо отмечает, что именно развитие теоретических, фундаментальных наук открывает новые онтологии, реальности, которые и осваиваются прикладными, разработочными и эмпирическими науками.

Неграмотно руководство наукой и образованием в РФ со стороны правительства Ельцина, Путина и Медведева; учитывая реформы в образовании и дикую политику концентрации науки и университетов, можно утверждать, что это приведет к полному коллапсу русской и российской, этнической науки в России.

Для того, чтобы делать открытия, надо сформировать открывающего человека, то есть необходимо резко увеличение вложений в а) гуманитарные и социальные науки, б) теоретические науки, в) изменение соотношения технических и гуманитарных и социальных и теоретических наук в пользу последних – лишь тогда начнет расти число открытий.

Открытия делают не институты и не деньги, а открывающий человек, но именно его современная власть убила и изгоняет из страны, ибо с существующим руководством – в силу его невежества и не порядочности подлинный ученый, как А. Гейм или К. Новоселов, Г. Перельман – работать не будут. Поэтому А. Гейм и заявил, что он еще не сошел с ума, чтобы вернуться в Россию за большие деньги, он – ученый, а не борец с ветряными мельницами и хочет творить, а не сражаться с ними на пустом месте!

6. Опережающе развивается теоретическая и фундаментальная наука, создавая онтологии, простор для прикладной и разработочной науки. В РФ же сосредоточены на прикладном и разработочном знании, теоретическая и фундаментальная наука не развивается реально.

7. Смешивается понятие университета как корпорации (прибыльность) и учреждения (услуга образования и воспитания), отсюда уровень требований,

который предполагает, что корпорация не свертывает образовательно-воспитательную деятельность, а учреждение – не осуществляет эту деятельность, которая становится непосильной и вторичной. Статус учреждения, а не корпорации предполагает, что университет развивает теоретическую и фундаментальную науку, а эмпирическая наука, прикладная и разработочная сосредотачивается в фирмах, имеющих свои научно-исследовательские системы и в венчурном капитале. Так формируется разделение труда между университетами, венчурным капиталом и фирмами. Затраты, к примеру, РФ на науку равны затратам Фольксвагена и составляют 1/2 затрат Фонда.

Статус учреждения предполагает и независимость университета от власти – местной и центральной, их невмешательство и не-централизованность определения образовательных и научных программ. Централизация в этой области ведет к деградации университета.

Общее благо – здоровье, образование, траты женщин на детей в возрасте 1-20 лет, справедливость общая и частная, равенство, свобода.

8. Утрачена этнокультурность творчества и специализация в мировом и российском научном разделении труда.

9. Нет подготовки кадров в университетах Москвы и мира. Коренизация кадров понижает качество подготовки ученых. 25 % следует изготовить в местных советах, 50 % – в профильных институтах, например, по профилю инженер-механики СТАНКИНе, 25 % – в ведущих университетах мира. Необходим обмен кадрами с другими университетами и работы нашей профессуры в других университетах – до 25 %, как и систематическая работа профессуры из других университетов в нашем университете. Необходимо систематическое обучение значительной части наших студентов в зарубежных университетах и ведущих университетах России, и на это должны быть ассигнованы необходимые средства.

Существенным является демографический состав кадров университета. В XIX веке это был мужской состав, а в XX увеличивается доля женщин. Все образование – и начальное, и высшее – более женская отрасль с руководством из мужчин. Но в высшей школе, вероятно, имеется небольшое преобладание численности мужчин. Но женщины, если они ученые и имеют детей и семью, то имеют в неделю рабочий день на 48 часов больше, чем мужчины. Поэтому от них, естественно, отдача в области науки будет меньше, чем от мужчин.

10. Нет доступа к реферируемой литературе и научной коммуникации, публикациям, журналах. Интернет не заменяет живой коммуникации ученых.

11. Защиты диссертаций делают человека кандидатом и доктором наук, но уровень этих работ исключает качество – быть ученым. Поэтому когда говорят о молодых ученых – кандидат до 35 лет и доктор до 40 лет – этот критерий даже не вводят. К тому же требования ВАК к диссертациям в реальности не научны, а бюрократичны, потому такие ученые, как М. Хайдеггер, М. Вебер или К. Юнг, в нашей стране не смогли бы защитить даже степень кандидата наук.

12. Само открытие не понимается как открытие в теоретических дисциплинах, а изобретение – только как интерпретация технико-технологическая теоретического принципа! Это свертывает научно-исследовательскую квалифика-

цию и активность, ибо ученые, работающие в прикладных науках, оказываются не грамотными в теоретических фундаментальных дисциплинах и потому не могут делать изобретения. Университет должен делать открытия из первых принципов, а прикладная наука их интерпретирует технико-технологически.

13. Структура корпораций не содержит внутри себя науки и не формулирует реальной потребности в науке в условиях инсайдерской формы частной собственности. Современная форма частной собственности противоречит науке.

Производственная функция должна иметь вид:

$Y = ANIK^{\alpha}L^{\beta}$. В ней: I – избыточная информация, но не излишняя, которая не входит в суть дела – изобретение и открытие, Y – валовый продукт фирмы, A – форма собственности, предполагающая аутсайдерскую форму, а не инсайдерскую, как в России и венчурный капитал, система прав собственности, адекватных НТП, открытию и изобретению, N – изобретатель и открыватель, вместе с тем бизнесмен, создающий оргфункцию и изменяющий структуру корпорации согласно НТП и рыночной ситуации, K – капитал, L – дорогая рабочая сила (квалификация, а не дешевая, как в России), α – рост K для увеличения на 1 % прибыли, β – рост квалификации и численности сложной дорогой рабочей силы для увеличения на 1% прибыли.

В России собственность – инсайдерская в основном, капитал не финансирует долгосрочным образом, нет венчурного капитала, нет изобретателей – бизнесменов типа Б. Гейтс и С. Джобс, рабочая сила – дешевая, а не дорогая и не квалифицированная.

В условиях дешевой рабочей силы фирмы не нуждаются в НТП, ибо решают проблему прибыли путем увеличения нормы прибыли, нормы эксплуатации, ростом цен и монополизацией, удешевляя рабочую силу еще больше, в особенности в условиях кризиса, добиваясь роста прибыли. Этому же способствует инсайдерская собственность и отсутствие множества собственников, замещаемых одним лицом, владеющим контрольным пакетом.

14. Необходим подход в воспитании и образовании с позиций избыточной информации, которая создает простор для творчества, надежности и потенциал открытий и изобретений.

Избыточность – это не излишняя информация, а та информация, например у математика из области логики или физики, которая создает разнообразие, порождающее творчество в математике, преодолевая его специализацию, то же относится к физике, имеющему избыточную математическую информацию. Избыточность информации создает инновационную бизнес активность. Так готовил кадры СССР, и так их готовили в XIX веке.

Избыточная информация – та, которая не относится к профессии и специальности, но входит в суть дела открытия и изобретения естественных тел, которые не подпадают под понятие специализированных объектов и предметов познания, изменяя результат, форму и содержание деятельности. Излишняя информация – узко-специализированная информация, увеличение которой слабо влияет на точность принимаемого решения и не влияет на вероятность измене-

ний в сути дела в положительном или отрицательном смысле. (Дж. М. Кейнс). В условиях избыточной информации открытия и изобретения делаются из первых принципов, а не путем интерпретации.

15. Отсутствует соответствующий тип научной культуры, как субъект инновационного мотивирования деятельности творчества. Эти 14 параметров в субстанции расово-этнокультурного космо-психо-логоса и ментальности и есть инновационная культура. В этой культуре в истории ни один параметр не исчезает, но все флуктуируют, обеспечивая взаимодействие и развитие.

Университеты и инновационная структура России не удовлетворяет этим факторам.

Во-первых, мы не имеем ученых, способных делать открытия. Во-вторых, необходима политика, и она начинается, по кардинальной смене кадрового корпуса, подготовки именно ученых, которые способны делать открытия, но эта деятельность должна сопровождаться проведением политики согласования, а не рассогласования статусов ученых.

Б. Экстернальные параметры.

1. Социальные отношения основаны на исключении ученых из доступа к власти, ресурсам, статусу в обществе, излишне заорганизованы общие отношения.

2. Форма собственности не содержит необходимой формы венчурного капитала и разделения труда между университетом, фирмой и венчурным капиталом. Необходима аутсайдерская, а не инсайдерская форма собственности. Нет необходимой производственной функции формы: $Y=AINK^{\alpha}L^{\beta}$.

3. Рост в мере революционной активности, что заставляет капитал отказываться от повышения нормы эксплуатации и нормы прибыли, но увеличивать вложения в науку и открытия, для сокращения переменного капитала и экономии на нем. В XX веке капитал увеличивает норму прибыли и эксплуатации, но не вкладывается необходимым образом в науку, образование, открытия и изобретения.

4. Мера госконтроля и самостоятельности фирм и общества. Отношение свободы, *laissez faire, laissez passer* (позволяй делать, что хочешь, идти, куда хочешь).

5.1. Подотчетность власти народу, политическая стабильность. Эффективность правительства, госрегулирование экономики, законность, криминалитет.

5. 2. Воспроизводственная модель нарушает аксиомы формы жизни в Евразии.

5. 3. Нет цели демографического развития и развития личности и ее способностей, свободы. $S = \frac{\sum B}{\sum \Pi}$, где S – свобода, B – возможности развития способностей и рост производительности труда, Π – система потребностей этноса и расы (Π . Сорокин).

5. 4. Циклы деградации интернально-экстернальных начал культуры, открывающего человека.

5. 5. Аккультурация, рецепция в мере и культурно-типическая реторсия.

V. Необходимым условием открытий и изобретений является производственная функция, которая предполагает наличие класса инноваторов и венчурный капитал. Достаточным условием является класс инноваторов и их молодость. Условием развития является наличие избыточной энергии и информации расы и этноса. Граничным условием – высокий статус ученых и тех. Кто делает открытия и изобретения. А начальным условием является вербальный интеллект, литературный язык и этнокультурная национальная модель воспитания и образования.

Литература:

1. Беляев М.И., Вымятин В.М., Григорьев С.Г. и др. Теоретические основы создания образовательных электронных изданий. – Томск, 2002. С.78.
2. Гагаев А.А., Гагаев П.А. Русские философско-педагогические учения XVIII-XX вв. М.: Наука, 2003. – 464 с.
3. ГОСТ 7.83-2001. Межгосударственный стандарт. Система стандартов по информации, библиотечному и издательскому делу. Электронные издания. Основные выходы и выходные сведения. Дата введения 2002.07.01
4. Гречихин А.А., Древс Ю.Г. Вузовская учебная книга: Типология, стандартизация, компьютеризация: Учеб.-метод. пособие в помощь авт. и ред. – М, 2000. 255 с.
5. Демушкин А.С., Кириллов А.И., Сливина Н.А и др. Компьютерные обучающие программы // Информатика и образование. – 1995. – № 3. – С. 18.
6. Джалиашвили З.О., Кириллов А.В. Компьютерное сопровождение учебника по истории // ИБ АИК. № 23. – М., 1998. С. 210-211.
7. Зайнутдинова Л.Х. Психолого-педагогические требования к электронным учебникам (на примере общетехнических дисциплин). – Астрахань, 1999. – 71 с.
8. Залманов П.Б. Интерпретация содержания образования в программном продукте “Электронный учебник” / VIII Межд. конф. “Применение НИТ в образовании”. – Троицк, 1997. – С.146-147.
9. Извлечения из инструкции о порядке рассмотрения и утверждения грифа Минобразования России на учебные электронные издания (приложение 2 к приказу Минобразования России от 19 июня 1998 г. № 1646).
10. Информационное обеспечение исторического образования: Сб. ст. / Под. ред. В. Н. Сидорцова, А. Н. Нечухрина, Е. Н.Балыкиной. – Минск-Гродно, 2003. – 194 с. (Педагогические аспекты исторической информатики; Вып.3).
11. Каймин В.А. Электронный учебник информатики / V Межд. конф.-выставка “ИТО-95”: Сборник трудов участников конф. – М., 1995.
12. Кириллов А.В. Новые информационные технологии в базовом гуманитарном образовании / Информатизация базового гуманитарного образования в высшей школе. Межвузовская научно-методическая конф. Тезисы докладов. – М., 1995. С.18-20.
13. Кривошеев А.О. Электронный учебник – что это такое? // Университетская книга. – 98. – № 2. – С. 13-15.

14. Маршакова-Шайкевич И. В. Анализ вклада России в развитие социальных и гуманитарных наук // Вопросы философии, 2000 №8, с. 139-150.
15. Осин А.В. Технология и критерии оценки образовательных электронных изданий / XI Межд. конф.-выставка “ИТО-2001”: Сборник трудов участников конференции. Часть VI. – М., 2001. С. 19
16. Самарина Н.В. Создание гипертекста в процессе работы над электронным учебником по истории / Опыт компьютеризации исторического образования в странах СНГ: Сб.ст. / Под ред. В.Н. Сидорцова, Е.Н.Балыкиной. – Мн., 1999. (Педагогические аспекты исторической информатики; Вып.1). С. 195-200.
17. Сорокин П. Социальная и культурная динамика – М.: Астрель, 2006. – 1175 с.
18. Теоретико-методологические проблемы исторического познания. Материалы к международной научной конф. В 2-х т. Т.2. – Мн., 2001. (С. 72-185. Педагогические аспекты исторической информатики; Вып.2)..
19. Христочевский С.А. Базовые элементы электронных учебников и мультимедийных энциклопедий // Системы и средства информатики: Вып. 9 / Под ред. И.А.Мизина. – М., 1999. – С.202-214.
20. Штомпель О.М., Штомпель Л.А. Компьютерный учебник “Культурология”: методическое обоснование / Информатизация базового гуманитарного образования в высшей школе. Межвузовская научно-методическая конф. Тезисы докладов. – М., 1995. С.36.

Докт. филол. наук Н.В. Дмитриук (Казахстан, Чимкент)

МЕНТАЛЬНО МАРКИРОВАННЫЕ КОНЦЕПТЫ КАЗАХСКОЙ КУЛЬТУРЫ В ДИАХРОНИЧЕСКОМ АСПЕКТЕ

В условиях современной глобализации и интеграции полиэтнических государств, каким является Казахстан, стирание этнических граней по пути цивилизации и прогресса, с одной стороны, и повсеместное возрождение национальных традиций, с другой стороны, оказывается объективной данностью существования казахстанского поликультурного социума. Постепенность эволюционного развития культуры и цивилизации делает возможным одновременное существование в одном социуме сложной системы соотносительных и специфических форм этнокультур, что делает возможным и весьма эвристичным исследование интер- и интракультурных контактов и поведенческих регулятивов внутри исторически сложившегося в советский и постсоветский период поликультурного казахстанского социума.

Языковая и этнокультурная ситуация, сложившаяся в странах СНГ после распада Советского Союза, по-новому осветила проблему межэтнического общения, выдвинув на первый план необходимость поиска путей взаимопонимания и взаимодействия разных этнических сообществ. Так, в Казахстане в новой для себя ситуации оказались представители двух самых крупных этносов – казахского и русского (к последнему примыкают представители так называемого русскоязычного населения, что создало ситуацию двойного стандарта). За годы, предшествовавшие распаду Союза, в Казахстане был накоплен огром-

ный опыт по заимствованию, использованию и приобретению мирового опыта, который успешно был усвоен казахстанцами через посредство русского языка, что тоже нельзя не учитывать в создавшейся ситуации.

В этой ситуации становится чрезвычайно актуальным и своевременным поиск социальной идентичности и формирование национальной идеи казахстанцев как основы устойчивого развития Казахстана. В связи с этим всестороннее исследование концептов казахской национальной культуры и построение на их основе специфической казахской концептосферы является актуальным и перспективным направлением в современной гуманитарной науке.

Национально-специфическая концептосфера духовных и ментальных ценностей составляет стержень любой этнокультуры, на котором держится и функционирует казахская идентичность как основной стратегический ресурс, консолидирующий все многонациональное казахстанское общество под знамя национальной идеи мирного содружества и единства всех народов Казахстана. Философская основа реконструкции концептосферы закладывает прочный фундамент для широкого круга этноментальных, лингвистических, морально-этических исследований.

Примером и образцом фундаментального исследования концептосферы одной локальной культуры может служить «Словарь русских концептов» Ю.С.Степанова и «Русский ассоциативный словарь» (РАС), где в полной мере описана и структурирована русская языковая картина мира, отражающая специфические особенности русского менталитета и русской национальной идеи.

Содержанием нашего научного проекта является создание аналогичного казахско-русского ассоциативного словаря (КРАС) и выявление на его основе казахской концептосферы, а также сравнительно-сопоставительный анализ ядра и периферии языкового сознания двух контактирующих этносов – казахского и русского. Сопоставления материалов казахского и русского корпуса ассоциативных экспериментов призваны обнаружить и интерпретировать этнокультурные стереотипы и специфику языкового сознания представителей этих двух сопоставляемых этносов. При этом интересным представляется рассмотреть феномен казахской и русской ментальности в аспекте этнокультурной адаптации в иноязычной среде.

Исследование языкового сознания представителей разных этносов – тема новая, широко разрабатываемая в последние десятилетия на Западе и в России, но в Казахстане проблемами казахской ментальности, выявлением этнической концептосферы в языковом сознании титульного этноса с помощью ассоциативной методики еще никто специально не занимался (некоторые работы Г.Г.Гиздатов, Ж.Джамбаевой и др. носят характер пилотажных прогностических исследований). Представляется чрезвычайно интересным и перспективным исследовать языковое сознание современных казахов и русских – представителей двух наиболее крупных этносов, проживающих на территории Казахстана, – в их динамике, с целью сопоставления и выявления степени трансформации отраженных в языковом сознании представлений о мире в новых социально-экономических условиях. Такое исследование представляется вполне эв-

ристичным и перспективным, отличается новизной и обладает высоким прагматическим потенциалом.

Магистрант О.О. Карасёва, канд. филол. н. О.Л. Арискина (Саранск)
ТЕРМИНЫ МОРФЕМИКИ И СЛОВООБРАЗОВАНИЯ В «РОССИЙСКОЙ
ГРАММАТИКЕ» М. В. ЛОМОНОСОВА: ТРАДИЦИЯ И НОВАТОРСТВО¹

Основная дериватологическая идея Ломоносова заключается в том, что он четко разграничивает, практически противопоставляет понятия (а следовательно, и стоящие за ними процессы) *производства* и *сложения*. *Производство* – это «наращение складов» (**гора** → **горница, гористь, горной; рука** → **ручка, ручной, рукавица**), а *сложение* – это «совокупление двух или многих речений во едино» (**рука + мою** → **рукомойникъ; разъ+ про+ страна** → **разпространяю**).

Безусловно, интерес представляет отступление от единообразия названий, сложившихся в славянской лингвистической традиции и варьирование терминологических номинаций. Важно понятие *двуречных союзов* – прототипа современных составных единиц (т. е. есть *простые, сложные и составные слова*), *свойственных междометий* – синонима первообразных – и *заимственных междометий*, т. е. образованных переходом языковых единиц из одной части речи в другую – неморфологическим способом. Видимо, языковая интуиция Ломоносова еще на допонятийном уровне различия морфологических и неморфологических способов словопроизводства не позволила автору традиционно именовать данные слова – *первообразные и производные*.

В параграфах, посвященных предлогам, автор «Российской грамматики» вводит понятие *прямые предлоги*, называемые так, «для того что всегда в слитном сложении или в раздельном сочинении употребляются (**восхожу, въ доме** и проч.). Встречающиеся в примерах варианты (**о – обь, во – вь, со – съ**) показывают зародившееся понимание об алломорфах. Помимо упоминания о *прямых предлогах*, Ломоносов пишет о *раздельных* и *слитных предлогах*, а также о самом процессе *слития* и *разделения предлогов*. Ломоносов четко указывает на словообразовательную роль приставки (*предлога* – в его терминологии), подчеркивая, что производное слово, образованное префиксацией, отлично по семантике от первообразного. И особенно важно, что лингвист толкует словообразовательное значение многих предлогов. Разработку словообразовательного значения глагольных префиксов можно соотнести с системой способов глагольного действия.

Что касается славянской традиции выделять родовой термин в морфемном учении – *начертание*, то Ломоносов, бесспорно, нарушает ее. Термин *начертание* встречается в его труде в значении «буква».

---

¹ Исследование выполнено при финансовой поддержке РГНФ, проект 12-34-01212 а 2 «Роль языковой личности грамматистов XVI – XVIII вв. в развитии русской лингвистической науки».

Терминов морфемики и словообразования в «Российской грамматике» сравнительно небольшое количество, но представлены они очень подробно. При вводе нового термина важно было дать ему четкое, семантически строгое объяснение, поэтому неизмеримо возростала роль контекста. При этом Ломоносов использовал принцип постепенного терминологизирования, последовательно раскрывая в контексте значение слова, еще не ставшего термином.

Таким образом, в «Российской грамматике» М. В. Ломоносов проявил себя как выдающийся дериватолог и терминолог, в работе которого можно увидеть сочетание традиции и новаторства.

БИБЛИОГРАФИЧЕСКИЕ ССЫЛКИ

Ломоносов, М. В. Российская грамматика // М. В. Ломоносов. Полное собрание сочинений. Т. 7: Труды по филологии 1739 – 1758 гг. – М. – Л.: Изд-во АН СССР, 1952. – С. 389 – 579.

Аспирант И.И. Тукаева (Ульяновск)

ВОЛК КАК ЯЗЫКОВАЯ ЛИЧНОСТЬ В НАРОДНЫХ СКАЗКАХ О ЖИВОТНЫХ (СОЦИОТИПИЧЕСКИЕ АСПЕКТЫ)

В настоящее время центральным объектом многих исследований современного языкознания становится носитель языка, человек говорящий, т.е. языковая личность. Термин «языковая личность» был впервые введен В.В. Виноградовым в 1930-х гг. в монографии «О языке художественной прозы», и впоследствии стал активно использоваться лингвистами. Большой вклад в разработку и развитие концепции языковой личности также внесли Ю.Н. Караулов, В.И. Карасик, Т.Н. Ушакова, А.М. Пешковский, и др.

Языковую личность можно рассматривать с позиций психолингвистики, прагматики, лингвокультурологии, прагмалингвистики, этнолингвистики, лингвистики текста, социолингвистики, лингвосоционики и других антропоцентрических направлений. Изучение языковой личности на пересечении различных областей науки обуславливает сложность и неоднозначность подходов к определению, структуре, критериям и способам описания данного понятия.

В отечественной лингвистике наиболее известна концепция языковой личности Ю.Н. Караулова. Под языковой личностью в данной концепции понимается «совокупность способностей и характеристик человека, обуславливающих создание и восприятие им речевых произведений (текстов), которые различаются степенью структурно-языковой сложности, глубиной и точностью отражения действительности, целевой направленностью» (Ю.Н. Караулов 2002: 38).

Ученые выделяют следующие основные сущностные характеристики языковой личности: языковая способность, языковое сознание, коммуникативная потребность. Языковая способность складывается из следующих компонентов: фонетического, морфологического, синтаксического и лексического. Языковая способность и коммуникативная потребность являются предпосылками для

осуществления общения. Успешность речевого общения зависит от способности общающихся организовывать своё речевое и неречевое поведение согласно задачам общения, т.е. речь идет о коммуникативной компетенции. Коммуникативная компетенция выступает проявлением языкового сознания в выборе средств общения в конкретной коммуникативной ситуации (А.С. Цой 2008: 6).

Не менее интересным научным объектом в настоящее время являются соционические (социотипические) характеристики поведения личности. Соционика (так называется молодая наука) занимается изучением типологических особенностей личности. Основную часть исследований в этой области представляют исследования невербального поведения личности, однако в последнее время изучение вербального поведения личности представляет всё больший интерес для исследователей.

Наше же внимание занимает вопрос о возможности считать персонаж народной сказки о животных языковой личностью. Если учесть, что персонаж животного в сказке наряду с невербальными поступками совершает и вербальные, что высказывания его имеют целевую направленность и различаются степенью структурно-языковой сложности, то считаем возможным рассматривать персонаж сказки о животных как языковую личность, что и постараемся доказать ниже.

Одним из основных, наиболее часто встречающихся персонажей русских народных сказок о животных является **Волк**. На примере данного персонажа рассмотрим основные социотипические аспекты его языковой личности.

При проведении исследования одной описанной ситуации порой может оказаться недостаточно для определения социотипических характеристик, либо в разных сказках один и тот же персонаж будет вести себя по-разному, согласно характеристикам разных социотипов.

Напомним, что социотип определяется исходя из четырёх дихотомий: рациональность-иррациональность, экстраверсия-интроверсия, интуиция-сенсорика, этика-логика. Любопытно, что **Волк** своим поведением может демонстрировать функционирование почти каждой составляющей из перечисленных выше дихотомий. Приведём примеры, наиболее ярко отражающие функционирование каждой социотипической функции.

Рассмотрим проявление социотипических функций в невербальном и невербальном поведении **Волка**.

В своих действиях **Волк** спонтанен, живёт без плана, и в целом иррационален:

«А мне что же делать? Я куда денусь? – спрашивает **волк**. – Ведь я на дерево ни за что не взберусь! Михайло Иваныч! Схорони, пожалуйста, куда-нибудь, помоги горю» (А.Н. Афанасьев 2010: 47).

В речевом плане как иррационала **Волка** характеризует множество вопросительных и восклицательных предложений – что свидетельствует о повышенной эмоциональности и импульсивности, ситуативности и спонтанности принятия решений, поскольку иррационалы – это воспринимающие типы. Они принимают мир как нечто целое, не упуская из внимания факты и объекты, которые не связаны причинно-следственными отношениями. **Волк** здесь выступает

как субъект, чьё поведение является отнюдь не спланированным, а спонтанным, как субъект предельно ситуативный (цепной характер связи высказываний здесь свидетельствует ещё об одной характеристике **Волка** – его *логичности*).

Волк эстравертен – он легко идёт на контакт, стремится помочь другому, когда тот нуждается в помощи, проявляет инициативу:

«Навстречу ему **бирюк**. «Что ты плачешь?» – спросил **бирюк**. «У нас в избе кто-то», – сказал сквозь слёзы зайчик. А **бирюк**: «Иди со мною, я выгоню!» (А.Н. Афанасьев 2010: 71).

Об *экстравертности Волка* в данном примере свидетельствует то, что **Волк** первым идёт на контакт, что он не только начинает диалог, но даже готов взять на себя дополнительную ответственность (для интровертов такое поведение нехарактерно). Речевыми показателями экстравертности, вероятней всего, являются формы 2-го лица (*плачешь; иди*); восклицательный характер высказывания, где **Волк** проявляет инициативу и даёт обещание взять на себя дополнительную ответственность (*Иди со мною, я выгоню!*).

Волк чаще ведёт себя как *интуит* (заботится о будущем, запасливый, хозяйственный, левоверный):

«Залезли они на полдровку, где у **волка** было много мёду, и съели половину кадушки. Проводила кумушка подругу и вошла в избу. «Как, кума, младенца зовут?» – спросил **волк**. «Починочком». На другую ночь то же. Кумушки весь медок съели. **Волк** опять спрашивает: «Что, кума, как зовут? – «Поскрёбышком». День пришёл и лиса захворала: «Ох, ох!..» – «Что, кума, или захворала?» – «Захворала, кум, что-то головушка заболела». – «Постой-ка, кума, я тебя вылечу; у меня есть запасец» (А.Н. Афанасьев 2010: 21).

В речевом плане о том, что **Волк** выступает как интуит, говорят и слова автора «где у **волка** было много мёду» – т.е. **Волк** запасливый, думает о будущем, хозяйственный. Кроме того, в речи самого **Волка** можно увидеть его принадлежность к интуитам. Например, использование им в речи глаголов в будущем времени – «*вылечу*», т.е. в некотором смысле **Волк** даёт обещание, что говорит о том, что **Волк** в данной ситуации больше живёт будущим, а не настоящим моментом. Об этом, также говорит использование слова «*запасец*» – уменьшительное от «запас» – «заготовленное для будущего пользования какое-н. количество материала, вещества, предметов» (Толковый словарь Ушакова [Электронный ресурс]. Режим доступа: <http://ushakovdictionary.ru/word.php?wordid=17546>).

Развитая логика **Волка** проявилась в его склонности разрабатывать планы или следовать им:

«А вот я лучше тебя научу: поди-ка да принеси мне пудика три хорошей кобылятинки, поправь меня немножко, да тогда и делай со мною что угодно».

Волк послушал кобеля, пошёл и притащил ему половину кобылы: «Вот тебе и говядинка! Смотри, поправляйся». Сказал и ушёл» (А.Н. Афанасьев 2010: 62).

О том, что **Волк** в данном примере логик, говорят слова автора – «**Волк** послушал кобеля, пошёл и притащил ему половину кобылы» – т.е. **Волк** легко поддаётся на уговоры, попадая под влияние этика. **Волк** настроен на эффектив-

ность действий, взвешивает все «за» и «против», принимает обоснованное решение, руководствуется объективной информацией. **Волк** последователен в своих действиях, о чём говорит использование союза «и», внутренне связывающего «сообщение с предшествующей ситуацией, предопределяющей положительную или отрицательную оценку» (Ожегов С.И. Словарь русского языка [Электронный ресурс]. Режим доступа: <http://www.ozhegov.org/>.8).

В общем, невербальное поведение **Волка** представляется следующим образом: **Волк** умеет целостно воспринимать ситуацию, но одновременно ожидает и помощи со стороны, спрашивает совета (см. сказку «Кот и лиса»). **Волк** стремится к конкретным делам с видимым результатом, способен находить альтернативные решения. Ему свойственна оригинальность и нестандартность подхода к решению проблем, авантюризм и изобретательность (ср. необычный способ отобрать у старика скотину, потребовав при этом отдать ему старуху в сказке «Волк»). **Волк** внимателен, но не злопамятен и даже благороден: он не таит на Лису прежнего зла в сказке «Лисичка-сестричка и Волк», но жалеет её и помогает, что говорит об отсутствии подлинной агрессивности в характере. При виде побитой Лисы или плачущего Зайца у **Волка** возникает желание защитить их, оказать помощь. Мы видим, что **Волк** слабо ориентируется в сфере собственных физических потребностей (см. сцену ловли рыбы в проруби в сказке «Лисичка-сестричка и Волк»). В то же самое время он способен рационально и продуктивно действовать, обладает деловым чутьём и организаторскими способностями, уверен в своих действиях.

Как видим из приведённых примеров, речь **Волка** разнообразна, но лаконична. Он уточняет получаемую информацию, задаёт конкретизирующие вопросы. Использует возвратные глаголы, может ответить вопросом на вопрос. Речь **Волка** эмоциональна, много вопросительных и восклицательных предложений.

Таким образом, мы рассмотрели основные вербальные и невербальные особенности выражения социотипических аспектов языковой личности **Волка** в русских народных сказках о животных. Есть все основания считать, что персонаж **Волка** в русских народных сказках обладает характеристиками, необходимыми для того, чтобы рассматривать его как языковую личность. Как мы убедились, персонаж животного в сказке наряду с невербальными поступками совершает и вербальные, высказывания персонажа имеют целевую направленность и различаются степенью структурно-языковой сложности, что и подтверждает сделанный нами вывод.

Формат статьи не позволяет более подробного рассмотрения данной проблемы. Полагаем, что необходимо более конкретное и детальное изучение как вербальных, так и невербальных соционических аспектов выражения языковой личности персонажей в народных сказках о животных.

ЛИТЕРАТУРА

Афанасьев А.Н. Народные русские сказки. Полное издание в одном томе. М.: «Издательство АЛЬФА-КНИГА», 2010. – 1087с.: ил. – (Полное издание в одном томе).

Виноградов В.В. О языке художественной прозы. – М., 1930. –360 с.

Караулов Ю.Н. Русский язык и языковая личность. – М.: ЛКИ, УРСС Эдиториал, 2010. – 264 с.

Карасик В.И. Языковой круг: личность, концепты, дискурс. – Волгоград: Перемена, 2002. – 477 с.

Митрохина Л.А. Общая соционика. Информационный метаболизм психики. Учебно-практическое пособие. – М.: Чёрная белка, 2010. – 544 с.

Ожегов С.И. Словарь русского языка [Электронный ресурс]. Режим доступа: <http://www.ozhegov.org/>.

Толковый словарь Ушакова [Электронный ресурс]. Режим доступа: <http://ushakovdictionary.ru/word.php?wordid=17546>.

Цой А.С. Антропоцентрическая лексикография... // Русский язык за рубежом. – 2008. – № 1.– С. 43–48.

ЛОГИКО-СТРУКТУРНЫЕ АСПЕКТЫ ПРОБЛЕМЫ ЯЗЫК И МЫШЛЕНИЕ

Канд. филол. наук Т.С. Алексеева, студ. Ю.И. Мифтахутдинова
(Ульяновск)

ПРОБЛЕМЫ ТЕРМИНОЛОГИИ И ПЕРЕВОДА НАУЧНО-ТЕХНИЧЕСКИХ ТЕКСТОВ

Научные тексты в большинстве своих жанровых разновидностей характеризуются консервативностью в отборе языковых средств выражения. Это обстоятельство подчёркивается многими исследователями языка научного стиля [Новиков 2001].

Тщательный отбор лексики способствует чёткости и ясности изложения. Поскольку в научных текстах используются такие лексические единицы, с помощью которых можно однозначно передать необходимую научную информацию, то вариативность лексики в них довольно ограничена. Для научного стиля характерно стремление к стандарту. Информативными тексты могут быть только при правильном подборе однозначно воспринимаемых лексических средств. Большую роль в создании научных текстов играют общенаучные слова, как, например: *процесс, анализ, параметр, аспект* и т.п.

Научно-технический текст насыщен терминами, несущими основную нагрузку. Затрагивая проблемы научно-технического текста вообще и его перевода в частности, следует уделить внимание проблемам терминологии.

Известно, что слово «терминология» является многозначным. В практике им обозначается:

- 1) совокупность или некоторое неопределённое множество терминов-слов вообще;
- 2) совокупность терминов (понятий и названий) какой-либо определённой отрасли знания (медицинская терминология, географическая терминология);
- 3) учение об образовании, составе и функционировании терминов вообще;
- 4) учение об образовании, составе и функционировании терминов определённой отрасли знания, употребляющихся в определённом языке, и их эквивалентах в других языках;
- 5) общее терминологическое учение.

В обычной речи слова, как правило, полисемантически, т.е. они передают целый ряд значений, которые могут расходиться порой довольно широко.

Например, несколько значений слова *table*, которые концентрируются вокруг стержневого понятия «плоскость»: *стол, скрижаль, доска, таблица, плита, табель, дощечка, плоскогорье*.

Наряду с этим слово *table* обладает и рядом переносных значений, сохраняющих известную, хотя и более отдалённую, связь со стержневым понятием: *общество за столом; еда* (то, что подаётся на стол); *надпись на плите*.

Такая многозначность слов в общелитературном языке является фактором, свидетельствующим о богатстве языковых изобразительных средств.

Лексическая многозначность придаёт речи гибкость и живость и позволяет выражать тончайшие оттенки мысли.

В научно-техническом языке главным требованием оказывается предельная точность выражения мысли, не допускающая возможности различных толкований.

Поэтому основным требованием, предъявляемым к термину, становится однозначность, т.е. наличие только одного раз навсегда установленного значения.

Термин (включая научно-технические термины и термины организационно-распорядительной документации) – это единица какого-либо конкретного естественного или искусственного языка (слово, словосочетание, аббревиатура, символ, сочетание слова и букв-символов, сочетание слова и цифр-символов), обладающая в результате стихийно сложившейся или особой сознательной коллективной договорённости специальным терминологическим значением, которое может быть выражено либо в словесной форме, либо в том или ином формализованном виде и достаточно точно и полно отражает основные, существенные на данном уровне развития науки и техники признаки соответствующего понятия. Термин – слово, обязательно соотносимое с определённой единицей соответствующей логико-понятийной системы в плане содержания.

А.А. Реформатский определяет термины как однозначные слова, которые лишены экспрессивности. М.М. Глушко констатирует, что термин – это слово или словосочетание, употребляемое для выражения понятий и обозначения предметов, обладающее, благодаря наличию у него строгой и точной дефиниции, чёткими семантическими границами и поэтому однозначное в пределах лишь соответствующей классификационной системы.

Большое внимание уделяется систематичности вновь создаваемых терминов. Во многих областях разработаны специальные правила образования терминов для понятий или объектов определённого класса.

Так, к примеру, термины-словосочетания создаются путём добавления к термину, обозначающему родовое понятие, конкретизирующих признаков с целью получить видовые понятия, непосредственно связанные с исходным понятием. Такие термины фактически представляют собой свёрнутые определения, подводящие данное понятие под более общее и одновременно указывающие его специфический признак. Таким образом, образуются своеобразные терминологические гнёзда, охватывающие многочисленные разновидности обозначаемого явления [Новиков 2001].

Например, английский термин *tax*, определяемый как *налог, пошлина, сбор, членские взносы, бремя, гнёт, груз, тяжесть, плата по счёту, цена, неодобрение, порицание; обвинение* используется как основа для ряда терминов, уточняющих характер налогового сбора:

- *income tax* – *подходный налог;*
- *expenditure tax* – *налог на расходы;*
- *land-tax* – *налог на землю;*
- *value-added tax* – *налог на добавленную стоимость.*

Термин-сложное слово представляет собой чаще всего сочетание двух или больше основ имён существительных, которые совпадают с формами, приводимыми в словарях: *distributable items* (*распределяемая прибыль*), *book value* (*балансовая стоимость*) и т.д. Терминологическое устойчивое словосочетание обычно образуется сочетанием имени прилагательного с именем существительным, причастия с существительным или нескольких существительных, соединённых предлогами: *accounting convention* (*метод бухгалтерского учёта*), *building of competencies* (*повышение квалификации*), *utilization of losses* (*погашение убытков*).

Нельзя не упомянуть, что переводчику для того, чтобы перевод сложных слов был правильным, прежде всего, следует определить, к какой лексико-смысловой категории относятся компоненты сложного слова, т.е. что именно они обозначают: предметы, действия, свойства и т.д. Сложное слово-термин, оба компонента которого обозначают предметы (т.е. машины, механизмы, приборы и т.д.), переводится по-разному, в зависимости от того, в каком соотношении находятся между собой данные предметы.

Таким образом, переводя научно-технический текст, переводчик сталкивается с рядом трудностей. Ему необходимо помнить, что термин – это специальное слово (или словосочетание), принятое в профессиональной деятельности и употребляющееся в особых условиях, и которое для своего правильного понимания требует специальной дефиниции (точного неумного определения). Кроме этого, переводчику необходимо знать, в какой последовательности переводить многокомпонентные термины.

ЦИТИРУЕМАЯ ЛИТЕРАТУРА:

Новиков А.И. Лексические трудности перевода научно-технической литературы. – М.: Просвещение, 2001. – 255 с.

Канд. филол. наук С.Г. Виноградова (Тамбов)

ИЗУЧЕНИЕ АКТУАЛЬНОГО ЧЛЕНЕНИЯ ПРЕДЛОЖЕНИЯ В РУСЛЕ КОГНИТИВНОЙ ПАРАДИГМЫ В ЛИНГВИСТИКЕ

На протяжении многих лет с разных теоретических позиций лингвисты обращаются к исследованию остро поставленной В. Матезиусом еще в 40-х гг. прошлого века проблемы актуального членения предложения (деления предложения на тему высказывания, то, что в данной ситуации является известным, и ядро высказывания, которое отражает сообщаемую говорящим новую информацию) и его функциональной перспективы, связанной с соотношением внешней структуры предложения и внутренним движением мысли.

В русле когнитивной парадигмы в лингвистике изучение этой проблемы является весьма полезным, поскольку именно в рамках когнитивного подхода предлагаются наиболее эффективные способы анализа языка в его тесной взаимосвязи с мыслительной деятельностью человека. Следует отметить, что важных результатов в области исследования актуального членения предложения с позиций вышеупомянутого подхода уже удалось достичь.

Так, актуальное членение предполагает распределение информации на данную и новую, и в когнитивном плане это распределение не носит явно дихотомический характер, а подразумевает переходность границ между составляющими информационной структуры предложения, что, прежде всего, обусловлено особенностями коммуникативного процесса. Одновременно, известная и неизвестная информация чаще всего рассматривается в терминах гештальт-психологии как соотношение фона и фигуры, и, отсюда, как фоновое и выделенное. При этом продуцирование и восприятие информации в форме известной или новой объясняется принципами фокусировки внимания и выбора отправителем и адресатом концептуальной точки зрения, а также сходством и различием преинформационных запасов знаний участников коммуникации как субъектов познания, их представлений, эмоционального состояния, социального статуса.

Кроме того, подчеркивается, что информационная структура предложения детерминирована контекстом самого предложения и текстом/ дискурсом, частью которого оно является. Вместе с тем, предложение признается базовой единицей обработки информации в тексте, что связывается с тем когнитивным фактом, что оно выступает в качестве языкового выражения пропозиции как единицы хранения знаний в голове человека.

В то же время, членение сложных предложений, представляющих собой языковую репрезентацию двух или более пропозиций, объединенных концептом сочинения или подчинения, требует должного внимания. Весьма спорной является точка зрения, согласно которой в сложноподчиненных предложениях, функционирующих в пределах текста, подчинение и соответствующую ему часть текста следует относить к фоновой информации, поддерживая факультативность выделенности информации главного предложения. В дальнейшей разработке нуждается вопрос об иерархии концептуальных составляющих сложносочиненных предложений для определения информационно более и менее значимых элементов таких языковых единиц.

Интересные результаты может дать изучение первичных когнитивных принципов построения высказываний как сообщений об известной и новой информации, исследование природы знаний, стоящих за средствами языкового выражения актуального членения предложений разных структурных и коммуникативных типов, а также анализ особенностей лексической, морфологической, синтаксической категоризации этих средств. Одной из задач изучения актуального членения предложения в рамках текста может быть выявление закономерностей распределения информации в тексте с учетом многоуровневой организации системы познания человеком окружающего мира.

Аспирант А.В. Живаев (Ульяновск)

МЕТОД РАССТОЯНИЙ В ИЗУЧЕНИИ КОНЦЕПТОВ ПРАВДЫ/ИСТИНЫ И TRUTH

Метод расстояний в концептологических исследованиях пока не использовался. В лингвистическую практику его ввёл В.А.Никонов (Никонов 1974) и развил В.Д.Бондалетов (Бондалетов 1983).

Настоящая статья представляет собой попытку использования данного метода при изучении концептов *правды/истины* и *truth*. Он отличается от уже устоявшихся методов анализа (анализ семантического поля слов-репрезентантов, анализ устойчивых сочетаний и сравнений с номинантами концепта, анализ ассоциативного поля концепта, построение паремиологического поля концепта) (Залевская 1999; Кубрякова 1996; Лихачёв 1993; Попова, Стернин 2001; Маслова 2001) тем, что он позволяет объективировать лингвистические исследования, наглядно и с математической точностью представить различия между двумя концептами (Бондалетов 1983: 74-78; Моисеева 2007).

Во-первых, представим все ЛСВ слов-репрезентантов концептов, а именно:

- 1) безгрешность (*правда*);
- 2) то, что соответствует действительности (accordance with fact or reality – *истина, truth, правда*);
- 3) всё, что верно, подлинно, точно (agreement with a standard or original – *truth*) (*истина, truth*);
- 4) действительное положение вещей, подлинность (the state or quality of being true; the true or actual state of a matter – *truth, истина*);
- 5) добро или благо от любви, нрава и воли (*правда*);
- 6) идеальная действительность, противопоставленная трансцендентально воспринятому опыту (ideal or fundamental reality apart from and transcending perceived experience – *truth*);
- 7) нравственный идеал (*истина*);
- 8) откровение с небес (*правда*);
- 9) положение, утверждение, суждение, которое принято считать истинным (установленное наукой, проверенное практикой, опытом), очевидным (an important fact or idea that is accepted as being true – *истина, truth*);
- 10) праведность, законность, порядок (основанный на справедливости) (*правда*);
- 11) правильность суждений или поступков, правота (*правда*);
- 12) реалистическое изображение жизненных явлений в художественном произведении, на сцене и т.п. (faithful reproduction or portrayal – *truth, правда*);
- 13) синоним уступительного слова *хотя* (*правда*);
- 14) справедливость (honesty; integrity – *истина, truth*);
- 15) точность позиции, соединения (accuracy, as of position or adjustment – *truth*);
- 16) честность, неподкупность, добросовестность (*правда*).

Укажем ЛСВ концептов «*правда*»\«*истина*» и «*truth*» являющимися общими или «сквозными» для русского и английского языков (сохраним общую нумерацию в списке всех ЛСВ слов – репрезентантов концептов):

- 2) то, что соответствует действительности (accordance with fact or reality – *истина, truth, правда*);
- 3) всё, что верно, подлинно, точно (agreement with a standard or original – *truth*) (*истина, truth*);

4) действительное положение вещей, подлинность (the state or quality of being true; the true or actual state of a matter – *truth, истина*);

9) положение, утверждение, суждение, которое принято считать истинным (установленное наукой, проверенное практикой, опытом), очевидным (an important fact or idea that is accepted as being true – *истина, truth*);

12) реалистическое изображение жизненных явлений в художественном произведении, на сцене и т.п. (faithful reproduction or portrayal – *truth, правда*);

14) справедливость (honesty; integrity – *истина, truth*);

Далее представлены уникальные ЛСВ для каждого из слова-репрезентанта концептов.

Для слова-репрезентанта концепта «истина» это такие ЛСВ как:

7) нравственный идеал;

Для слова-репрезентанта концепта «правда» это ЛСВ:

1) безгрешность;

5) добро или благо от любви, нрава и воли;

8) откровение с небес;

11) правильность суждений или поступков, правота;

13) синоним уступительного слова *хотя*.

17) честность, неподкупность, добросовестность.

Для слова-репрезентанта концепта «truth» это ЛСВ:

б) идеальная действительность, противопоставленная трансцендентально воспринятому опыту (ideal or fundamental reality apart from and transcending perceived experience);

15) точность позиции, соединения (accuracy, as of position or adjustment).

Для анализа были взяты высказывания, содержащие в себе слова-репрезентанты анализируемых концептов. Проанализировав высказывания научной (по 20 высказываний для каждого из концептов) и художественной речей (по 20 высказываний для каждого из концептов), представим результаты в следующих таблицах:

Таблица 1.

Сравнение употребительности «сквозных» ЛСВ слов-репрезентантов концептов «истина» и «truth»

ЛСВ	«Истина»			«Truth»		
	Кол-во словоупотреблений (СУ)	%% СУ	На сколько % больше	Кол-во СУ	%% СУ	На сколько % больше
2	10	25	7,5	7	17,5	-
3	2	5	-	5	12,5	7,5
4	13	32,5	17,5	6	15	-
9	11	27,5	-	11	27,5	-
14	1	2,5	-	4	10	7,5
Итого:	37	92,5	25	33	82,5	15

Таблица 2

Количественно-качественное сравнение ЛСВ слов-репрезентантов концептов «истина» и «truth» в русском и английском языках

Спектр ЛСВ	Слова-репрезентанты	Истина	Truth
I. Различия:	а) truth	—	17,5%
	б) истина	7,5%	—
	с) расхождения в употребительности «сквозных» ЛСВ	25%	15%
Всего:		32,5%	32,5%
II. Сходство:		67,5 %	67,5%
Итого:		100%	100%

Таблица 3.

Сравнение употребительности «сквозных» ЛСВ слов-репрезентантов концептов «истина» и «правда»

ЛСВ	«Истина»			«Правда»		
	Кол-во СУ	%% СУ	На сколько % больше	Кол-во СУ	%% СУ	На сколько % больше
2	10	25	10	6	15	-
Итого:	10	25	10	6	15	0

Таблица 4.

Количественно-качественное сравнение ЛСВ слов-репрезентантов концептов «истина» и «правда» в русском языке.

Спектр ЛСВ	Слова-репрезентанты	Истина	Правда
I. Различия:	а) правда	—	85%
	б) истина	75%	—
	с) расхождения в употребительности «сквозных» ЛСВ	10%	0%
Всего:		85%	85%
II. Сходство:		15%	15%
Итого:		100%	100%

Таблица 5.

Сравнение употребительности «сквозных» ЛСВ слов-репрезентантов концептов «правда» и «truth»

ЛСВ	«Правда»			«Truth»		
	Кол-во СУ	%% СУ	На сколько % больше	Кол-во СУ	%% СУ	На сколько % больше
2	6	15	-	7	17,5	2,5
12	2	5	-	2	5	-
Итого:	8	20	0	9	22,5	2,5

Таблица 6.

Количественно-качественное сравнение ЛСВ слов-репрезентантов концептов «правда» и «truth» в русском и английском языках

Спектр ЛСВ	Слова-репрезентанты		
	Truth	Правда	
I. Различия:	а) правда	—	80%
	б) truth	77,5%	—
	с) расхождения в употребительности «сквозных» ЛСВ	2,5%	0%
	Всего:	80%	80%
II. Сходство:	20 %	20%	
Итого:	100%	100%	

Приведём сводную таблицу сходства концептов «правда», «истина», «truth».

Концепты	«Правда»	«Истина»	«Truth»
«Правда»	-	15%	20%
«Истина»	15%	-	67,5%
«Truth»	20%	67,5%	-

Таблица ещё раз доказывает, что концепты «правда», «истина» и «truth» весьма не похожи друг на друга. Это ещё раз доказывает утверждение о том, что обозначения данных концептов («правда» и «истина» в частности) не следует использовать как синонимы – они обладают уникальным значением, каждый из которых по-своему раскрывает сторону концептуальной сферы.

ЦИТИРУЕМАЯ ЛИТЕРАТУРА

Агиенко М.И. Структуры концептов «правда», «истина», «truth» в сопоставительном аспекте [Электронный ресурс]: Дис. ... канд. филол. наук. – Екатеринбург, 2006. (Из фондов Российской Государственной библиотеки) – 220 с.

Бондалетов В.Д. Русская ономастика: Учеб. пособие для студентов пед. ин-тов по спец. № 2110 «Рус. яз. и лит.». – М.: Просвещение, 1983. – 224 с.

Залевская А.А. Введение в психолингвистику. – М.: Просвещение, 1999. – 430 с.

Кубрякова, Е.С. Краткий словарь когнитивных терминов / Под общей ред. Е.С. Кубряковой. М., 1996. – 245 с.

Лихачев, Д.С. Концептосфера русского языка / Д.С.Лихачёв // Изд. РАН. Сер. лит. и яз.Т.52, 1993. №1. С. 3-10

Маслова В.А. Лингвокультурология // Учебное пособие для студентов высших учебных заведений. М., 2001. – 208 с.

Моисеева Н.Н. О возможности использования метода расстояний в концептологических исследованиях // Язык и мышление: Психологические и лингвистические аспекты. Материалы УП-ой Международной научной конференции (Ульяновск, 16-19 мая 2007 г.) / Отв. ред. проф. А.В.Пузырёв. – М.; Ульяновск: Институт языкознания РАН; Ульяновский государственный университет, 2007. – 269 с.

Никонов В.А. Имя и общество. – М.: Наука, 1974. – 279 с.

Попова З.Д. Очерки по когнитивной лингвистике./ З. Д. Попов, И. А. Стернин. – Воронеж, 2001. – 422 с.

Докт. филол. наук С.В. Ионова (Волгоград)

СОЗНАНИЕ ЧЕЛОВЕКА КАК ОБЪЕКТ ВОЗДЕЙСТВИЯ ЕСТЕСТВЕННОЙ ИНФОРМАЦИОННОЙ СРЕДЫ

Информационная среда и ее воздействие на сознание адресатов, потребляющих многочисленные текстовые сообщения, живущих в контексте всеобщей диалогичности, находящихся под влиянием отголосков чужих высказываний (по М.М. Бахтину) - популярный предмет исследования в разных отраслях науки. Однако лингвистические параметры «измерения» массового, постоянного, однородного и разнородного влияния естественной информационной среды на человека сегодня остаются недостаточно разработанными в силу сложности и комплексности объекта изучения.

Известно, что такое воздействие опосредованно, она влияет на человека не прямо, а посредством воздействия на сферу его сознания – психосферу человека: «если биосфера образует среду, которая обеспечивает физическое существование человека, то психосфера является столь же обязательной для человека средой, в которой протекает его психологическая, интеллектуальная, духовная жизнь» (Звегинцев 1996: 159-160). Влияние инфосреды на человека может быть представлено как соотношение между окружающим его текстовым пространством и сферой сознания человека.

В естественных науках установлено, что поддержание энергии в биообъекте и его функционирование тесно связаны с внешним информационным воздействием, которое происходит на клеточном уровне. Выявлено, что разрушительные процессы в органических объектах напрямую связаны с потерей ими значительной части сбалансированной информации, необходимой для построе-

ния правильного сигнала внутреннего управления организма при помощи внешних факторов.

В условиях искусственной коммуникации (внутри технических информационных систем) выделяют значимые факторы, обеспечивающие функционирование организма в условиях воздействия на него информационных сигналов разной интенсивности, продолжительности, частотности, для каждой группы факторов определена мера количества информации: 1) формально объем данных в сообщении измеряется количеством символов в этом сообщении (бит информации); 2) содержательно информации соотносится с тезаурусом – совокупностью сведений, которыми располагает пользователь или система; 3) прагматически информация измеряется ее полезностью, ценностью для решения жизненных проблем (Международная ассоциация эргономики www).

Выявленные в естественных и технических науках критерии информационного влияния, на наш взгляд, в значительной степени применимы для рассмотрения свойств естественной среды коммуникации, которые могут быть положены в основу разработки экологичной коммуникации. Такие синтаксические факторы, как объем информации, частота и скорость предъявления, повторяемость сообщений, способ и технические особенности передачи сообщений, становятся значимыми для восприятия адресатами семантических и прагматических характеристик текстовой информации – ее новизны, ценности, полезности. При нарушении баланса этих свойств повышается плотность и концентрация информационных «шумов» и «информационного загрязнения» в текстовом пространстве, которые обусловлены как ее избыточностью, «назойливостью» сообщений (см. рекламные ролики, однотипные сообщения), так и недостаточностью, отсутствием или снижением ее ценности, новизны, концептуальной наполненности для получателей информации.

Особыми объектами лингвистических исследований в связи с этим становятся когнитивные и функциональные явления, проявляющиеся в коммуникации: восприятие текстов разного объема; реакции на тексты вторичного воспроизведения и многократно воспроизводимые отрезки информации; соотношение информации и «информационного шума» на восприятие, работоспособность человека в условиях постоянного текстового «сопровождения»; соотношение количества воспринимаемой и усваиваемой текстовой информации разных типов; «клиповые» формы предъявляемой информации и текстовые компиляции; освоение свернутых текстов и их влияние на адекватность интерпретации информации и принятие решения человеком и др.

Эти и другие вопросы должны получить лингвистическое обоснование и системное описание на формальном, содержательном и функциональном уровнях их разработки.

ЛИТЕРАТУРА

- Звегинцев В.А. Мысли о лингвистике / В.А. Звегинцев. – М.: Наука, 1996.
Ионова С.В. К вопросу о признаках экологичности текстовой коммуникации // Вестник ВолГУ. Сер. 2. Языкознание. 2011. № 1 (13). – С. 190 – 198.

Канд. филол. наук А.Ф. Калинин (Урюпинск)

ФРАЗЕОЛОГИЗИРОВАННЫЕ ПРЕДЛОЖЕНИЯ В РУССКОМ ЯЗЫКЕ

Фразеологизированные предложения в русском языке мало исследованы, несмотря на их широкую представленность в разговорном стиле и в стиле художественной литературы.

Статус синтаксической фразеологии в языке недостаточно определён как по отношению к фразеологии, так и по отношению к синтаксису. В статье рассматриваются фразеологизированные предложения типа *Ехать так ехать*. Лингвистическая сущность данных фразеологизированных предложений не изучена, не определена их типология и место в системе простого предложения в русском языке. В связи с этим актуальным представляется вопрос типологии таких предложений, установление их односоставности / двусоставности, исходя из основных аспектов предложения: структурно-грамматического и логико-семантического.

При изучении данных фразеологизированных предложений в структурно-грамматическом аспекте учитываются их формальная организация, грамматические значения предложения и отношения между образующими его словоформами.

Фразеологизированные предложения типа *Ехать так ехать* в структурно-грамматическом аспекте – это инфинитивные односоставные фразеологизированные предложения с одним главным членом, выраженным лексически свободными повторяющимися глаголами в инфинитиве с позиционно закрепленной частицей *так*: *Умирать так умирать*; *Любить так любить*.

В фразеологизированных предложениях типа *Ехать так ехать* проявляется объективная модальность реальности; она выражается интонационно-синтаксическим способом: *Сегодня гулять так гулять*. На фоне объективной модальности реальности в них посредством вводно-модальных компонентов *конечно, несомненно, пожалуй* и др. выражается субъективная модальность со значениями достоверности / вероятности: *Прощать так, пожалуй, прощать*; *Конечно, надеяться так надеяться*.

Категория времени выражает отношение высказывания к моменту речи. Различаются синтаксическая категория времени, характеризующая уровень предложения и имеющая свои собственные средства выражения [Грамматика 1970: 543], и морфологическая категория времени, проявляющаяся только в формах изъявительного наклонения.

Синтаксическая категория времени реализуется или в системе временных форм предложения, образующих парадигму, или во вневременности – одной из форм её проявления.

В исследуемых фразеологизированных предложениях выражается расширенное настоящее время или вневременность, если главный член в них упот-

реблён в инфинитиве повторяющихся глаголов *несовершенного* вида: *Делать так делать; Искать так искать*. И в таких предложениях выражается будущее время, если главный член представлен инфинитивом повторяющихся глаголов *совершенного* вида: *Построить так уж построить; Полюбить так уж полюбить*.

Категория лица выражает отношение высказывания к говорящему, к собеседнику или к третьему лицу. В фразеологизированных предложениях типа *Ехать так ехать* глагольные формы главного члена – независимого инфинитива – не указывают на лицо. Однако в структуре данных предложений может быть детерминирующий член в форме дательного падежа, указывающий на отношение высказывания к первому, второму или третьему лицу: *А мне (тебе, ему) уж там непременно быть так быть, ничего не поделать*. Следовательно, такие фразеологизированные предложения могут иметь микропарадигму лица.

В свободных односоставных инфинитивных предложениях детерминант в форме дательного падежа может рассматриваться в семантическом плане как название лица или предмет, который может быть деятелем по отношению к потенциальному действию, обозначенному главным членом (П.А. Лекант 2004: 151): *Вам бы в цирке работать...*(Н. Погодин).

В фразеологизированных предложениях типа *Ехать так ехать* детерминант – словоформу в дательном падеже можно также считать потенциальным деятелем или агенсом по отношению к потенциальному действию, выраженному главным членом: *А вам уж ехать так ехать, нечего думать*.

Субъект синтаксический понимается нами как словоформа, обозначающая предмет, грамматически доминирующая по отношению к словоформе, которая называет признак предмета. В фразеологизированных предложениях типа *Ехать так ехать* отсутствуют такого рода словоформы, и поэтому они являются буссубъектными предложениями.

Итак, исследование фразеологизированных предложений типа *Ехать так ехать* в структурно-грамматическом аспекте показало, что они, будучи *о д н о - с о с т а в н ы м и* глагольными инфинитивными фразеологизированными предложениями в системе простого предложения в русском языке, являются бессубъектными и характеризуются особенностями выражения категорий модальности, времени, лица и агенса.

Исследуя фразеологизированные предложения типа *Ехать так ехать* в логико-семантическом аспекте мы исходим из того, что в отечественном языкознании существует несколько концепций по поводу общей семантики предложения. Широко распространена денотативная, или референтная концепция значения предложения, основанная на выявлении отношений между высказыванием и обозначаемой им ситуацией или событием. Семантическая структура предложения определяется нами исходя из его формальной организации [Русская грамматика 1980: 124].

Проведенный анализ данных фразеологизированных предложений позволил выявить, что семантические структуры таких предложений могут быть двух-, трёх- и четырёхкомпонентными: *Работать так работать; Зимовать им там так и зимовать; Улетать так уж улетать ему с ними завтра*. Наиболее

распространенными среди являются двухкомпонентные семантические структуры: *Трудиться так трудиться*.

В логико-семантическом аспекте фразеологизированные предложения типа *Ехать так ехать* являются двусоставными предложениями; в их семантической структуре выявляются семантический предикат (эксплицитный) и семантический субъект (имплицитный). Такой семантический субъект является обобщенным (касается любого, каждого): *Учиться так учиться*.

В семантической структуре таких фразеологизированных предложений с субъектным детерминантом в форме дательного падежа личного местоимения или существительного семантический субъект действия или состояния конкретизирован и является определенным: *А тебе уж прозябать так прозябать там до окончания сезона*.

Итак, такое разноаспектное исследование данных фразеологизированных инфинитивных предложений выявило различие в их топологии и позволило предложить их структурно-грамматическую и семантическую квалификации, что, видимо, следует учитывать при изучении синтаксиса простого предложения в русском языке.

ЦИТИРУЕМАЯ ЛИТЕРАТУРА

Грамматика современного русского литературного языка. – М.: Наука, 1970. – 768 с.

Лекант, П.А. Синтаксис простого предложения в современном русском языке: учеб. пособие / П.А. Лекант – 3-е изд., испр. и доп. – М.: Высш. шк., 2004. – 247 с.

Русская грамматика. В 2 т. Т. II. Синтаксис. М.: Наука, 1980. – 710 с.

Канд. психол. наук А.Ф. Корниенко (Казань)

ВЗАИМОСВЯЗЬ ЯЗЫКА, МЫШЛЕНИЯ И СОЗНАНИЯ

В психологии при рассмотрении сущности языка обычно затрагиваются вопросы о соотношении и взаимосвязи языка и мышления, а также языка и сознания. Учитывая, что мышление и сознание представляют собой разные уровни развития психики, логично предположить, что в этих взаимосвязях есть определенная специфика. Но чтобы показать эту специфику, необходимо хорошо представлять себе, что такое мышление и что такое сознание.

И вот тут мы сталкиваемся с существенной проблемой. По мнению одного из специалистов в области психологии сознания, "о чем, собственно, идет речь, когда мы говорим о сознании, на самом деле никому не известно" [В.М. Аллахвердов 2003: 52]. Но в таком случае, о какой связи языка и сознания можно говорить?

Кто касается мышления и связи языка с мышлением, то здесь тоже не все так просто. Характеристика мышления как обобщенного отражения действительности, обусловлена, на наш взгляд, изначально неверной посылкой, согласно которой мышление является социально детерминированным процессом, при-

сущим только человеку. В связи с этим, собственно, и декларируется неразрывная связь мышления с языком и речью. Мышление, не будучи связанным с языком, может существовать и у животных.

Очевидно, что без ответов на вопросы о том, что такое "мышление" и что такое "сознание", рассуждения о взаимосвязи языка с мышлением и сознанием становятся беспредметными.

В наших работах мы исходим из определения мышления как познавательного психического процесса, обеспечивающего отражение связей и отношений, существующих между объектами и явлениями действительности. Учитывая, что объекты и явления действительности отражаются в психике в форме образов, мышление мы определяем и как процесс образования в психике связей между образами [А.Ф.Корниенко 2009].

Содержание того или иного образа в психике представляет собой не что иное, как знание субъекта (носителя психики) о той части действительности, которая отражается в этом образе. Результатом мышления как познавательного психического процесса является образование связи между образами или связи между знаниями, что само по себе является новым более сложным образом и, соответственно, более сложным знанием. Образование связи между образами (знаниями), которое происходит в результате мышления, мы определяем как понимание. Что касается новой совокупности взаимосвязанных знаний, образуемой в результате мышления, то ее можно обозначить как мысль. В результате мышления в психике субъекта возникают мысли, а появление мыслей означает появление понимания. Причем в общем случае мысль оказывается не связанной со словом и речью. Ярким примером возникновения мыслей и пониманий у животных являются эксперименты с обезьянами, которые проводил В. Кёлер.

Поскольку в процессе мышления образуются связи между образами, мышление всегда является образным. Однако в психике человека, обладающего сознанием, имеются особые типы образов, которых нет в психике животных. Это – образы слов, возникновение которых связано с возникновением сознания, и образ самого себя, обозначаемый как образ "Я", возникновение которого, как мы полагаем [А.Ф.Корниенко 2010], является прямым результатом сознания как особого познавательного психического процесса.

Если связь между образами, в которых отражаются особенности объектов и явлений действительности, была обозначена нами понятием "понимание", то для обозначения связи любого из этих образов с образом "Я" в силу специфики последнего мы предлагаем использовать термин "осознание". Сам же процесс образования этой связи есть не что иное, как "осознавание".

Предлагаемые нами определения понятий "мышление" и "понимание", "сознание" и "осознание" позволяют рассмотреть психологические механизмы взаимосвязи языка (слова, речи) с мышлением и сознанием и показать, что они непосредственно связаны с процессами общения, образования знаков, а также с пониманием и объяснением. Язык и речь возникают у человека как особое средство общения, в котором в специфической знаковой форме путем объясне-

ния знания и понимание действительности могут презентоваться другому человеку.

ЦИТИРУЕМАЯ ЛИТЕРАТУРА

Аллахвердов В.М. Методологическое путешествие по океану бессознательного к таинственному острову сознания. – СПб.: Изд-во "Речь", 2003. – 368 с.

Корниенко А.Ф. Процессы мышления, понимания, сознания и осознания // Психология когнитивных процессов: сборник статей. – Смоленск: Универсум, 2009. – С. 47-54.

Корниенко А.Ф. Понятие о сознании как высшем уровне развития психики // Сибирский психологический журнал. – 2010. – № 36. – С. 20-26.

Канд. филол. наук М. Г. Луннова (Пенза)

О РАЦИОНАЛЬНОМ И ЭМОЦИОНАЛЬНОМ В СИНОНИМИЧЕСКОМ РЯДУ К ТЕМПОРАЛЬНОМУ НАРЕЧИЮ *ВСЕГДА*

Подчеркивая актуальность в изучении наречия, Ф. И. Панков пишет: «На современном этапе функционирования наречия имеются проблемы, требующие решения: такие, как связь наречий с функционированием глагольного вида, глагольного времени, синтаксическая и лексическая сочетаемость наречий, сопоставительный анализ функционирования наречий в русском и других языках» [Панков 1991: 96].

Количество темпоральных наречий в русском языке достаточно ограничено (*вчера, давно, днем, летом, однажды* и др.). Некоторые из них вместе с глаголами репрезентируют определенную временную семантику: *Крепко не любилось Герасиму **вначале** его новое жильё* (И. Тургенев).

К рациональному в русском языке можно отнести объективную, разумно обоснованную информацию о том, что темпоральное наречие *всегда* имеет значение «в любое время, обычно, постоянно» [Словарь наречий и служебных слов 2007: 98] и довольно часто употребляется в контексте с предикатом. И, несмотря на вневременную семантику всеобщности, свободно сочетается с глаголами в различных темпоральных формах: ***всегда** в крови бродит время...* (Ю. Тынянов); ***Всегда** говори **всегда*** (поговорка).

Об эмоциональном на уровне языка в данном случае можно говорить, анализируя стилистику синонимических связей наречия *всегда* как одно из ярких проявлений системных отношений в лексике и фразеологии.

Учитывая стилистическую маркированность/немаркированность лексем синонимического ряда наречия *всегда*, логично предположить распределение слов на две группы: межстилевые (*постоянно, неизменно*) и стилистически окрашенные (*перманентно, присно*). В свою очередь стилистические синонимы делятся на книжные (*веки вечные*) и разговорные (*довеку*).

К межстилевой лексике относятся слова, одинаково свободно употребляющиеся во всех функциональных стилях. Эти слова выполняют номинативную функцию, но не имеют оценочного значения. Такая лексика является основой словарного фонда языка: *Я собираюсь в Петербург надолго, должно быть навсегда* (А. Чехов).

Интересным оказалось то, что маркированных синонимов намного больше, чем немаркированных. Можно предположить, что эмоциональное в данном случае превалирует над рациональным.

К стилистически окрашенным синонимам относятся слова, обладающие яркой коннотацией, которая выступает как своего рода метка, указывающая на функционально-стилистическую сферу, где такое слово используется.

Именно эти «метки» относят лексемы *повсечастно, бесперечь, безотлыжно* (Дом из дерева вас будет радовать **безотлыжно**. – Из газеты), а наречные сочетания *до гробовой доски, ныне и присно и вовеки веков, денно и ноцно* – к книжной лексике (*Да мы об вас, маменька, денно и ноцно бога молим, чтобы вам, маменька, бог дал здоровья и всякого благополучия и в делах успеху.* – А. Островский).

Стилистическая окраска слова может, с одной стороны, указывать на сферу употребления, с другой – на эмоционально-экспрессивное содержание слова. Например, книжное, торжественное: *И ныне, и присно, и вовеки веков Все, что было хорошего, В памяти нежных оков...Старость спешит непрошено И ныне, и присно, и вовеки веков...* (А. Кулешова).

Таким образом, в русском языке всегда, хотя и в разной степени, прослеживается тесная связь, взаимовлияние сфер *ratio* и *emotio*. Наблюдение за стилистическим расслоением синонимов к темпоральному наречию *всегда* помогло определить специфику соотношения эмоционального и рационального даже в таком частном языковом явлении.

Канд. филол. наук Т.Б. Новикова (Волгоград, Россия)

ОСНОВАНИЯ АБДУКЦИИ В ПЕРЕВОДЧЕСКОЙ ДЕЯТЕЛЬНОСТИ

Наличие у переводчика определенного объема лингвистических, экстралингвистических и специальных знаний, достаточного для перевода текстов, принадлежащих различным дискурсам, обеспечивает, как правило, нормальное протекание процесса перевода. Однако отсутствие в переводческой деятельности креативного начала способно снизить качество продукта перевода. Творческий подход к переводческой проблеме не предполагает слепого следования правилам перекодирования при переводе, он предполагает поиск выхода из сложной ситуации выбора языковых средств для адекватной передачи смысла оригинала с учетом когнитивных и дискурсивных особенностей переводческой ситуации.

Логические рассуждения, включающие индуктивный и дедуктивный анализ, дают переводчику возможность осуществлять перевод и саморедактирование, однако процесс перевода, как показывает практика, предполагает, помимо индукции и дедукции, абдукцию, догадку, которая позволяет интуитивно перейти от языковых фактов к гипотезе о смысле. Процесс решения переводче-

ской проблемы может не осознаваться переводчиком полностью, хотя это не означает, что он проходит бессознательно. Генерация новых идей, бесспорно, базируется на переводческом опыте, который в обязательном порядке включает в себя когнитивную и дискурсивную составляющие.

В процессе знакомства с оригиналом у переводчика формируется мысленный образ текста, который поддается описанию как на языке оригинала, так и на языке перевода. Профессиональные компетенции переводчика должны включать способность построить концептуальную модель текста оригинала и соотнести ее особенности с концептуальной системой носителей языка перевода, а также способность безошибочно определить дискурсивную принадлежность текста оригинала и встроить текст перевода в необходимый дискурсивный контекст. Таким образом, творчески объективируемое решение переводческой проблемы не является, пустым, случайным и необоснованным, оно опирается на профессиональный опыт переводчика.

Реализация творческого потенциала осуществляется посредством концентрации воспоминаний о прошлом переводческом опыте. Интуитивное представление переводчика о правильности перевода является результатом накопленного переводческого опыта, бесконечного ряда контекстов и соответствий. Практика перевода показывает, что смутные ощущения на первом этапе понимания сложного иноязычного текста действительно подтверждаются в ходе его детального анализа в дальнейшем при условии достаточной языковой и профессиональной компетенции переводчика. Таким образом, «случайная» ассоциация, которая может стать ключом к пониманию текста, вряд ли является абсолютно случайной.

Креативность переводчика заключается, помимо всего прочего, в том, что он не может принять вариант перевода, который лежит на поверхности, потому что чувствует, что данный вариант не соответствует смыслу оригинала, его дискурсивным или концептуальным характеристикам. Импровизация позволяет переводчику сориентироваться в текстовой ситуации и прийти к определенному переводческому решению. Гибкость в применении правил перевода и неординарность переводческих решений имеют целью достижение максимально адекватного перевода при соблюдении норм языка перевода и с учетом концептуальных и дискурсивных характеристик оригинала. Профессиональная ответственность предполагает также, что правильность догадки и, соответственно, адекватность перевода будут проверены и обоснованы с нормативной и смысловой точек зрения на этапе редактирования текста перевода.

В.С. Парамонова (Урюпинск)

ИНТЕНЦИОНАЛЬНОСТЬ СОЗНАНИЯ СУБЪЕКТА КАК МЕНТАЛЬНЫЙ ПРОЦЕСС

Обращение к теме человеческого фактора в языке свидетельствует о важнейшем методологическом сдвиге, происходящем в современной лингвистике – о смене ее базисной парадигматики и переходе к лингвистике антропологической, предполагающей изучение языка в тесной связи с человеком, его сознани-

ем, мышлением, духовно-практической деятельностью. Антропологический принцип исследования языка позволяет теоретически связать разнообразные моменты бытия языка, которые при других подходах изучались изолированно или вообще исключались из области научного рассмотрения (Бабенко 2003).

Современная лингвистика пришла к осознанию того, что изучение языковых явлений должно непременно проводиться в русле новой антропоцентрической парадигмы. Будучи важнейшим средством общения, язык объединяет людей, регулирует их межличностное и социальное взаимодействие, координирует их практическую деятельность, участвует в формировании мировоззренческих систем и национальных образов мира, обеспечивает накопление и хранение информации, в том числе относящейся к истории и историческому опыту народа и личному опыту индивида, расчленяет, классифицирует и закрепляет понятия, формирует сознание и самосознание человека, служит материалом и формой художественного творчества (Арутюнова 1997: 609).

Значение антропологического фактора для решения лингвистических проблем трудно переоценить, так как «язык существует в человеке и реализуется через человека, поэтому для понимания его устройства и функционирования первостепенное значение имеет учет взаимодействия трех элементов: языковых форм, самого человека с его мышлением и психологией и внеязыковой действительности» (Гак 1998: 369).

Антропологический подход в языкознании позволил по-новому осмыслить понятие текста, который трактуется в качестве элемента сознания человека и орудия совершения дискурсивной деятельности (Бабенко и др. 2000; Новиков 1983; и др.). Так, по мнению А.И. Новикова, текст представляет собой речемыслительное образование, где языковые, речевые, мыслительные элементы, взаимодействуя между собой, образуют единое целое (Новиков 1983: 30-31).

Таким образом, принятие человека в качестве исходного базиса исследования служит подтверждением интеграционных тенденций, происходящих в современном языкознании. В целом ряде лингвистических дисциплин разрабатываются новые категории, касающиеся человеческого фактора в языке и роли языка в жизни человека.

Помимо традиционно выделяемых семантических категорий, формирование которых связано с антропологическим фактором, в лингвистике стали говорить об эгоцентрических категориях (Гуреев 2004). Эгоцентрические категории получили свое название от слова *эгоцентризм* (лат. *ego* – «я» и *centrum* – «средоточение», «центр»). Они обозначают отношение человека к миру, характеризующееся сосредоточенностью на своем индивидуальном «я» (ФЭС 1989: 754). Большинство отечественных исследователей связывают эгоцентрические категории с грамматическими явлениями (Гуреев 2004; Падучева 1996; Химик 1990 и др.). К эгоцентрическим относится также категория субъекта, которая не является новой для языкознания, но до сих пор отсутствует однозначное ее понимание как в традиционной, так и антропологической лингвистике. Эта категория важна не только для грамматических явлений в языке, но и выявления функционально-семантических возможностей глагольных словоформ в художественном тексте.

Анализ функционально-семантических особенностей глагольных временных форм, употребленных в романе Л.Н. Толстого «Анна Каренина», проводится с учетом понятия интенциональности. Мы рассматриваем интенциональность как субъективную направленность сознания на действие, когда говорящий представляет себя в качестве субъекта, выражая свое отношение к производимым им действиям, испытываемым состояниям или приписываемым ему признакам.

Для нас методологически значимым является мнение А.В. Бондарко об интенциональных функциях грамматических форм в их отношении к смысловому содержанию высказывания (Бондарко 2002: 141-144). Нас интересует механизм проявления подобной функциональной нагрузки глагольных словоформ в художественном тексте. Приоритетными в процессе анализа являются факторы влияния интенциональности сознания субъекта на реализацию семантического потенциала глагольных форм времени в контексте, отражающем темпоральную ситуацию.

В каждом случае употребления глагольных словоформ в романе Л.Н. Толстого мы устанавливаем не только связь действия с тем или иным типом субъекта, но и влияние интенциональности сознания субъекта на характер осуществления действия по отношению к моменту речи.

Для решения данной задачи мы учитываем способность содержания, выражаемого глагольными формами времени, во взаимодействии с их контекстуальным окружением быть одним из актуальных элементов речевого смысла. Нас интересуют интенциональные функции грамматических форм в их отношении к смысловому содержанию высказывания, к тому, что имеет в виду и хочет выразить говорящий.

В ходе функционально-семантического анализа нами было установлено, что выражение протекания действия в момент речи обусловлено интенциональностью сознания субъекта, представленной как ментальный процесс.

В данном случае употребляются глаголы, обозначающие проявление разных интеллектуальных состояний (*думать, размышлять, знать, узнавать, представлять* и т.п.). Вслед за С.Р. Омельченко мы называем такие глаголы ментальными [Омельченко 2006: 71]. В их семантической структуре содержится категориально-лексическая сема 'осуществление ментальной деятельности', имеющая предикатный характер и указывающая на логико-семантические связи и отношения между субъектом и объектом мысли, а также участвующая в формировании имманентных предикатных структур, обнаруживающих эквивалентность синтаксической конструкции. Связь умственной деятельности с объектом мысли выражается формально присловной подчинительной связью управления, смысловая сторона которой предполагает объектные отношения, а в составе сложного предложения – придаточным изъяснительным, частью бессоюзного предложения или присоединительной конструкцией, функционирующими как эквивалент имени и соотносящимися по общему характеру выражаемых ими объектных (изъяснительных) отношений. В смысловой структуре рассматриваемых глаголов актуализируются дифференциальные семы

'отнесенность действия к говорящему', 'отнесенность действия к адресату' и 'отнесенность действия к объекту мысли'.

Глагольные формы, употребляющиеся в значении настоящего постоянного действия, констатируют наличие того или иного интенционального отношения, не связанного с временными ограничениями. При обозначении этого действия отсутствует указание на его протекание в момент речи, то есть момент речи специально не выделяется. Поддерживает такую семантику времени формы несовершенного вида. Например, в предложении «*Разве я не знаю вперед, что мои друзья никогда не допустят меня до дуэли – <...>*» (Толстой 2007, том 1: 306) глагол *знать* с отрицательной частицей *не* употреблен в форме 1-го лица ед. числа настоящего времени, которая свидетельствует об актуализации в смысловой структуре данной словоформы семы 'осуществление действия, не связанного с временными ограничениями'. В качестве говорящего выступает субъект сообщаемого факта, который хорошо знает своих друзей, о которых идет речь. Здесь представлен риторический вопрос, выраженный вопросительным предложением, в котором частица *не* служит для выражения подчеркнутого утверждения, а частица *разве* указывает на несогласие говорящего в ответе. Глагольная словоформа *не знаю* в значении настоящего постоянного употреблена в главной части сложноподчиненного предложения с придаточным изъяснительным, замещающим позицию объекта мысли. В смысловой структуре этой словоформы актуализируется сема 'отнесенность действия к говорящему', в качестве которого выступает субъект сообщаемого факта. Помимо этого происходит актуализация семы 'отнесенность действия к объекту мысли', позицию которого замещает придаточное изъяснительное, в котором субъектом факта сообщения является словосочетание *мои друзья*. Ментальный глагол *знать* имеет фактивное значение «иметь знание». Интенциональность сознания субъекта сообщаемого факта, в качестве которого выступает говорящий, представлена как ментальное действие, связанное с тем, что он уверен в том, что субъект факта сообщения (его друзья) не допустят его до дуэли. Субъект сообщает о действии, имеющем неограниченную временную протяженность и охватывающего период настоящего времени.

Глагольные формы прошедшего времени, в отличие от форм настоящего времени, являются потенциально личными, поскольку свою субъектную направленность они получают в условиях речевого контекста.

Перфектное употребление форм прошедшего времени выражает действие, которое относится к прошлому, а его результат – к настоящему. Темпоральная ситуация связана с обозначением действия, которое представлено как произошедшее в прошлом, а его результат проявляется в настоящем. В данном случае наблюдается взаимодействие грамматической семантики прошедшего времени и совершенного вида, обуславливающее совмещение темпоральной и аспектуальной ситуаций. Возможность реализации глагольных форм в перфектном значении обусловлена интенциональностью сознания субъекта, для которого актуальным является констатация результата произошедшего в прошлом действия.

В предложении «Он уже входил, ступая во всю ногу, чтобы не шуметь, по отлогим ступеням террасы, когда он вдруг **вспомнил** то, что он всегда забывал» (Толстой 2007, т. 1: 203) глагольная словоформа прошедшего времени *вспомнил* употребляется в перфектном значении в форме 3-го лица ед. ч. прошедшего времени совершенного вида, которая свидетельствует об актуализации в смысловой структуре данной словоформы семы 'осуществление действия, относящегося к прошлому, а его результат – к настоящему'. В смысловой структуре данной словоформы актуализируется дифференциальная сема 'носитель процессуального признака', указывающая на некое лицо, не участвующее в речи. Это лицо выступает в качестве субъекта факта сообщения, выраженного местоимением *он*. Помимо этого происходит актуализация дифференциальной семы 'отнесенность действия к объекту мысли', позицию которого замещает придаточное изъяснительное (*что он всегда забывал*). Интенциональность сознания субъекта факта сообщения представлена как ментальное действие, связанное с восстановлением, возобновлением в памяти чего-то забытого. Наречие *вдруг* подчеркивает внезапность наступления такого действия.

В целом функционально-семантическая специфика глагольных форм времени в художественном тексте, обусловленная интенциональностью сознания субъекта, свидетельствует о значимости точки зрения говорящего при выборе, определении и оценке объективно обусловленных реальных временных отношений. Таким образом, принятие человека в качестве исходного базиса исследования служит подтверждением интеграционных тенденций, происходящих в современном языкознании. В ряде лингвистических дисциплин разрабатываются новые категории, касающиеся человеческого фактора в языке и роли языка в жизни человека.

СПИСОК ЛИТЕРАТУРЫ

Арутюнова, Н.Д. Функции языка/ Н.Д. Арутюнова // Русский язык. Энциклопедия. М., 1997. С. 609 – 610.

Бабенко, Л.Г., Васильев, И.Е., Казарин, Ю.Б. Лингвистический анализ художественного текста / Л.Г. Бабенко, И.Е. Васильев, Ю.Б. Казарин. – Екатеринбург: Изд-во Уральского ун-та, 2000. – 533с.

Бабенко, Л.Г. Лингвистический анализ художественного текста. Теория и практика: учебник: практикум / Л.Г. Бабенко, Ю.В. Казарин. – М.:Флинта, 2003. – 496с.

Бондарко, А.В. Теория значения в системе функциональной грамматики: На материале русского языка / Рос. Академия наук. Ин-т лингвистических исследований / А.В. Бондарко. – М.: Языки славянской культуры, 2002. – 736с.

Гак, В.Г. Языковые преобразования / В.Г. Гак. - М.: Изд-во «Языки русской культуры», 1998. – 768с.

Гуреев, В.А. Языковой эгоцентризм в новых парадигмах знания / В.А. Гуреев // Вопросы языкознания. – 2004. - № 2. – С. 57-67.

Новиков, А.И. Семантика текста и ее формализация / А.И. Новиков. – М.: Наука, 1983. – 216с.

Омельченко, С.Р. Ментальные глаголы в речи казаков Нижнего Поволжья / С.Р. Омельченко. – Волгоград: Изд-во ВолГУ, 2006. – 411 с.

Падучева, Е.В. Семантические исследования (Семантика времени и вида в русском языке. Семантика нарратива) / Е.В. Падучева. – М., 1996. – 264с.

Химик, В.В. Категория субъективности и ее выражение в русском языке / В.В. Химик. – Л.: Изд-во Ленинградского университета, 1990. – 184с.

ФЭС – Философский энциклопедический словарь. М.: Сов. энциклопедия, 1989. – 815с

Канд. филолог. наук И.А.Пуник (Ульяновск)

МЕЛОДИЧЕСКАЯ СТРУКТУРА СЛОВА ПРИ РАЗНЫХ СПОСОБАХ ИНТОНИРОВАНИЯ ТЕКСТА (на материале русского языка)

Мелодическая структура фонетического слова является одним из компонентов просодии слова наряду с его длительностью и динамической структурой. Многочисленные исследования фонетической структуры слова в русском языке показали, что просодические параметры играют важную роль в функционировании слова в речи. Так, мелодическая и временная структура слова являются «определяющими идентифицирующими факторами» в процессе восприятия слова в слитной речи (Войтехина 2008: 45).

Касаясь вопросов, связанных с фонологическим статусом феномена «просодия слова», нельзя не упомянуть классическую работу Т.М. Николаевой «Фразовая интонация славянских языков» (Николаева 1977). В ней Т.М. Николаева приходит к выводу о том, что просодическая структура слова является одним из ключевых признаков при сопоставлении интонации разных языковых систем. Так, в результате своего исследования автор приходит к заключению, что существуют два типа языков: с сильной и слабой словесной просодией. Русский язык причисляется к языкам со слабой словесной просодией. Это значит, что в русском языке просодические компоненты слова полностью зависят от интонационного оформления высказывания и более того – подавляются интонацией фразы. В результате нашего экспериментально-фонетического исследования мелодических параметров речи мы получили интересные результаты, касающиеся мелодического оформления слова при разных способах озвучивания текста. В данной статье именно об этом и пойдёт речь.

Для анализа был выбран текст художественного фильма «Юрьев день», его первая сцена, диалог двух персонажей (матери и сына). С этой сцены была сделана письменная транскрипция, которая после редакторской обработки (установки знаков препинания) была предложена нескольким чтецам в виде письменного диалогического текста. Основу экспериментального материала составили три типа прочтения художественного текста: первый тип - отрывок из художественного фильма, представляющий собой актёрское озвучивание текста; второй тип – прочтение диалогического текста обычными носителями языка, студентами гуманитарного факультета; третий тип – прочтение текста профессиональными чтецами, преподавателями кафедры актёрского мастерства Ульяновского госуниверситета. Все три варианта озвучивания текста имеют

одно принципиальное различие, связанное с разной фонетической интерпретацией текста. Проблема разной фонетической интерпретации читаемого была озвучена выдающимся отечественным учёным Л.Р.Зиндером в его статье «Интонационирование читаемого текста»: «актёр читает как бы «изнутри», имитируя речь соответствующего персонажа или же автора текста, а профессиональный чтец читает текст как бы «извне» – как рядовой читатель. Поэтому мы воспринимаем речь актёра как нечто, происходящее вне нас, а речь чтеца – совершающееся в нас самих» (Зиндер 1998:12). В этой же статье Л.Р. Зиндер указывает на то, что существуют два варианта озвучивания текста: один вариант - ориентирован на внешнее восприятие текста (актёрское озвучивание текста), второй рассчитан на внутреннее восприятие смысла читаемого.

Для получения мелодических параметров текста была использована компьютерная программа «Praat», которая позволяет замерить частоту основного тона (ЧОТ) на гласном в любом отрезке текста. Таким образом были получены данные ЧОТ для каждой реплики диалога и построены графики движения основного тона для всех фраз и для всех вариантов прочтения. Анализ мелодических параметров разных вариантов прочтения текста показал, что мелодическое оформление как фразы в целом, так и её отдельных слов заметно различаются в актёрском исполнении в тексте художественного фильма и в двух других вариантах прочтения. В интонационной аранжировке текста художественного фильма мелодический рисунок слова совершенно чётко соотносится с его ритмической моделью. Данная закономерность имела место в большинстве реплик в речи первого и второго персонажей. Для подтверждения сказанного приведём данные ЧОТ по каждому слову в одном из диалогических блоков (в скобках указаны данные ЧОТ для каждого гласного слова).

Пример 1.

Сын: Долго (145,135) ещё (135, 109)?

Мать: Километров (192,190,202,191) двадцать(214, 192)- тридцать (230,200) осталось(150, 170, 80).

Сын: А (121) там (155)ещё (128, 128) пятьдесят(128, 125, 145), ещё (100, 129) двадцать(142,125).

Мать: А (138) что (183) с тобой (134, 167) такого(155, 191, 171), боязнь (178, 178) открытого (111,104, 212) пространства (107, 218, 100)? Как (201) у (218) Петра (217,224) Великого (226,279,125, 132)? Посмотри (147, 185, 190), какая (138, 181,) красота (85, 173, 184)! Посмотри (196, 220, 251)вокруг (213,239) себя (211,216). В Германии (266,319,271) такого (161, 159, 162) не будет(160,185, 171).

Из представленных данных видно, что каждый ударный слог выделен яркой мелодической вершиной (наибольшим значением ЧОТ). Из этого можно заключить, что мелодическая линия слова отражает его ритмическую структуру. Таким образом, в актёрском озвучивании текста, которое предназначено для внешнего восприятия, интонация фразы имеет пословный характер, в ней за счёт контрастного мелодического оформления ударных и безударных слогов совершенно определённо вырисовывается мелодическая линия каждого слова,

и можно сказать, что и мелодическое оформление фразы ориентировано на выразительное ритмическое оформление каждого слова. Наоборот, в других вариантах прочтения отчётливо заметно доминирование общего направления тона без определённой мелодической линии слов. Проиллюстрируем сказанное на отдельных примерах. Так, например, во втором и третьем вариантах прочтения текста в приведённых ниже примерах (2,3) только в первом слове, изменение значений ЧОТ отражает ритмическую структуру слова, во всех остальных случаях мелодические пики внутри слов не совпадают с ударными слогами.

Пример 2.

«Посмотри (233, 271, 305), какая (247, 216) красота (222, 218, 194)!»

Пример 3.

«Посмотри (243, 257, 298,) какая (276, 254) красота (221, 198, 188)!»

Таким образом, в выразительной речи, ориентированной на внешнее восприятие, присутствует эталонная мелодическая модель слова, которая совпадает с его ритмической моделью, и не разрушается фразовой интонацией при сохранении её общего направления. При чтении текста, ориентированном на его внутреннее восприятие, мелодическая линия слова модифицируется в зависимости от характера фразовой интонации. Так, например, в позиции конца фразы в ритмической структуре с последним ударным слогом, ударный слог будет ниже предударных, что обуславливается нисходящим конечным тоном фразы.

Как показывает наше исследование, фактор сильной/слабой просодии слова может выступать в качестве одного из различительных признаков отдельных форм речевой коммуникации. Впрочем, полученные результаты требуют, несомненно, уточнения на материале большего объёма.

ЦИТИРУЕМАЯ ЛИТЕРАТУРА

Войтехина О.С. Временная структура фонетического слова в разных типах речи (на материале русского языка). В сб.: «Фонетика» материалы XXXVII Международной филологической конференции. 11-15 марта 2008 г. Санкт-Петербург, 2008. С. 45-49.

Зиндер. Л.Р. Интонирование читаемого текста. В сб.: Фонетика иноязычной речи. Межвузовский сборник научных трудов. Иваново: Ивановский госуниверситет, 1998. С. 7-14.

Николаева Т.М. Фразовая интонация славянских языков. – М., 1977. – 278 с.

Канд. филол. наук С.Ш. Рыткина (Ульяновск)

КАТЕГОРИИ ПРОСТРАНСТВА И ВРЕМЕНИ В ХУДОЖЕСТВЕННОМ ТЕКСТЕ

Статья представляет собой одну из серии работ, посвященных факторам, обуславливающим динамику развития художественного текста, его жанровых и языковых средств. Автор ставит перед собой задачу проиллюстрировать, что категории пространства и времени являются определяющими в структуре ху-

дожественного текста. Для сравнения остановимся на жанровых формах различных эпох.

На философию и литературу Греции и Рима большое влияние оказали взгляды Платона, согласно которым формы, или идеи, были той действительной реальностью, которая стояла за конкретными объектами материального мира. Эти формы не имели временных параметров и воспринимались как неизменные. Такой взгляд вполне согласовывался с господствующей в те времена точкой зрения, что все происходящее не зависит от времени. Действие трагедии, совершающееся в течение 24 часов, – это и есть отрицание важности времени в человеческой жизни. Ибо, согласно классическим воззрениям об универсалиях, истина, высшая ценность, раскрывается как в течение дня, так и в течение жизни. Общеизвестные персонификации времени в виде колесницы и жнеца демонстрируют с одинаковой силой такой взгляд на мир. Описания Шекспиром героев Трои, Греции не настолько отличны от его современных персонажей. В какой бы период времени ни происходили события, они раскрывают те же ценности. И этот внеисторический взгляд имеет своим прямым следствием отсутствие детализированных пространственно-временных завязок. Цепь событий разворачивается в некоем абстрактном временном континууме, не оставляя места времени как фактору развития человеческих взаимоотношений, будь то аллегория Баньяна, или средневековые любовные романы.

В эпоху Возрождения утвердилась совершенно иная точка зрения. Ученые и философы этой эпохи определяли время не только как физическую величину, но и как определяющую силу коллективного и индивидуального опыта человечества. Возникновение романа как современного жанра литературы связано, во многом, с этой философской мыслью. Роман порвал с литературной традицией предшествующих эпох – с вневременными сюжетами с неизменными ценностями. Как никакая другая литературная форма роман отличается заостренным интересом и вниманием к развитию персонажа во времени. Наиболее очевидной иллюстрацией тому явился прием «поток сознания», так называемый прямой прием цитирования мыслей персонажа во временном континууме.

Сюжет романа также отличает внимание автора к прежнему опыту героя как предпосылке настоящих событий. Отношения каузальности заменили умалчивания и невероятные совпадения в сюжетных линиях предшествующих жанров. Таким образом, роман приобрел более связанную сюжетную структуру.

Время является важнейшей категорией, посредством которой происходит индивидуализация героя. Локк утверждал, что «идеи становятся общими, когда их извлекают из пространственно-временных связей», а, стало быть, индивидуализируются с помощью этих связей. Герои романа так же индивидуализируются посредством пространственно-временных отношений.

Таким образом, любой художественный текст должен рассматриваться с учетом культурно-исторического контекста и категорий его определяющих.

ЛИТЕРАТУРА

Locke, John. *Essay Concerning Human Understanding*, Bk.III, ch.3, sect.vi.

К ВОПРОСУ О ФУНКЦИОНАЛЬНЫХ ЭКВИВАЛЕНТАХ ПОНЯТИЙ

Л.С. Выготский писал о том, что первобытный человек мыслил не понятиями, а функциональными эквивалентами понятий, среди последних Л.С. Выготский дифференцировал синкреты, ассоциативный комплекс, цепной комплекс, комплекс-коллекцию, диффузный комплекс, псевдопонятие [Л.С. Выготский 1982]. Опираясь на описания и примеры функциональных эквивалентов понятий, приведённые Л.С. Выготским, мы попытались дать им определения [И.В. Труфанова 2006].

С.Д. Кацнельсон [С.Д. Кацнельсон 1947], анализируя семантику слова в языках аборигенов Австралии, подобно Л.С. Выготскому, тоже пытается понять логику их мышления, отмечая, что она отличается от рациональной логики современного человека, для которого главным в категоризации мира является установление родо-видовых отношений. С.Д. Кацнельсон тоже выбирает термин комплекс, но называет иные его разновидности, чем Л.С. Выготский: стержневой, концентрический, ситуативный. Поскольку оба исследователя пишут об одном и том же языковом материале, мы хотим установить, как соотносятся выдвигаемые ими терминосистемы.

С.Д. Кацнельсон приводит следующие примеры из аранта: *ilba* – 'ухо', 'чрево', 'пуповина' и 'песчаный холм'; *ingua* – 'ночь', 'спящий человек', 'водяные лилии и их скрытые под водой корни, идущие в пищу' и т.д.

С.Д. Кацнельсон задаётся вопросом: по какому принципу объединяются столь различные значения в каждом отдельном слове? Он делает вывод, что эти основания в разных словах различны, что позволяет ему выделить разные типы предметного полисемантизма. В одних случаях все входящие в один комплекс предметы объединены единством формы (таков, например, пучок «колени – кривая кость – изгиб реки – мясной червь») или причинно-временной связью (пучок «дождевая туча – дождь – водоём с водой – вода»). Эти примеры он обозначает термином «стержневые комплексы», внутренняя логика их кажется исследователю весьма прозрачной и близкой современному человеку.

Л.С. Выготский объединение предметов по форме, или по цвету квалифицирует как ассоциативный комплекс. В основе ассоциативного комплекса, пишет исследователь, лежит любая ассоциативная связь с любым из признаков предмета, являющегося ядром будущего комплекса. Ребенок объединяет в ассоциативный комплекс предметы, тождественные данному только по цвету, или только по форме, или только по размеру, или по какому-нибудь ещё бросившемуся ему в глаза признаку [Л.С. Выготский 1982: 141]. В качестве примера ассоциативного комплекса Л.С. Выготский приводит пример, заимствованный им у Г. Идельбергера, полученный последним в связи с изучением других проблем детской речи. Ребенок на 251-м дне своей жизни обозначает словом «вау-вау» фарфоровую фигурку девочки, с которой охотно играет. На 307-м дне ребенок тем же словом называет собаку, лежащую на дворе, портреты дедушки и бабушки, игрушечную лошадку, настенные часы. На 331-м дне – меховое боа с

собачьей головой, другое боа без собачьей головы. При этом он обращает особое внимание на стеклянные глаза. На 334-м дне то же название получает резиновый человечек, который пищит при надавливании, на 396-м дне – черные запонки на рубашке отца. На 433-м дне ребенок произносит то же самое слово, когда видит на платье жемчужины, когда замечает термометр для ванны [Л.С. Выготский 1982: 157]. Этот пример более соответствует описанию цепного комплекса у Л.С. Выготского. У С.Д. Кацнельсона следующие примеры – это примеры ассоциативного комплекса, по Л.С. Выготскому: *ilbara* значит не только 'перо птицы', но и 'крыло птицы', 'плавник рыбы', 'овальный лист дерева', 'кусты чайного дерева с игольчатыми листьями, растущие на побережье рек'; *kanta* значит не только 'круглый лист растения', но и 'головной убор культового назначения', и 'круглая подстилка из травы', 'находящееся вблизи озеро, по временам замерзающее', и 'холод'; *iltja* значит 'пальцы' и 'кисть руки в целом', 'сноп лучей восходящего солнца' и 'густой, медленно стекающий жир'. Это примеры объединения предметов сходных по форме одним названием. В следующем примере сходство цвета – признак объединённых общим именем предметов: *altanta* – 'белые полупрозрачные камни', 'капельки росы'.

Несколько более сложными по своей внутренней структуре С.Д. Кацнельсон считает пучки, в которых к одному, центральному, значению примыкает несколько периферийных (ср. пучок *rtoaga*, где от центрального значения 'тыловая сторона цветка, по которой стекает сок' радиусами в разные стороны расходятся значения 'сок из цветков жимолости', 'сладкий напиток из цветов пробкового дерева', 'гусеница с пестрым узором на спинке', 'юноша с ритуальным рисунком на спине' и 'старик, на обязанности которого лежит исполнение ритуального рисунка и наблюдение за юношей во время данного периода инициации'). Такие факты С.Д. Кацнельсон обозначает термином «концентрические» комплексы», пишет, что они весьма часты в аранта и, насколько можно судить, составляют преобладающий в этом языке семантический тип. У Л.С. Выготского им соответствуют диффузные комплексы. Для возникновения диффузного комплекса, читаем у Л.С. Выготского, достаточно нередко отдалённого сходства, самого поверхностного касания предметов, сближение их устанавливается не столько на основе их действительного сходства, сколько на основе отдаленного смутного впечатления некоторой общности между ними. Сам признак, по которому ребёнок обобщает предметы в диффузный комплекс, является неопределённым, размытым, смутным. Например, ребенок к заданному образцу – желтому треугольнику – подбирает не только треугольники, но и трапеции, так как они напоминают ему треугольники с отрезанной вершиной, далее квадраты, затем шестиугольники и даже круги. Или ребенок вслед за жёлтыми предметами подбирает зелёные, за зелёными синие, за синими чёрные. Диффузный комплекс обнаруживает такую черту комплексного мышления, как неопределенность очертаний комплекса и его принципиальную безграничность [Л.С. Выготский 1982: 146]. Следующие примеры С.Д. Кацнельсона – это примеры диффузного комплекса, по Л.С. Выготскому: *patta* – 'гора', 'толпа людей', 'массив, ком', 'густая масса, каша'; *amba* – 'живот, чрево, нутро', 'дети по отношению к матери' (отец в этом языке называет детей иным словом), 'сок,

выжаты́й из ягод'; kula – 'волосы (на голове)', 'водоем с водой на горе', 'яблоковидные плоды определенного дерева', 'мускулистые утолщения на руке и на ноге'.

Далее С.Д. Кацнельсон отмечает, что изредка в аранта встречаются «ситуативные» комплексы, охватывающие разные предметы, обычно встречающиеся в природе рядом (таков, например, пучок ultamba – «разновидность медоносных цветов – маленькие пчелы без жала – мёд»; пучок tjoga – «род ядовитых змей – красные муравьи – разновидность кустов»). У Л.С. Выготского это цепной комплекс. Цепной комплекс, как пишет Л.С. Выготский, строится по принципу динамического временного объединения отдельных звеньев в единую цепь и переноса значения через отдельные звенья этой цепи. Ребёнок подбирает к данному образцу один или несколько предметов, ассоциативно связанных в каком-либо определённом отношении, затем ребенок продолжает дальнейший набор конкретных предметов в единый комплекс, руководствуясь уже каким-нибудь другим побочным признаком прежде подобранного предмета, признаком, который в образце не встречается вовсе. Например, ребёнок к образцу – жёлтому треугольнику – подбирает несколько фигур с углами, а затем, если последняя из подобранных фигур оказывается синего цвета, ребёнок подбирает к ней другие фигуры синего цвета, например, полуокружности, круги. Далее предметы округлой формы. Значение слова передвигается по звеньям комплексной цепи. Характер связи или способ соединения одного звена с предшествующим и последующим может быть совершенно различным. В ассоциативном комплексе связи отдельных элементов устанавливаются через некий общий элемент, образующий центр комплекса, а в цепном комплексе этого центра нет, частные конкретные элементы могут вступать в связь между собой, минуя центральный элемент, или образец, и могут поэтому не иметь с другими элементами ничего общего, но тем не менее принадлежать к одному комплексу, так как они имеют общий признак с каким-нибудь другим элементом. Первый и третий элементы могут не иметь между собой никакой связи, кроме того, что они оба, каждый по своему признаку, связаны со вторым. Предмет, по ассоциативному признаку включаемый в комплекс, входит в него как данный конкретный предмет со всеми признаками, а отнюдь не как носитель одного определенного признака, из-за которого он оказался причисленным к данному комплексу [Л.С. Выготский 1982: 144–146]. Пример цепного комплекса: ребёнок первоначально называет словом «ква» утку, плавающую в пруду, затем всякую жидкость, в том числе молоко, которое пьет из своей бутылочки. Затем, когда он однажды видит на монете изображение орла, монета получает то же самое название, и этого оказывается достаточно, чтобы потом все круглые, напоминающие монету предметы называть также [Л.С. Выготский 1982: 158]. Примерами ситуативных комплексов, по С.Д. Кацнельсону, или цепных, по Л.С. Выготскому, являются: benta с предметным значением 'невысыхающий источник соленой воды' в качественном употреблении 'постоянный, непрекращающийся' и 'солёный'; Itarba – 'печальный' и 'лишенный растительности, голый' в соответствии со своим предметным значением 'пустыня, край, лишённый растительности'; ilbaga – 'овальный', 'ворсистый, волосистый' и 'стоящий

торчком' по разным качествам предмета 'перо птицы', обозначаемого тем же словом.

Общим для всех трёх комплексов, по С.Д. Кацнельсону, является то, что, сколь бы разнообразными ни были эти типы предметного полисемантизма, все они предполагают наличие реальных, хотя нередко второстепенных и случайных, связей между объединяемыми в один пучок предметами. Во всех случаях, когда нам достаточно ясны реалии, мы без большого труда можем раскрыть объективные основания такого общего обозначения. Так, в языке племени буин (о. Буганвиль из числа Соломоновых островов) слово *mapkas* значит и 'синий' и 'фиолетовый', а другое слово *tanai* значит 'сернисто-жёлтый' и 'мшисто-зелёный'. Отмечая этот своеобразный полисемантизм, исследователь этого языка пишет: «В обозначении *tanai* основной интерес сосредоточен на растении, цвета являются случайными акциденциями, в голову приходит то цвет клубней таро, то листья наземной части растения» [по: С.Д. Кацнельсон 1947: 308]. По Л.С. Выготскому, это цепной комплекс. Пример качественного полисемантизма из одного языка Южной Австралии (Adelaide) приводит А.П. Элькин. Слово «*turla*» употребляется здесь в значениях 'огромный', 'серьезный' и 'гневный', а также в значении 'драка'. Связь этих значений объясняется тем, что для туземца «становиться большим, увеличиваться в размерах» и «драться» – близкие понятия. В основе значений лежит образ змеи, поднимающейся над землей, чтобы укусить, или ящерицы особой разновидности, которая, будучи разгневанной, распускает свои складки и тянется вверх. Подражая этому, австралиец, когда он хочет дать знать, что рассержен не на шутку и готов драться, начинает громко кричать, отчаянно жестикулировать оружием и подпрыгивать вверх, чтобы казаться более высоким и грозным. «Огромный», «несклонный шутить» и «гневный, готовый драться» обнаруживаются здесь как различные качественные аспекты единой ситуации. Такое многокачественное слово архаического языка может быть пущено в ход и в таких случаях, когда налицо лишь одно из качеств, а другие отсутствуют. Например, в приложении к пище *turla* значить огромная, т.е. обильная еда. Этот пример Л.С. Выготский квалифицировал бы как диффузный комплекс.

С.Д. Кацнельсон делает вывод: обобщения аранта это не родовые понятия, отражающие существенные отношения между вещами, а специфические понятия первобытно-образного мышления, основанные на внешних и поверхностных связях вещей. Если первобытный человек называет овальный и острокопечный лист дерева тем же словом, что и птичье перо, то тем самым он отвлекается от зелёного цвета листа и некоторых других признаков и выделяет сходство формы как основу для отнесения предмета к определённому классу вещей. В другом случае, например, называя солёное озеро и белую ящерицу одним словом, он отвлекается от конфигурации предметов, величины и т.д. и выделяет сходство цвета в качестве основы обобщения. В таких обобщениях много субъективного и случайного, ибо в реальности все такие признаки как бы лежат в одной плоскости и каждый из них, сам по себе взятый, ничуть не важнее остальных. В момент возникновения названия тот или иной признак мог получить временное преобладание в сознании над другими, – потребовалось, скажем, от-

личить овальный лист от листьев иной формы или белую ящерицу от других, в силу чего в одном случае бросилось в глаза сходство с пером, а в другом – цветное сходство с солью, но наименование закрепляется за предметом, несмотря на то, что актуальность признака может исчезнуть и не ощущаться больше. Освящённое традицией слово кажется первобытному человеку всегда чем-то большим, чем простое обозначение. В итоге многозначность первобытного имени оказывается весьма устойчивой и стабильной.

С.Д. Кацнельсон объясняет отличие языка аранта от современных языков следующим образом. Назвать предмет и тем самым выделить его из множества других предметов можно, лишь опираясь на те реальные свойства и качества, которыми данный предмет отличается от других и противопоставлен им. Но каждое из качеств и внешних признаков предмета, выделяя данный предмет из множества других предметов, в то же самое время связывает и объединяет его со множеством других предметов. То, что в отношении к предметам одного ряда может служить отличительным признаком, то в отношении к другому ряду предметов теряет всякое дифференцирующее значение. Строй современного языка отражает наличие сознания того, что каждое качество предмета, взятое изолированно от других качеств, и достаточно и недостаточно для выделения предмета, что у каждого качества имеются как бы два измерения: будучи достаточным для выделения предмета в пределах одного вида или рода предметов, такой признак теряет силу за пределами данного рода. Между тем первобытное мышление ещё далеко от сознания этой двойственности отношений. Отношения качества к предмету мыслятся первобытным человеком как бы в одном измерении, они представляются ему неподвижными, однозначными и неизменными. Выделив однажды предмет по какому-нибудь внешнему признаку, первобытные люди продолжают опираться на такой признак и тогда, когда он теряет всякую актуальность.

С.Д. Кацнельсон указывает на такой признак языка аранта, как ситуативная связанность значения слова. Так как родовые слова в таком языке отсутствуют, то для уточнения смысла там могут служить лишь косвенные намёки, содержащиеся в контексте речи. Невысокий логический уровень словесных обобщений в аранта отражается в несравненно большей зависимости такого языка от внешней ситуации. Словесный контекст на этой ступени ещё весьма и весьма неразвит. «Ситуативная связанность» речи, пишет С.Д. Кацнельсон, здесь настолько велика, что сколько-нибудь значительные тексты не могут быть воспроизведены без искусственного воссоздания ситуации с помощью драматической инсценировки. Сопровождение жеста также содействует усилению выразительности первобытного языка. Пример ситуативной связанности значения слова в статье С.Д. Кацнельсона можно найти такой. В аранта для обозначения «постоянного» и «непрерывного» служат: benta – 'невысыхающий источник солёной воды', elkua – 'сок дерева, непрерывно набухающий и стекающий', kuta или в удвоении kuta-kuta – 'адамово яблоко, пульс'. По Л.С. Выготскому, в данном случае обнаруживается мышление диффузными комплексами.

Итак, ситуативным комплексам С.Д. Кацнельсона соответствуют цепные комплексы Л.С. Выготского. Стержневые комплексы С.Д. Кацнельсона – это ассоциативные комплексы Л.С. Выготского. Концентрические комплексы С.Д. Кацнельсона у Л.С. Выготского названы диффузными комплексами.

ЛИТЕРАТУРА

Выготский Л.С. Мышление и речь //Собр. соч.: В 6 тт.: Т. 2. – М: Педагогика, 1982. – С. 120–290.

Кацнельсон С.Д. Язык поэзии и первобытно-образная речь // Известия АН СССР. Отделение литературы и языка. – 1947. – № 4. – С. 301–316.

Труфанова И.В. Функциональные эквиваленты понятий как объект языковой игры в литературе абсурда, нонсенса, игровой поэтики. Статья 2 // Девятое международные Виноградские чтения. Функционирование языка и речи. – М.: МГПУ, 2006. – С. 208–214.

Докт. филол. наук Г.Г. Хисамова (Уфа)

ОНТОЛОГИЧЕСКАЯ СУЩНОСТЬ ДИАЛОГА КАК ФОРМЫ РЕЧИ

Диалог является одним из основных видов человеческого общения, основывающегося на речевых взаимодействиях. Основы теории диалога в русском языкознании были заложены в 20-40-е годы XX века в работах Л.В. Щербы, Л.П. Якубинского, Г.О. Винокура, В.В. Виноградова, М.М. Бахтина. В них исследовалась природа диалога, определялось его место в ряду других речевых явлений, отмечалось отличие диалогической речи от монологической, а также характерные черты диалогической и монологической речи.

Идеи Л.В. Щербы, Л.П. Якубинского, В.В. Виноградова, М.М. Бахтина получают дальнейшее развитие в лингвистических исследованиях с середины XX века по настоящее время.

Об актуальности проблем исследования диалога свидетельствует тот факт, что до сих пор существует ряд дискуссионных вопросов, к которым относится прежде всего место диалога в речевом общении.

Большинство исследований определяют диалог как форму разговорной или устно-разговорной речи (Т.Г. Винокур, Е.А. Земская, О.А. Лаптева, О.Б. Сиротина, Ю.М. Скребнев, Н.Ю. Швецова).

Чтобы определить место диалога в речевом общении и в ряду других речевых явлений, необходимо провести четкие границы между основными лингвистическими понятиями, которые применяются при характеристике речи. Неточность и многозначность терминов приводит к тому, что смешиваются абсолютно разные явления и, наоборот, идентичные явления истолковываются по-разному.

В современной лингвистике понятия «язык и «речь» фактически разграничиваются. Попытка теоретического разъяснения такого разграничения была предпринята Ф. де Соссюром и Л.В. Щербой. И в настоящее время существует понимание соотношения языка и речи как единого, но двустороннего явления:

язык – это «система материальных единиц, служащих общению людей, отражаемых в сознании коллектива в отвлечении от конкретных мыслей, чувств, желаний», а речь – это «язык в действии, в процессе применения для выражения конкретного содержания» (Головин 1983: 21). Понимание языка и речи как двух сторон единого явления не исключает различного подхода к одним и тем же фактам речевой действительности. Внутри понятия «речь» выстраивается ряд соотношений, которые оказываются важными для определения сущности диалога как речевого явления.

Речевое общение может быть письменным и устным. Оппозиция данных понятий основана на материальном различии средств общения: устное – звучащая, произносимая и воспринимаемая на слух, письменная – зафиксированная, закодированная графикой. В лингвистической литературе подобное деление речи обозначают термином «формы речи» (Костомаров 1965: 172).

Речевое общение может быть различно в зависимости от цели общения, его функциональной направленности: речь обработанную, организованную, сознательно преследующую определенные цели называют книжной речью, а речь необработанную, спонтанную, зависящую лишь от условий общения именуют разговорной речью. Подобную оппозицию принято называть «стилями языка / речи» (Кожина 1983: 43-48).

В основе оппозиции «диалог» – «монолог» лежит характер контакта говорящего с другими участниками речевого общения. При этом важным обстоятельством различения диалога и монолога является наличие быстрой реакции собеседника на высказывания другого лица, а также присутствие эмоционально-экспрессивного момента в высказывании. О.Б.Сиротина предложила оппозицию «диалог» – «монолог» называть видами речи (Сиротина, 1974: 30). Предлагается также термин и «способ речевого общения» (Орлова 1967: 5).

Формы, стили и виды речи не существуют изолированно друг от друга. Они находятся в тесной взаимосвязи, часто зависят друг от друга. Не случайно одной из самых острых в современной науке становится проблема, изучение которой имеет давнюю традицию: соотношение диалога и монолога.

Вопрос о характере соотношения диалога и монолога до настоящего времени считается дискуссионным. В традиционной лингвистике диалогическая речь всегда противопоставляется монологической с выделением их отличительных признаков. Диалог подразумевает асимметрию, которая выражается в том, что, во-первых, диалогическая форма речи характеризуется постоянной сменой активности (роль говорящего) и пассивности (роль слушателя) участников коммуникации, во-вторых, в попеременной направленности сообщений: диалог слагается из кратких высказываний, возникающих спонтанно, каждое последующее из них стимулируется предыдущим. Дискретность – способность выдавать информацию порциями – является законом всех диалогических систем. Для диалогической речи характерна сбивчивость, недомолвки, редуцирование грамматических форм, активное и значимое жестовое сопровождение. Монолог характеризуется постоянством речевой активности одного участника коммуникации при внешней пассивности других. Ему свойственны развернутые и структурированные, заранее обдуманые высказывания.

Однако вопрос о соотношении диалога и монолога не находит единого решения, что нередко связано со сложностью их квалификации, с их взаимопересекаемостью: разговорная речь в реальной жизни обнаруживается не только в «крайних» видах речи («чистый диалог» и «чистый монолог»), но и в различных промежуточных формах: диалог с вкраплениями монолога, монолог, перемежающийся репликами других лиц и т.п.

Динамика оппозиции «диалог» – «монолог» выражается в том, что диалог первичен: он признается доминантой бытия и развития общения. Речь, языковое общение, сознание людей насквозь диалогично. В этом находит свое выражение социальная, коммуникативная сущность языка, возникающая из потребностей общения во время совместной деятельности людей. В современных лингвистических исследованиях отмечается вторичность монолога по отношению к диалогу, так как, с одной стороны, монолог является смысловым развертыванием диалога, с другой стороны, – сжатым диалогом. Следовательно, при широком понимании диалога вопрос о различении диалога и монолога вообще снимается.

ЛИТЕРАТУРА

Головин Б.Н. Введение в языкознание. – М.: Просвещение, 1983. – 228 с.

Кожина М.Н. Стилистика русского языка. – М.: Просвещение, 1983. – 224 с.

Костомаров В.Г. О разграничении терминов «устный» и «разговорный», «письменный» и «книжный» // Проблемы современной филологии. – М. 1965. – 254 с.

Орлова М.Н. Структура диалога в современном русском языке (вопросно-ответная форма): Дис. ... канд. филол. наук. – Уфа, 1967. – 196 с.

Сиротинина О.Б. Современная разговорная речь и ее особенности. – М.: Просвещение, 1974. – 144 с.

Аспирантка А.В. Холмова (Уфа)

ВНУТРЕННЯЯ РЕЧЬ КАК ПРЕДМЕТ НАУЧНОГО ИССЛЕДОВАНИЯ

Речемыслительный процесс в лингвистике понимается как “мышление, с необходимостью выражающее себя в тексте, воплощающееся в тексте” [2]. В художественных произведениях оно представлено внутренней речью персонажей.

Обычно под термином “внутренняя речь” понимается “речь для себя” и “речь про себя”, которая актуализируется при решении каких-либо задач, обдумывании, размышлении. В настоящее время термин “внутренняя речь” широко используется в психологии, психолингвистике, литературоведении и лингвистике, где обозначает существенно различающиеся между собой понятия. Это обуславливает необходимость многоаспектного изучения ВР в психологическом, психолингвистическом, литературоведческом и лингвистическом аспектах, а также четкого определения данного понятия и его типологических признаков в каждом из названных аспектов.

В психологии внутренняя речь понимается как особый вид психической деятельности, связанный со всеми сторонами психики человека: с восприятием, мышлением, памятью, чувствами, волей. В ней отражаются особенности темперамента, эмоционально-волевые свойства, познавательная деятельность, общая культура человека. “ВР является средством выражения и развития мысли, она также тесно связана с другими познавательными процессами и с эмоционально-волевыми свойствами характера” [10, 5].

Особенностью структуры внутренней речи является сокращенность формы, что выражается в особенностях синтаксической и фонетической стороны ВР. В синтаксическом отношении внутренняя речь отличается редуцированностью компонентов, в первую очередь подлежащих, в то время как предикаты сохраняются. По мнению Л.С. Выготского, это происходит, потому что “самим себе мы никогда не должны сообщать, о чем идет речь. Это всегда подразумевается и образует фон сознания” [4, 266]. Вследствие этого ВР носит ярко выраженный предикативный характер, а предикативность выступает в качестве ее существенного признака. В фонетическом отношении внутренняя речь отличается редуцированностью звуковой стороны, вследствие чего речевые процессы в ней не получают внешнего выражения: “ВР есть немая, молчаливая речь” [4, 348].

Сокращенность формы внутренней речи приводит к тому, что на первый план выступает ее содержательная сторона, важнейшей особенностью которой является предельная сгущенность смысла. Л.С. Выготским определены следующие основные свойства семантики ВР: во внутренней речи смысл преобладает над значением, при этом образуются единые сложные слова для выражения сложных понятий путем слияния всей фразы в одно слово. Смыслы слов, являясь более динамичными и широкими, обнаруживают иные законы объединения и слияния друг с другом по сравнению с законами объединения и слияния словесных значений [4, 282].

Не менее важными свойствами семантики внутренней речи, по мнению И.В. Артюшкова, является ее наглядно-чувственный характер и идиоматичность (возможность выразить все мысли, ощущения и даже целые рассуждения одним словом) [1, 17].

ВР осуществляется с помощью особого предметно-изобразительного кода. Она не обладает набором типовых грамматических правил, вследствие чего носит ярко выраженный индивидуальный характер: “это субъективный язык, язык-посредник, с помощью которого замысел переводится на общедоступный язык партнеров” [5, 92].

В психолингвистике внутренняя речь рассматривается в рамках теории порождения речи и предстает как сложный динамический процесс, имеющий ту же психологическую структуру, что и любой вид психической деятельности: мотивированность, целенаправленность, трехчленность структуры (создание плана, его реализация, сличение), иерархическую организацию, – и включающий ряд этапов (уровней, ступеней). Разными учеными в качестве основных выделяются разные этапы процесса речепорождения. Мы придерживаемся точ-

ки зрения И.В. Артюшкова, который представляет порождение речевого высказывания следующим образом:

1) мотив, состоящий в потребности выразить в речи какое-то определенное содержание;

2) этап замысла, на котором возникает общий субъективный смысл;

3) этап внутреннего программирования, на котором осуществляется расчленение, конкретизация замысла и преобразование его во внутреннюю программу (свернутое речевое высказывание);

4) этап лексико-семантического развертывания, на котором происходит перекодировка внутренней программы с языка образов и схем на общий, национальный язык;

5) этап грамматического структурирования, на котором происходит создание грамматической структуры высказывания;

6) этап реализации во внешней речи [1, 22-26].

При определении места внутренней речи в процессе порождения речевого высказывания большинство исследователей связывают ее появление с этапом замысла или с этапом внутреннего программирования. Мы придерживаемся точки зрения А.А. Леонтьева, согласно которой возникновение ВР связано с внутренним программированием, но не совпадает с ним. По мнению ученого, после создания программы “внутреннее программирование может развертываться либо во внешнюю речь, либо во внутреннюю речь в зависимости от функциональной специализации речевого высказывания и некоторых других факторов” [7, 9]. Таким образом, этап ВР для речевой деятельности становится не обязательным.

В литературоведении внутренняя речь исследуется как художественная форма воспроизведения внутренней жизни персонажей. Отметим, что в большинстве литературных словарей и справочников, а также научных трудов отсутствует сам термин “внутренняя речь”. Вместо него широко используется термин “внутренний монолог”, который определяется как обращенное к самому себе высказывание героя, непосредственно отражающее внутренний психологический процесс, монолог “про себя”, в котором имитируется эмоционально-мыслительная деятельность человека в ее непосредственном протекании [8, 65]. При таком подходе предметом изучения является не сама ВР во всей совокупности ее проявлений, а лишь одна ее форма.

При рассмотрении особенностей строения и содержания внутренних монологов важное значение приобретает вопрос о соотношении в художественном тексте внутренней и внешней речи. На этот счет в литературоведении существуют две точки зрения. Согласно первой, внешняя и внутренняя речь персонажей в художественном произведении изображаются в единстве их функциональных и грамматических особенностей (И.В. Страхов). Согласно второй, внутренняя и внешняя речь в художественном произведении принципиально различаются (С.Г. Бочаров).

При рассмотрении внутренней речи в лингвистическом аспекте многие ученые стремятся рассмотреть ВР исходя из тех представлений о ней, которые сложились в психологии и психолингвистике. В большинстве случаев внутрен-

няя речь рассматривается как аналог естественной ВР, используемый в художественной литературе для изображения внутреннего мира героев.

Так, В.В. Виноградов говорит о “литературном воспроизведении внутренней речи” [3, 181], В.А. Зименкова – о “художественной трансформации внутренней речи” [6, 5], Е.В. Сельченко – о “трансформации произнесенной внутренней речи в вербальную форму” [9, 44].

Такой подход получает отражение в соответствующем терминологическом определении ВР в художественной литературе: “репродуктивно переданная внутренняя речь” (Л.М. Шелгунова), “художественно трансформированная внутренняя речь” (Н.И. Сакварелидзе, М.Т. Гаибова, В.А. Зименкова), “художественно-преобразованная внутренняя речь” (Е.В. Сельченко) и др.

Таким образом, внутренняя речь – одно из сложнейших понятий, существующих в науке и заслуживающих особого внимания ученых.

СПИСОК ЛИТЕРАТУРЫ

1. Артюшков И.В. Внутренняя речь и ее изображение в художественной литературе (на материале романов Ф.М. Достоевского и Л.Н. Толстого): Моногр. – М.: МПГУ, 2003. – 348 с.
2. Белоусова П. Мышление с точки зрения лингвиста. <http://itsidea.ru/page/myshlenie-s-tochki-zrenija-lingvista>.
3. Виноградов В.В. О языке Толстого // Литературное наследие. – 35-36. Л.Н. Толстой. – М.: Изд-во АН СССР, 1939. – 1-2. – С. 117-220.
4. Выготский Л.С. Мышление и речь // Л.С. Выготский. Избранные психологические исследования. – М.: Изд-во АПН РСФСР, 1956. – С. 39-386.
5. Жинкин Н.И. Речь как проводник информации. – М.: Наука, 1982 – 159 с.
6. Зименкова В.А. Способы выражения внутренней речи персонажей в художественном тексте: (На материале современной прозы ГДР, ФРГ и Австрии): КД. – Л., 1989. – 182 с.
7. Леонтьев А.А. Внутренняя речь и процессы грамматического порождения высказывания // Вопросы порождения речи и обучения языку / Под ред. А.А. Леонтьева и Т.В. Рябовой. – М.: Изд-во МГУ, 1967. – С. 6-16.
8. Литературный энциклопедический словарь / Под ред. В.М. Кожевникова и Л.А. Николаева. – М.: Сов. Энциклопедия, 1987. – 752 с.
9. Сельченко Е.В. Структура художественно преобразованной внутренней речи: КД. – Минск, 1988. – 200 с.
10. Страхов И.В. Психология внутренней речи. – Саратов, 1969. – 56 с.

Докт. филол. наук А. А. Хуснутдинов (Иваново)

О СПЕЦИФИКЕ ФРАЗЕОЛОГИЧЕСКОЙ НОМИНАЦИИ

Словарный состав языка представлен двумя языковыми единицами – словом и фразеологизмом (идиоматическим выражением). Каждая из этих единиц имеет свои формальные и содержательные особенности, определяющие их категориальное своеобразие и функциональное назначение в речи. С другой сто-

роны, наличие у них общих признаков (лексическое/фразеологическое значение, лексико-грамматические свойства, стилистическая окраска и др.) определяет соотносительность слов и фразеологизмов в лексико-фразеологической системе и возможность их вступать друг с другом в отношения и связи по законам лексической и грамматической сочетаемости единиц языка. Вместе с тем соотносительность слова и фразеологизма как особых единиц языка не предполагает их тождества: даже общий признак у каждой единицы проявляется по-разному, в соответствии с их категориальным своеобразием.

Наиболее существенные различия в лексическом значении этих единиц (здесь термин лексическое значение используется и по отношению к слову, и по отношению к фразеологизму для обозначения индивидуального номинативного значения в противопоставлении грамматическому значению). Лексическое значение фразеологической единицы – один из ее важнейших и основных параметров. От характера лексического значения во многом зависит, к какому лексико-грамматическому разряду фразеологическая единица относится, какие формы она может иметь, с какими классами слов и с какими конкретными словами она сочетается, какие фразеолексические сочетания образует, какие синтаксические функции она выполняет в предложении, в какие отношения вступает друг с другом.

На специфику фразеологической номинации указывает, в частности, то, что в лексико-фразеологическом составе языка есть слова и фразеологизмы, которые могут быть соотносимыми, которые с известной долей приближенности могут быть соотнесены по значению (*кот наплакал* – мало, *дать дуба* – умереть, *поставить к стенке* – расстрелять, *во все лопатки* – быстро, *черепашьим шагом* – медленно, *ни черта* – ничего, *до лампочки* – безразлично и т. п.), и не соотносимые, что связано либо с отсутствием в лексической системе слова, соответствующего по значению ФЕ, либо с отсутствием во фразеологической системе фразеологизма, соответствующего по значению слову, ср.: *как огурчик* – ***, *синий чулок* – ***, *креста нет на ком* – ***, *опять двадцать пять* – ***, *брать быка за рога* – ***, *легкий на подъем* – ***, *козел отпущения* – ***, *телефон* – ***, *красный* – ***, *курить* – ***, *треугольник* – ***, и т. п. Это свидетельствует о том, что есть такие реалии и понятия, которые в языке могут выражаться и словом, и фразеологизмом, но есть и такие, которые могут выражаться или только словом, или только фразеологической единицей. А это, в свою очередь, указывает на то, что лексическая и фразеологическая системы сосуществуют в языке, дополняя друг друга: то, что не может быть выражено фразеологизмом, выражается словом, то, что не может быть выражено словом, выражается фразеологизмом. Иначе говоря, круг понятий, выражаемых словом, и круг понятий, выражаемых фразеологическими единицами, отличаются друг от друга: не все понятия, которые выражаются словом, можно выразить фразеологическими единицами, и наоборот, не все понятия, выражаемые фразеологическими единицами, покрываются словом. Объяснение этому следует искать в специфике лексической и фразеологической номинации.

Слово в языке обобщает существенные признаки, свойства целого класса предметов и явлений. Слово, выполняя свою основную – номинативную –

функцию, выделяет на основе тех или иных признаков один класс предметов или явлений из множества других. Поэтому в основу наименования предмета словом должны быть положены лишь такие признаки, которые, с одной стороны, достаточны для того, чтобы отличить данный класс предметов, обозначаемый словом, от других предметов, с другой, – являются общими, свойственными всем без исключения предметам обозначаемого класса. Иными словами, чтобы обозначить предмет словом, человек в своем сознании должен составить понятие о нем, то есть определить, в частности, те признаки, которыми данный предмет обладает, а также выявить те из них, которыми обладает весь класс подобных предметов без исключения, абстрагируясь от индивидуальных признаков отдельных предметов данного класса. Так, определение ‘предмет мебели для сидения одного человека со спинкой и без подлокотников’ объединяет все стулья в один класс независимо от индивидуальных свойств каждого из них (детский, круглый, деревянный и т. д.) и в то же время отграничивает данный класс предметов от любых других (кресла, табуретки, дивана, скамейки и т. д.).

Своеобразие лексического значения фразеологической единицы заключается в том, что в нем содержатся не только общие признаки, свойственные всем предметам данного класса (как в слове), но и признаки дополнительные, индивидуальные, особенные, которыми данный предмет отличается от других предметов внутри одного класса, среди себе подобных. Например, фразеологическая единица *стреляный воробей* обозначает не просто любого человека, а человека опытного, бывалого, много испытавшего на своем веку; *филькина грамота* – это не просто какой-либо документ, а документ, не имеющий юридической силы; *выжигать каленым железом* – не просто искоренять, уничтожать что-либо, а искоренять, уничтожать, прибегая при этом к самым крайним мерам, и т. д. Следовательно, фразеологическая единица не только называет какой-либо предмет, явление, действие и т. п., но и дает им определенную характеристику, что выражается в указании на дополнительные, индивидуальные признаки, которыми данный предмет, явление, действие отличается от подобных. Так как такое указание на дополнительные, отличительные признаки является по существу характеристикой этого предмета или явления, фразеологическую номинацию в целом можно определить (и определяют) как характеризующую.

Характеризующая функция для фразеологической единицы является основной, главной и часто почти полностью подавляет назывную: в значении фразеологической единицы подчеркивается не только (а чаще и не столько) факт наличия, существования какого-либо предмета, явления, действия и т. п., но и, что важнее, тот признак, которым данный предмет или действие характеризуется, определяется. Это находит отражение и в словарных дефинициях: при толковании многих фразеологических единиц составители словарей используют указательные или неопределенные местоимения, а также слова с предельно общими значениями. Например: *китайская грамота* ‘что-либо недоступное пониманию’, *мыльный пузырь* (1) ‘то, что на поверку оказывается не устойчивым, эфемерным, легко разрушающимся’ и (2) ‘человек, производивший самое хорошее, положительное впечатление и оказавшийся ничтожным, ничего собой

не представляющим, ничего незначащим’, *закусить удила* ‘действовать не зная удержу, идя напролом, не считаясь с обстоятельствами, со здравым смыслом’, *иметь голову на плечах* ‘быть умным, рассудительным, сообразительным’ и т. п.

Таким образом, цель фразеологической номинации – не название, не обозначение того или иного класса предметов объективного мира на основании выделенных человеческим сознанием общих, существенных свойств, присущих предметам одного класса (что является основной целью лексической номинации), а характеристика этих предметов и явлений путем выделения их особенности, своеобразия на фоне одноименных предметов данного класса. Иначе говоря, фразеологическая единица не только и не столько „называет”, сколько характеризует обозначаемый предмет в каком-либо плане, так как назывная функция у нее смещена на второй план за счет выдвижения вперед функции характеризующей. Попутно отметим, что и в лексической системе тоже можно обнаружить группу слов, у которых номинативная функция смещена на второй план (*разиня, пройдоха, пустомеля, верзила* и т. п.), но число таких слов в языке очень ограничено. Более того, можно отметить и точки соприкосновения, даже наложения сфер действия лексической и фразеологической систем. Ср., например, слова, в которых превалирует характеризующая функция (*хмырь, драпать, пустомеля, разиня*) и фразеологические единицы, в которых основной является функция назывная (*бабье лето, чертова дюжина, хватать звезды с неба, на воздухе, в курсе*). Однако названные единицы и в той, и в другой системе находятся на периферии, что только подтверждает разный тип номинации у слов и фразеологических единиц, а также то, что фразеологическая и лексическая системы сосуществуют в языке, взаимно дополняя, но не дублируя друг друга).

Выявление характеризующей функции значения фразеологической единицы как основной, главной, ее способности содержать в своем значении указание на какой-либо отличительный признак, свойство, качество характеризуемого предмета, действия и т. д., требует и решения вопроса о том, какие именно признаки может выражать фразеологизм, а какие нет.

Индивидуальные признаки, которыми может обладать предмет, обозначаемый словом, могут быть самыми разнообразными. Например, к слову *стул* в зависимости от его конкретных свойств можно подобрать целый ряд определений: а) деревянный, складной, круглый..., б) высокий, старый..., в) любимый... Отвлекаясь от конкретных лексических значений слов, выступающих здесь в роли определения, их можно разделить на три типа. В первом случае (а) определения обозначают признак, объективно присущий данному предмету, т. е. он соотносится с реальными свойствами обозначаемого объекта. Здесь факт наличия данного признака в предмете только констатируется. Во втором примере (б) прилагательные выражают признак субъективный, который „видится” в предмете, однако этот признак в известной степени опирается на качество, свойство, объективно присущее самому предмету. В этих определениях уже содержится квалификация, оценка объекта наименования со стороны какого-либо объективно присущего ему свойства. В третьем случае (в) определение выра-

жает чисто субъективный признак, которым данный предмет реально не обладает, но который ему приписывается. Здесь тоже наблюдается квалификация, оценка предмета, но она осуществляется с помощью признака, который приписывается объекту наименования субъектом. Как видно из примеров, признаки, которыми характеризуется объект наименования, могут быть двух видов: 1) признаки чисто объективные, свойственные самому объекту наименования и выделяемые в нем в результате обобщения существенных, присутствующих в самом объекте свойств в процессе познавательной деятельности человека (а), и 2) признаки субъективные, которыми наделяются объекты внеязыковой действительности либо в результате рациональной оценки (б), либо чувственно-образного восприятия материального мира (в).

Особенностью фразеологической номинации является то, что фразеологические единицы не способны выражать чисто объективные, реальные признаки элементов материального мира, они способны выражать лишь признаки второго порядка. Следовательно, фразеологическая единица может обозначать только такие признаки, которые не столько отражают сущностные свойства самого предмета, сколько выражают отношение к нему человека, оценку, квалификацию человеком того или иного объекта наименования. В основе значения фразеологической единицы, таким образом, лежит эмоционально-образное восприятие и квалификация, оценка тех или иных сторон, свойств объектов внеязыковой действительности. Именно этим объясняется тот факт, что фразеологическими единицами невозможно выразить такие понятия, как форма, цвет, точное количество и т. п., т. е. такие понятия, которые отражают чисто объективные, свойственные предмету „по природе” признаки (Указания на эмоциональность, образность, оценочность значения фразеологических единиц давно уже стали общим местом во фразеологических работах.).

Этим, вероятно, объясняется и более узкая по сравнению с лексической сфера действия фразеологической номинации. Слово, как известно, служит для выделения и обозначения (именования, называния) не только вещей, свойств, отношений, процессов объективного мира, но и для обозначения разного рода явлений психической жизни людей, продуктов их воображения, результатов их абстрактного мышления и т. д. Фразеологическая номинация связана с „идеальной действительностью”, с продуктами восприятия и представления предметного мира в чувственном опыте, практическом сознании носителей языка. Она связана с „продуктами” человеческого сознания, „продуктами” интеллектуально-чувственной деятельности людей. Совокупность этих образов, представлений, идей вырабатывается индивидуально каждой языковой общностью в процессе освоения действительности. Этим, вероятно, объясняется тот факт, что в сфере фразеологии наиболее ярко отражается национальное своеобразие каждого языка. Этим объясняется, видимо, и значительно меньший объем фразеологического состава по сравнению с лексическим, и более ограниченное число семантико-тематических групп фразеологических единиц, и особый характер понятий, выражаемых фразеологическими единицами, а именно связанность их только с квалификативными сферами познавательной деятельности

человека, с его эмоционально-образным восприятием и рационально-оценочной квалификацией.

Следует также отметить, что во фразеологической единице обозначаемый признак, во-первых, избирается не отдельным индивидом для характеристики того или иного предмета, а принимается языковым коллективом и узуально им закрепляется, иными словами, не создается заново для каждой речевой ситуации, а воспроизводится; во-вторых, сам этот признак принадлежит не только данному – конкретному, единичному – предмету, а может быть приложим к целому ряду однородных предметов, выражая, следовательно, определенное обобщенное представление о качестве, свойстве объекта, закрепленное в сознании членов одной языковой общности. Иначе говоря, фразеологизм представляет собой определенную смысловую абстракцию, что создает для него возможность употребляться в разных контекстах, быть приложимым к целому ряду конкретных предметов и явлений.

Таким образом, фразеологическая номинация отражает только „идеальную действительность”, совокупность образов, представлений, понятий и т. п., выработанных человеческим сознанием в процессе познавательной деятельности. Однако соотнесенность фразеологической единицы с объективной действительностью все же есть, ибо совокупность этих образов, представлений и понятий складывается в человеческом сознании в процессе познания материального мира. Следовательно, соотнесенность фразеологической единицы с объективной действительностью не прямая, а опосредованная.

Эта соотнесенность фразеологической единицы с объективной действительностью является не только опосредованной, но и двойной. Сформировавшиеся в человеческом сознании в процессе познавательной деятельности носителей языка образы, представления и понятия прямо и непосредственно отражаются и фиксируются в лексической системе. Во фразеологической системе эти представления, образы и понятия выступают в качестве признака, выделенного языковым коллективом, с помощью которого переосмысливается тот или иной объект наименования сквозь призму оценочного, чувственного или образного восприятия. Этот выделенный языковым коллективом признак в процессе фразеологической номинации „прилагается” к конкретным объектам внеязыковой действительности или к явлениям, связанным с социально-психологической деятельностью человека. Иначе говоря, признак, сформированный в сознании носителей языка на базе определенных представлений, образов, идей, выступает в функции своеобразного ярлыка, который прикрепляется к тому или иному объекту наименования, а затем узуально за ним закрепляется. Таким образом, в основе фразеологической номинации лежит эмоционально-чувственная и рациональная, интеллектуальная оценка, квалификация тех или иных сторон, свойств и т. п. объектов внеязыковой действительности, а через них и самих этих объектов. Фразеологическая единица представляет собой психологическую, морально-этическую, социальную и т. п. характеристику (квалификацию, оценку) человеком предметов и явлений, связанных с его деятельностью в объективном мире.

ИЗВЕСТНЫЕ КОНЦЕПЦИИ СМЫСЛОВОЙ ИНТЕГРАТИВНОСТИ ТЕКСТА И НЕКОТОРЫЕ ПРИНЦИПЫ И ЗАКОНОМЕРНОСТИ СМЫСЛОВОЙ ИНТЕГРАТИВНОСТИ СЕГМЕНТА ТЕКСТА

В аспекте постановки задачи формализованного (логически основанного) анализа смысла речевого произведения исследуются смысловые отношения в тексте, закономерности смысловой интегративности сегмента текста, формы выражения и признаки медиаторов смысловой интегративности (МСИ) сегмента текста, способствующие их идентификации. В сопоставлении излагается известные концепции смысловой интегративности текста и авторская концепция, согласно которой интегративность текста обусловлена МСИ, известными как вербально выраженные мысли-скрепы.

Ключевые слова: медиатор смысловой интегративности; мысль-скреп; смысл сегмента текста; задача анализа смысла текста.

1. Об известных концепциях смысловой интегративности текста.

Смысловую интегративность (т.е. связность и цельность) текста до недавних пор представляли (1) только извне (не предпринимая попыток интерпретации смысловой структуры мысли), (2) только интуитивными средствами, которые не были адекватны задаче анализа смысла.

Лишь в 1970-е годы лингвисты начали чётко подразделять 2 основные формы связности: 1) *структурно-вербальную связность*, опосредованную повторяющимися вербальными элементами (Schubiger, 1965) (*когезия*), и 2) *связность логического типа*, строящуюся на отношениях кореференции (*когеренция*). На практике оба эти типа связности рассматривали лишь применительно к небольшим сегментам текста. Не случайно даже в конце 1980-х гг. Ф.Растье интерпретировал *когезию* ограниченно, как "форму связности, определяемую внутренними семантическими отношениями высказывания", а *когеренцию* – как "форму связности, определяемую семантическими отношениями высказывания с его окружением" (Rastier, 1987: 104–105). Вот почему понимаемую так когеренцию могли условно подразделять на ретроспективную и проспективную по отношению к высказыванию (N.E.Enquist, M.Charolle, J.R.Hobbs, M.A.Кобрин, M.A.Габ).

1.1. Концепция когезии и смысловая интегративность текста. Так или иначе, но методический аппарат исследования смысловой интегративности текста в течение минувших 60 лет был ограничен следующими подходами: 1) *подход, предполагающий анализ вербальных повторов* (диссертации А.Е.Киселева (1954); Т.Н.Головкиной (1966), Т.С.Дудниковой (1969), М.П.Полесового (1971), Л.Н.Тимошук (1975), Р.А.Лепиной (1977), Н.Е.Цветковой (1979–1986), Н.Graeme (1981), Е.В.Барабаш (1982), И.К.Кардович (1990), А.Я.Мамедова (1990), монографии Н.Ю.Шведовой (1960), А.И.Аникина (1965), статьи Р.А.Харитоновой (1984), М.Н.Кожинной и

Н.В.Данилевской (1984), А.Ю.Корбут (1995), Ю.В.Трубникова (1997), Г.Г.Москальчук (1997; 2003) и др.); 2) *подход, предполагающий учёт текстообразующей функции синтаксических повторов* (И.М.Астафьева (1964)) или *элементов “синтаксиса текста”* (С.Г.Ильенко (1988)); 3) *подход, предполагающий учёт текстообразующей функции интекста* (П.Х.Тороп (1981); И.В.Арнольд (1999); Н.В.Петрова (2002–2005)). Некоторые лингвисты попытались развить идею повторов до *идеи самоорганизации текста* (Г.Г.Москальчук (1998)) и даже до *идеи представления текста как формы синергетического процесса* (Н.Л.Мышкина (1985); Г.Г.Москальчук (2003)).

Одной из основных идей в концепции когезии была “*концепция повторов*”. Все прекрасно понимали, что когезия (1) не может относиться к развернутому тексту; (2) не может быть сведена к повторам лексических единиц (ЛЕ). Ещё в 1978 году, анализируя множество признаков когезии, такой авторитетный специалист, как Т.М.Николаева подчеркивала, что отношения в тексте “не могут сводиться... к субституции имен контактирующих высказываний или к семантике отношений между самими этими высказываниями, к их коннексии (connexity)” (Николаева, 1978: 34). Понимая это, Р.-А.Богранд и В.Дресслер в начале 1980-х годов попытались отнести к “*признакам когезии*” не только вербально очевидные *прямой повтор (рекуррентцию) и параллелизм*, но также *проформы, темпоральные и причинно-следственные отношения* (Beaugrand, 1981), И.Р.Гальперин предложил переопределить когезию по типу когеренции, как “*особые виды связи, обеспечивающие... логическую последовательность, темпоральную или пространственную взаимозависимость отдельных сообщений, фактов, действий и пр.*” (Гальперин, 1981: 74), а Т.А.Щорс заявила, что когезия формируется грамматическими и логическими средствами (Щорс, 1983).

Но ни авторитетность мнений Т.М.Николаевой, И.Р.Гальперина, Р.-А.Богранда и В.Дресслера (аргументы ad hominem), ни веские аргументы ad rem не произвели впечатления. Начиная с работ Н.В.Цветковой (1985), идея повторов ЛЕ стала основной. Фактом наличия повторов ЛЕ продолжают объяснять связность текста, интерпретируя её как “*семантическую соотнесенность*” (semantic relatedness) пар высказываний в небольших сегментах текста (см. работы Э.Ислама, Д.Инкпена (2008), А.Виетри (2009) и др. авторов). Модель на Рис. 1 представляет суть отношений когезии между вербальными сегментами текста, которая, якобы, обеспечивается за счет повторяющихся вербальных элементов (ПВЭ) и представляется как система линейных, вертикальных или иерархических связей.

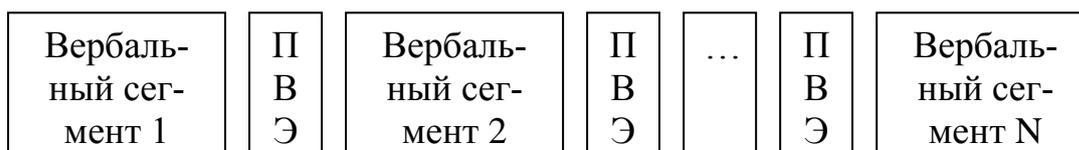

Рис. 1. Модель когезии между вербальными сегментами текста.

1.2. Концепция когеренции и смысловая интегративность текста.

Большинство лингвистов дают определение *когеренции* как *связности логико-*

смыслового типа, строящейся на отношениях кореференции. Однако в работах Дж.Хеннинга и Л.Хута (1975), Н.Энквиста (1978), Дж.Хоббса (1979) когеренция интерпретируется как эксплицитная логико-семантическая связь данного высказывания с окружающими высказываниями текста (т.е. как когезия на синтаксическом уровне). М.Шароль (1994) сформулировал 4 условия, обеспечивающих когерентность микро-текста: 1) условие повторяемости (règle de répétition), предполагающее наличие в тексте рекуррентных элементов (условие когезии – М.Ч.); 2) условие прогрессии (règle de progression), предполагающее обновление семантического содержания развивающегося текста (NB! – не повторы и не перенос содержания из одного сегмента текста в другой); 3) условие непротиворечивости (règle de non-contradiction), согласно которому новые элементы смысла не должны противоречить предыдущим; 4) условие связности (règle de relation) – связь всех событий, описываемых текстом.

Рис. 2 изображает условную модель, представляющую суть отношений когеренции в сегменте текста.

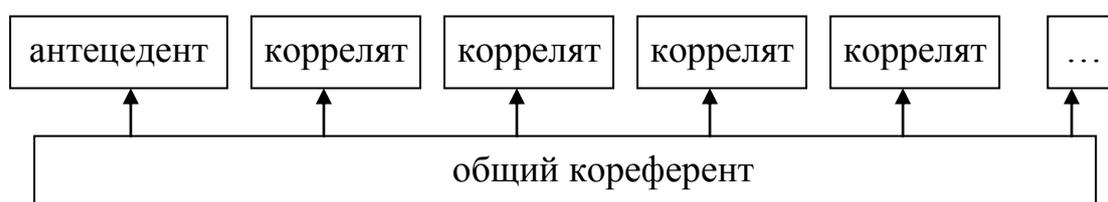

Рис. 2. Модель когеренции как условно-тематической кореференциальной связности текста или сегмента текста за счет вербально выраженного кореферента (например, темы, повторяющейся в тексте/сегменте).

Опробуем эту модель на сегментах из романов Э.Хемингуэя.

Сегмент 1 ("Islands in the Stream"): 'He knew almost all there is to know about living alone, and he had known what it is to live with someone that you loved and that loved you. He had always loved his children but he had never before realized how much he loved them and how bad it was that he didn't live with them. He wished that he had them always and that he was married to Tom's mother.'

В сегменте выявлены признаки тематической кореференциальной связности. Результат модельного разбора этого примера дан на Рис. 3.

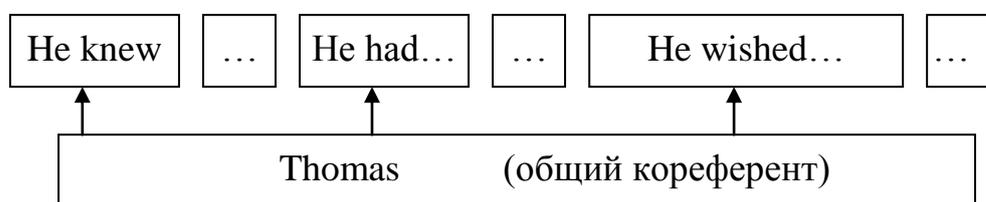

Рис. 3. Модель когеренции для Сегмента 1.

Однако концепция интегративности, при которой приходится искать повторы ЛЕ и на их основе выявлять отношения кореференции, является ненадежной, ведь последовательность высказываний сегмента может не иметь ни повторов, ни признаков кореференции, но быть интегративной:

Сегмент 2 ("Islands in the Stream"): 'Go ahead and drink the rest of your drink and think about something good. Tom's dead and it's all right to think about him.'

You'll never get over it. But you are solid on it now. Remember some good happy times. You had plenty.'

Очевидна неубедительность концепций когезии и когеренции.

2. Постановка задачи формализованного (логически основанного) анализа смысла речевого произведения. Такая задача никогда прежде не ставилась в лингвистике. Многие полагали, что даже средствами человеческой интуиции решить такую задачу не всегда возможно. И это так.

Известные подходы к анализу смысла текста ограничивались не всегда удачными *попытками интуитивного выявления темы сегмента или последовательности тем небольшого текста*. Их связывали с анализом структуры текста путем выявления “горизонтальной”, “вертикальной”, “иерархической” или “пирамидальной” организации его частей (которую без обоснований интерпретировали как *смысловую*) и выстраивания “*лексико-тематической* сети тем или пропозиций сегментов” (по К.Бринкеру (1988)). Такие подходы были сопряжены с проблемами: (1) по убеждению Г.В.Степанова, они не выводят на анализ смысла, а неточность выводов резко возрастает с увеличением размеров текста (Степанов, 1980: 200); (2) для многих реальных текстов построение лексико-тематической сети/иерархии тем или пропозиций сегментов не даёт представления о принципах интегративности, т.к. информация не передаётся из сегмента в сегмент; (3) есть ещё произведения без оглавлений, разбиения на главы, без четкого сюжета (роман Дж.Клеланда "Fanny Hill"), без тематической перспективы; (4) есть тексты с аморфной композицией (стихотворения, поэмы). Они требуют *иных принципов анализа интегративности и смысла*.

Очевидно, что (а) понимание принципов смысловой интегративности текста и (б) построение формализованного метода анализа смысла текста требуют: 1) более глубокого понимания (а) принципов организации мышления; (б) существа и структуры мысли; 2) учёта более полного комплекса смысловых отношений в мысли, смысле и тексте.

3. Смысловые отношения в тексте и медиаторы его смысловой интегративности. Казалось бы, логично, чтобы при исследовании смысловой интегративности текста (т.е. его связности и цельности) предметом стали *медиаторы смысловой интегративности* (МСИ) (т.е. элементы, опосредующие отношения смысловой интегративности текста). Но вместо этого все исследователи на протяжении 50 лет обсуждали вербальные элементы, объявленные “средствами связности”: “смысловую вежу” (А.Н.Соколов, 1947); “ключевые слова сегментов текста”, которые у Г.В.Бондаренко (1976) рассмотрены как вежи, выражающие микротемы текста; “парентезу”; “идентичные смысловые образования” (З.И.Хованская (1980: 102) и С.А.Мегентесов (1981: 9) утверждали, что, “проходя по тексту”, они, якобы, образуют его содержательное ядро); элементы “интекста” (Н.В.Петрова, 2005); “текстовый коннектор” (Л.Н.Иорданская, И.А.Мельчук, 2007), “содержательный лейтмотив текста”. Но все эти вербальные элементы не могут быть медиаторами в сфере смыслов (Чесноков, 1966). Если исследователь хочет оперировать корректными понятиями, то ему придется признать, что: (1) “вербальных средств смысловой связности” в принципе

быть не может; (2) единственным средством обеспечения смысловой интегративности речи являются интеллектуальные способности человека.

Необходимость проникновения в тайны действительно смысловых отношений, связанных с текстом, вывела нас на мысль о *поиске МСИ в сфере экстралингвистических сущностей*. Их и прежде приходилось учитывать в концепции когеренции при отслеживании отношений между кореферентами или коденотатами текста (R.Geluykens, 1989), без них невозможно было обойтись в рассуждениях о логико-смысловой организации текста (см. напр. И.В.Арнольд, 1999; Н.Д.Арутюнова, 1999).

(3) Медиаторами смысловой интегративности (МСИ) могут быть только мысли, несущие смысл. Эти мысли отображаются говорящим а) в вербальной форме, б) в невербальных формах или в) как подтекст.

История идентификации нами такого класса МСИ, как *мысли-скрепы*, и построения концепции смысловой интегративности описана в (Чернышов, 2011) и в монографиях автора (Чернышов, 2010а,б). Ниже будет рассмотрена концепция смысловой интегративности сегмента текста.

4. Концепция мысли-скрепа как медиатора смысловой интегративности текста. Для начала мы исследуем принципы смысловой интегративности сегментов текста на примерах из романов Э.Хемингуэя.

4.1. О формах выражения медиаторов смысловой интегративности сегмента текста. Утверждение 1. Само по себе *повторение* одного имени (/одной из именных фраз, выражающей концепт), который может быть темой сегмента текста, не является признаком смысловой интегративности и формой выражения медиатора смысловой интегративности этого сегмента.

Сегмент 3 ("At Sea"): '(1) "**Duty** is a wonderful thing. (2) I do not know what I would have done without **duty** since young Tom died. (3) You could have painted," he told himself, "Or you could have done something useful. (4) May be," he thought, "**Duty** is simpler. (...) (5) **Duty** you do. (...)" (6) He knew his **duty** very well and had tried never to shirk it.'

Сегмент 4 ("The Snows of Kilimanjaro"): '(1) She shot very well, this good, this rich bitch, this kindly caretaker and destroyer of **his talent**. (2) Nonsense. He has destroyed **his talent** himself. (3) Why should he blame this woman because she kept him well? (4) He had destroyed **his talent** by not using it, by betrayal of himself and what he believed in'.

Действительно, повторяющиеся именные фразы *duty* и *his talent* могут быть темами соответствующих сегментов, но *они не выражают мысли и смыслы* и, следовательно, *не могут быть МСИ*. Чтобы выявить настоящий МСИ, мы вернёмся к рассмотрению этих сегментов ниже.

Утверждение 2. Повторяющаяся глагольная фраза не может быть медиатором смысловой интегративности сегмента текста.

Сегмент 5 ("Islands in the Stream"): '*...Don't think about that. Think about details. Think about all the things you should do and how we should be a happy ship until we fight. I'll think about the fight.*'

Действительно, смысловая интегративность Сегмента 1 не связана с повтором глагольной фразы *think*, т.к. она не выражает смысл и, следовательно, не может быть медиатором смысловой интегративности.

Итак, мы выявили закономерность.

Закономерность 1. Смысловая интегративность сегмента не может быть связана с повтором вербальных единиц, даже если они выражают тему сегмента, но не выражают смысл. Единицы, не выражающие смысл, не могут быть медиаторами смысловой интегративности сегмента текста.

Теперь важно выявить признаки, характеризующие и идентифицирующие медиаторы смысловой интегративности сегмента текста.

4.2. Признаки медиаторов смысловой интегративности сегмента текста. Признак 1. Медиатор смысловой интегративности сегмента текста может быть выражен единицей не меньшей, чем синтагма, т.к. синтагма уже может выражать смысл. Например, в Сегменте 5

Сегмент 5: '*..Don't think about that. Think about details. Think about all the things you should do and how we should be a happy ship until we fight. I'll think about the fight.*'

есть синтагма «*think about...*». Смысл, выражаемый ею, помогает в формировании смысла сегмента текста от самонастройки персонажа (*Don't think about that. Think about...*) до принятия им решения (*I'll think about...*).

Признак 2. Факты неоднократной итерации выявленной синтагмы в сегмент и её очевидной неизымаемости из сегмента текста могут свидетельствовать о том, что идентифицирован МСИ.

Обратите внимание, на то, что МСИ «*think about...*» не может быть изъят из сегмента без полной утраты сегментом какого-либо смысла. Будучи помещен в середину последнего высказывания Сегмента 5, '*I'll think about the fight*', МСИ устанавливает связь между намерением индивида ('*I'll*') и его целью ('*the fight*').

Но так ли всё просто? Достаточно ли при идентификации МСИ ориентироваться только на признаки вербального повтора и неизымаемости?

Рассмотрим Сегмент 6, следующий за Сегментом 5.

Сегмент 6 ("Islands in the Stream"): '*He knew there was no use thinking about the girl who had been Tom's mother nor all the things they had done and the places they had been nor how they had broken up. There was no use thinking about Tom... There was no use thinking about the others. He had lost them, too, and there was no use thinking about them.*'

Сегмент 6 (размышление автора) следует после внутреннего монолога персонажа (Сегмент 5), и его задача – пояснить смысл этого монолога. В Сегменте 6 синтагма *there was no use thinking about* выражает мысль автора, которую следует отличать от мысли персонажа. Очень похоже на то, что эта мысль совпадает с ядерной мыслью сегмента: “бессмысленно думать в тот момент о горячо любимых и навсегда потерянных людях”.

4.3. Признак, способствующий идентификации медиатора смысловой интегративности сегмента текста. Признак 3. При идентификации МСИ сег-

мента текста необходимо отличать высказывания, выражающие мысль автора, от высказываний, выражающих мысль персонажа.

Вернёмся к рассмотрению Сегмента 3.

Сегмент 3 ("At Sea"): '(1) "Duty is a wonderful thing. (2) I do not know what I would have done without *duty* since young Tom died. (3) You could have painted," he told himself, "Or you could have done something useful. (4) May be," he thought, "Duty is simpler. (...) (5) *Duty* you do. (...)" (6) He knew his *duty* very well and had tried never to shirk it.'

Первое возможное предположение: мы имеем дело с варьируемой формой выражения МСИ, представленного цепочкой синтагм '*Duty is – done without duty – duty is – duty you do – knew his duty*'. Но верно ли оно?

Обратите внимание на то, что в этом сегменте все высказывания выражают мысли персонажа, и лишь последнее – резюмирующую мысль автора. Но какова его функция: МСИ или ядерный смысл сегмента?

Очевидно, что необходимо более точное определение понятия о МСИ.

4.4. Понятие о мысли-скрепе и смысле-скрепе. Упрощенное определение понятия о МС было дано нами в (Чернышов, 2011: 189). Ниже предлагаются более общие определения МС и смысла-скрепа (СС).

Мысль-скреп – конкретная мысль, рождающаяся в сознании индивида (или мыслящей системы), которая однократно, неоднократно или же итеративно вводится в структуру последовательности формирующейся ядерной (т.е. основной) мысли (или потока мыслей) в качестве ментального медиатора её смысловой интегративности. МС *выполняет функции* коммуникативно-, когнитивно- и эмотивно-смыслового связывания элементарных смыслов частей мысли (или потока мыслей) в *единый ядерный (ключевой) смысл (ЯС) формирующейся мысли*, тем самым помогая организовать последний для эффективного донесения ЯС до адресата. Важной особенностью МС как медиаторов-скрепов мысли является то, что их нельзя изъять из мысли без потери важной (скреповой) части смысла из-за исчезновения ключевых смысловых связей, т.е. без того, чтобы мысль распалась. **Смысл-скреп** (СС) – содержание мысли-скрепа.

4.5. Вербальная и иные формы выражения мыслей-скрепов в речи. **Вербально выраженная мысль-скреп** (ВВМС) – МС, выраженная адресантом (говорящим, автором текста или персонажем) в одной из очевидных форм речи: словесной, интонационной, структурной, логической (см. Рис. 4). ВВМС могут быть *коммуникативно-смысловыми, когнитивно-смысловыми и эмоционально-смысловыми организаторами текста* (Textorganisatoren), обеспечивающими интегративность текста в указанных аспектах. По наличию соответствующих признаков ВВМС могут быть идентифицированы в тексте. Более сложные случаи – формы МС, не выраженные вербально (подтекстовые, имплицитные).

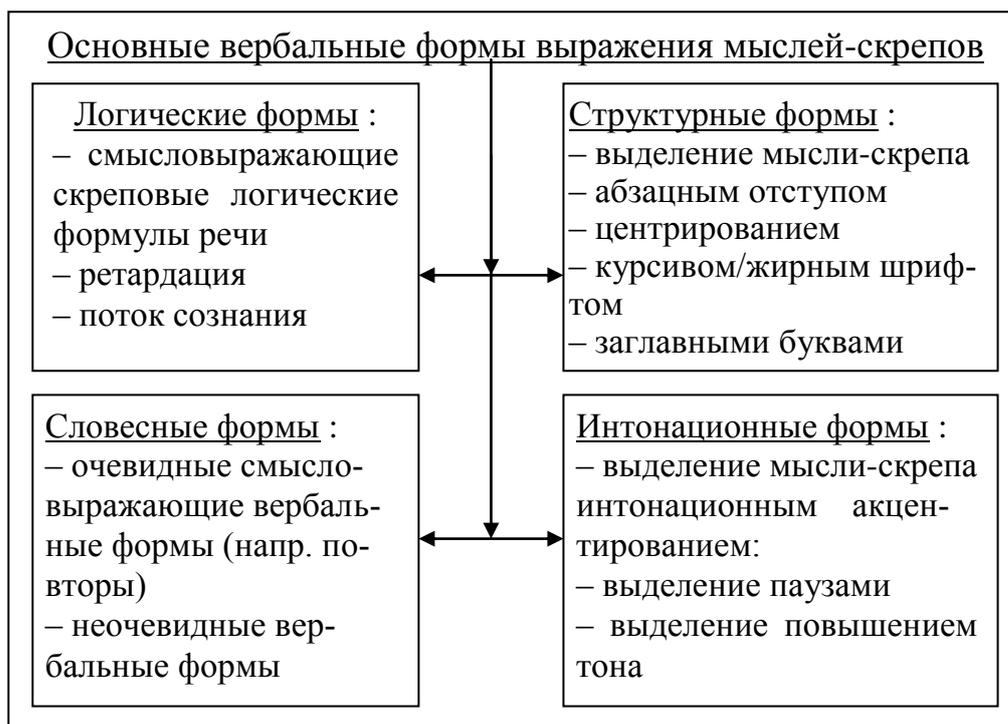

Рис. 4. Основные вербальные формы выражения мыслей-скрепов в речи.

Заключение. Понятно, что без поясняющих примеров, без демонстрации смысловых отношений в тексте и определения принципов идентификации МС трудно воспринять сущность МС и ВВМС и невозможно убедиться в достоверности концепции МС. Всё это автор предполагает сделать в следующей статье, где будет представлен подход к решению задачи формализованного анализа смысла сегмента текста.

Однако уже из определений МС, СС и ВВМС очевидно, что *эти понятия принципиально отличаются от следующих ранее известных понятий: смысловая вежа (А.Н.Соколов), условный логико-смысловый коннектор-скреп (В.Е.Берзон), текстовый коннектор (Л.Н.Иорданская, И.А.Мельчук), "содержательный лейтмотив" текста, интекст, авторское отступление, или парентеза, пропозиция высказывания.* В самом деле, ВВМС отличаются от авторских отступлений и элементов интекста (какими могут быть цитаты, включенные в текст, подстрочные примечания) как раз тем, что ВВМС нельзя изъять из текста без потери существенной части смысла из-за исчезновения ключевых смысловых связей.

СПИСОК ЛИТЕРАТУРЫ

Гальперин, И. Р. (1981) Текст как объект лингвистического исследования.— М: Наука.

Мегентесов, С. А. (1981) Импликативные связи как фактор семантической организации текста: Автореф. дис. ... канд. филол. наук / МГПИИЯ им. М.Тореза. М.

Николаева, Т. М. (1978) Лингвистика текста. Современное состояние и перспективы // Новое в зарубежной лингвистике. Вып. VIII / Под ред. Т.М.Николаевой. М.: Прогресс. С. 5–39.

Степанов, Г. В. (1980) О границах лингвистического и литературоведческого анализа художественного текста // Известия АН СССР. СЛЯ. Т. 39. № 3. С. 195–204.

Хованская, З. И. (1980) Категория связности и смысловое развертывание коммуникации // Лингвостилистические проблемы текста: Труды МГПИИЯ им. М.Тореза. Вып. 158. С. 100–118.

Чернышов, М. Ю. (2010а) Вербальные средства выражения мыслей-скрепов как медиаторов смысловой интегративности текста.– М.: Наука и право.

Чернышов, М. Ю. (2010б) Проблема идентификации вербально выраженных мыслей-скрепов как медиаторов смысловой интегративности текстов. М.: Наука и право.

Чернышов, М. Ю. (2011) Сущность вербально выраженной мысли-скрепа как медиатора смысловой интегративности текста // Знание. Понимание. Умение. № 3. С.187–193.

Щорс, Т. А. (1983) Структурные и лингвостилистические параметры текстообразования (на материале английской литературно-критической статьи): Автореф. дис. ... канд. филол. наук: 10.02.04 / МГПИИЯ им. М.Тореза. М.

Beaugrand, R.-A. de, Dressler, W. U. (1981) Einführung in Die Textlinguistik. Tübingen: Niemeyer.

Brinker, K. (1988) Linguistische Textanalyse: eine Einführung in Grundbegriffe und Methoden. Berlin: Erich Schmidt.

Charolles, M. (1994) Cohésion, cohérence et pertinence du discours // Travaux de linguistique. La cohérence textuelle. Cohésion et rupture. Lovain-la-Neuve: Edition Duculot, 1994. № 29. P. 125–151.

Islam, A., Inkpen, D. (2008) Semantic text similarity using corpus-based word similarity and string similarity // ACM Transactions Knowl. Discov. Data.– 2008.– No. 2 (July).– P. 1–25.

Rastier, F. (1987) Sémantique interprétative. Paris: PUF.

Schubiger, M. (1965) Connectors // *Phonetica*. Vol. 12. P. 61–69.

Vietri, A. (2009) A graph-theoretical framework for semantic relatedness // Proc. of 11th Intern. Conference “Cognitive Modeling in Linguistics – 2009” (Constanza, Romania, September 7–14, 2009).

Known Conceptions of Text Sense Integration and Some Principles and Regularities of Text Segment’s Sense Integration

M. Yu. Chernyshov

(Irkutsk Scientific Center, Siberian Branch of Russian Academy of Sciences)

Text sense relations, principles of text sense integration, forms of manifestation and indicators of sense integration mediators (SIMs) for text segments, which aid to

their identification, are discussed in the aspect of statement of the problem which presumes formalized (logic based) text sense analysis. Well-known conceptions of text sense integration are considered in comparison with the author's conception which presumes SIMs known as verbally expressed linking thoughts.

Keywords: mediator of text sense integration; linking thought; text segment's sense; the problem of text sense analysis.

BIBLIOGRAPHY (TRANSLITERATION)

Galperin, I. R. (1981) *Text kak objekt lingvisticheskogo isledovaniya.*– M: Nauka.

Megentesov, S. A. (1981) *Implikativniye svyazi kak faktor semanticheskoy organizatsiyi teksta: Avtoref. dis. ... kand. phylol. Nauk. M.*

Nickolayeva, T. M. (1978) *Lingvistika teksta. Sovremennoye sostoyaniye i perspektivy // Novoye v zarubezhnoy lingvistike. Vyp. VIII / Pod red. T.M.Nickolayevoy. M.: Progress. P. 5–39.*

Stepanov, G. V. (1980) *O granitsakh lingvisticheskogo i literaturovedcheskogo analiza hudozhestvennogo teksta // Izvestiya AN USSR. SLY. Vol. 39. No. 3. P. 195–204.*

Khovanskaya, Z. I. (1980) *Kategoriaya svyaznosti i smyslovoye razvertyvaniye kommunikatsiyi // Lingostylisticheskiye problemy teksta: Trudy MGPIIY im. M.Toreza. Vyp. 158. P. 100–118.*

Chernyshov, M. Yu. (2010a) *Verbal'niye sredstva vyrazheniya myslei-skrepov kak mediatorov smislovoy integrativnosti teksta.*– M.: Nauka I pravo.

Chernyshov, M. Yu. (2010b) *Problema identifikatsii verbal'no vyrazhennikh myslei-skrepov kak mediatorov smislovoy integrativnosti tekstov.*– M.: Nauka I pravo.

Chernyshov, M. Yu. (2011) *Sushnost verbal'no vyrazhennoy mysli-skrepa kak mediatora smislovoy integrativnosti teksta // Znaniye. Ponimaniye. Umeniye. No. 3. P.187–193.*

Shors, T. A. (1983) *Strukturniye i Lingostylisticheskiye parametry tekstoobrazovaniya (na materiale angliyskoy literaturno-kriticheskoy stat'i): Avtoref. dis. ... kand. phylol. Nauk. M.*

Beaugrand, R.-A. de, Dressler, W. U. (1981) *Einführung in Die Textlinguistik. Tübingen: Niemeyer.*

Brinker, K. (1988) *Linguistische Textanalyse: eine Einführung in Grundbegriffe und Methoden. Berlin: Erich Schmidt.*

Charolles, M. (1994) *Cohésion, cohérence et pertinence du discours // Travaux de linguistique. La cohérence textuelle. Cohésion et rupture. Lovain-la-Neuve: Edition Duculot, 1994. № 29. P. 125–151.*

Islam, A., Inkpen, D. (2008) *Semantic text similarity using corpus-based word similarity and string similarity // ACM Transactions Knowl. Discov. Data.– 2008.– No. 2 (July).– P. 1–25.*

Rastier, F. (1987) *Sémantique interprétative. Paris: PUF.*

Schubiger, M. (1965) *Connectors // Phonetica. Vol. 12. P. 61–69.*

Vietri, A. (2009) A graph-theoretical framework for semantic relatedness // Proc. of 11th Intern. Conference “Cognitive Modeling in Linguistics – 2009” (Constanza, Romania, September 7–14, 2009).

Докт. филос. наук Н.А. Шергенз (Уфа)

К ВОПРОСУ ИССЛЕДОВАНИЯ ПОНЯТИЯ «КЛАССИЧЕСКИЙ»

В границах классической философии языка обращение к исследованию сущности понятий всегда является актуальным. В развитии эпистемологии выделяют два этапа: классический и этап перехода к современной эпистемологии, которая носит не нормативный, а дескриптивный характер. Оба этапа связаны в своей основе с понятием „классический“, рассмотрение которого является целью настоящей статьи, при этом в научный оборот вводятся источники, ранее не переводившиеся на русский язык.

1. Понятие «классический» можно рассматривать под разным ракурсом. Происхождение его древнее и применяется к делам древним. Однако в древности часто это понятие употребляли в противоположном значении, понимании.

Статья Diderota в Большой энциклопедии (изд. в 1751г.) определяет, что по-латыни прилагательное *classikys* имеет другое значение, чем во французском языке (*Revue International de Philosophie* 12 (1858) z. 43., *Wiek Oswiecenia* 2 (1992), s. 9-23).

Французское *classicus* – переводится как флотилия, школьный класс, социальный класс. Наиболее часто *classicus* употребляется в значении флотилии.

В латинском языке – *classikys* – термин, который употребляется в римской администрации. Она пользовалась этим словом для определения граждан, наделенных большим доходом. Различали пять категорий граждан, из которых самая высокая была отнесена к «*classike*» – доход этих граждан превышал 25 тыс. ассов.

А. Геллий (*Aulus Gellius*) пишет, что значение терминов «классика» – «классический» римляне хоть редко, но применяли в литературе, искусстве (*Aulus Gellius*, XIX, 8, 15). Говоря о древних философах, Цицерон писал, что Клеант (*Kleantes*) в сравнении с Демокритом должен быть в 5 классе (*Cicero*, *Acad*, 11, 23, 73). Геллий (*Gellius*) применил выражение «*classikys*» к характеристике писателей, исходя из общественных отношений, *classikys* – «пролетариус». Это стало означать – писатель высшей категории. Данное высказывание выступает как похвала (ибо писателем мог быть человек любого ранга, лишь бы он был совершенен) [с. 67].

2. Средневековье не выделяло классических авторов. В этот период «*classikys*» обозначало учение – или «классическую боевую сурму».

Понятие «классический автор» появилось в эпоху Возрождения. Смысл: совершенный. Однако за совершенных в то время считали древних авторов. Следовательно, термин «классический» соответствовал понятию «древний».

В то же время к школьному классу было присоединено новое значение: в классах не цитировали других авторов, только древних. В XVIII веке классика-

ми называли тех, кто учил в школе. «История» Пьера Бейля (Pierre Bayle'a), написанная на протяжении 1695-1697 гг., вообще не знает этого термина. Далее, Людовиков XIV и XV как хороших писателей стали называть классиками. Словарь французской академии (1814 г.) воспеваает классического автора такими словами: получивший признание, вызывающий уважение.

Данный термин, как указывает Владислав Татаркевич (Wladislaw Tatarkiewicz), не является однозначным [с. 67]. Можно выделить четыре его значения (четыре подхода к классическому). Их можно рассмотреть как a, b, c, d.

1. (A) – классическим называется то, что является лучшим в своей категории, совершенным, образцовым, признанным. В значении (A) дается оценка, но не характеристика.

Именно так этот термин понимал Гёте, когда писал к Цельтеру: классическим является то, что совершенно и принадлежит конкретно к какому-то роду. Гёте говорил также Эккерману: «особенности Зачем столько шума по поводу классического и романтического? Речь идет о том, чтобы произведение в целом было хорошим и удачным, тогда оно и будет классическим» [с.69].

2. Вариант (A-2). Классическим является то, что возбуждает общее признание и удивление. В этом варианте (так же, как в варианте – A) Шекспир является менее классичным, чем Гомер, Софокл.

3. Вариант (A-3). Классическое есть то, что в разговорной речи пользуется признанием, и это признание становится обычным. В данном значении говорится о классической одежде или о классическом путешествии в Италию.

4. Вариант (B). Классическое употребляется в качестве синонима древнего. Переход от (A) к (B) является простым. Если древнее искусство является совершенным, то оно имеет право называться искусством классическим. А через сто лет и однозначно совершенным.

Якоб Бурхардт писал о классическом искусстве Греции, что оно более всего приближено к тому, что можно назвать совершенным и абсолютным искусством. Если так рассуждать, то вполне естественно, что классичность окажется тождественна античности. Понятие «классический» получило благодаря этому конкретное содержание и стало понятием историческим, обозначающим конкретную эпоху действий.

5. Вариант (B-2). Исторически пытались отличить понятия: классический – в узком смысле и классический – в смысле «свободный». Эти радикальные понимания «классического» встречаются в дискуссиях философов [с.69].

6. Вариант (C). Классическими могут быть произведения, которые не являются древними, но отвечают взглядам древних. В XVII и XVIII веках так называли писателей и артистов, прославляющих древность. В этом значении в XIX веке противопоставляли классиков – романтикам. Понятие классического в варианте (C) относится к наследию, чтобы придать значение в смысле унаследования – вводят понятие «классический» (Искусство Франции в XVIII веке).

7. Вариант (D). Классическими могут быть названы произведения, имеющие определенные качества: гармонию, меру, равновесие. Это как раз те качества, которые характерны для классических произведений древних. Но опреде-

ление «классический», исходя из качеств, отбирает исторический смысл варианта (В) и варианта (С). Гармония и мера – это характеристики систематического, а не исторического понимания. Классические вещи в смысле (А) противопоставляются несовершенным, посредственным, в смысле (В), классические вещи хронологически и топографически не являются ни греческими, ни римскими; в смысле (С) – формы не известные Греции и Риму. Классическое произведение противопоставляется барокко и романтизму в смысле (С) как и (D).

Во всех четырех значениях «классический» является понятием гуманистики. Классический в смысле (А) означает ценность произведения; в смысле (В) – время его появления; в смысле (С) – название исторического стиля; в смысле (D) – эстетическую общую теорию искусства [с. 71].

Итак, можно сделать следующие выводы:

I. Без сомнения, существует классическая философия, классическая философия языка в смысле (А), или философия в своём роде совершенная. В этом значении не только Платон и Аристотель выступают как классики, но и неотомизм, схоластика, современный рационализм.

II. Существует классическая философия и в смысле (В), в смысле «древней». Платон и Аристотель – классические философы, но все идёт от Фалеса.

III. В значении (С) классической является философия, ставящая перед собой цель поворота к древности.

IV. Вариант (D). В истории философии сложно найти формулу: реализм – дисциплина, гармония – мера. Эту трудность можно преодолеть за счёт области эстетического. Красота мысли достигается за счёт ясности. Наша концепция «классической философии» и «классической философии языка» соединяет (А), (А-2) и (D). Однако при этом мы опираемся и на понятие «системы».

ЛИТЕРАТУРА

Tatarkiewicz W. Czworakie Rozumienie klasycznosci // Ethos. -Lublin, 1996. – R. 9. № 35-36. – z. 67 (61,69,71).

ДИНАМИЧЕСКИЕ АСПЕКТЫ ПРОБЛЕМЫ ЯЗЫКА И МЫШЛЕНИЯ

Соискатель Н. А. Архипова (Ростов-на-Дону)

СИНЕСТЕТИЧЕСКАЯ МЕТАФОРА В ДЕТСКОМ ДИСКУРСЕ: СТРУКТУРА И СЕМАНТИКА

Как известно, среди тропов метафора занимает центральное место, широко используется в языке художественной литературы, так как позволяет создать ёмкий образ, основанный на ярких, неожиданных ассоциациях. В основу метафоризации может быть положено сходство самых различных признаков предметов: цвета, формы, объёма, назначения, положения и т. д. При этом менее изученной остается синестетическая метафора, ее структура и семантика, особенности функционирования в разных типах дискурса.

Термин «синестезия» происходит от греческого слова *συναίσθησις*, которое обозначает 'соощущение'. Как показывают нейролингвистические исследования, синестезия обусловлена возникновением ощущений одной модальности под воздействием раздражителя другой модальности [Лурия, 1971]. Таким образом, благодаря механизму синестезии в восприятии человека формируется полимодальный образ, основанный на межчувственных пересечениях и воздействующий на эмоции.

В синестетических метафорах реализуется перенос одного ощущения на другое, в чем-либо сходное с первым, например, *светлые звуки, кричащие краски* и т.п. В этом случае слово, связанное с одним ощущением, переходит в сферу обозначения другого ощущения. При этом направление переноса может быть различным, но чаще всего он осуществляется в направлении от осязательных и вкусовых ощущений к другим, например: *мягкий свет, ледяной тон, острый слух, сладкий голос, кислая улыбка*. Как видим, по своей структуре синестетические метафоры представляют собой сочетание двух или более слов, одно из которых имеет семантику чувственного восприятия и соединяется с необычным для себя (с точки зрения логических связей) словом, которое также имеет семантику чувственного восприятия. Тем самым, реализуется особый тип производно-номинативного образного значения.

Переходя в сферу обозначения другого ощущения, слово меняет свою семантику: оно может приобретать эмоционально-оценочную окраску, выражать интенсивность ощущения. Но чаще всего синестетические метафоры имеют эмоционально-оценочный характер, так как служат средством передачи впечатления от воспринимаемого объекта (ср.: *светлые звуки* – 'звуки, приятные для слуха') [Галеев, 1995]. В приведенном примере метафора возникает за счет пересечения зрительных и слуховых ощущений. Синестетические метафоры типа *теплый тон, высокий звук*, построенные на взаимодействии осязательных и слуховых, зрительных и слуховых ощущений, основаны на общеязыковых ассоциациях. Однако среди синестетических метафор есть такие, которые возникли на основе речевых ассоциаций: *оклик запаха и цвета* (Ахмадулина), *шу-*

мели тонким серебром (Паустовский). В последнем примере наблюдается создание полимодального образа на базе соединения трех ощущений: слухового, осязательного и зрительного.

Как видим, синестетические метафоры могут формироваться на основе разнообразных ощущений: зрительных, слуховых, вкусовых, обонятельных и осязательных. В различных типах дискурса в качестве доминирующих могут выступать синестетические метафоры разного вида. Анализ языка детской литературы показывает, что с целью передачи различного рода соощущений в ней также наблюдается использование метафор, основанных на механизме синестезии. При этом чаще взаимодействуют вкусовые и слуховые ощущения, например: *сладку речь-то говорит; ... и славит сладостный певец Людмилу-прелесть и Руслана* (Пушкин), которые служат для передачи эмоционально-оценочного значения.

Синестетическая метафора встречается и в детском дискурсе: *Бабушка сладенько улыбнулась моей пятерке по контрольной; Они услышали аромат весны; Он услышал запах её духов* (из разг.). В этом случае для передачи соощущений, помимо слуховой и вкусовой, в речи детей активно используются зрительная и обонятельная модальности. При этом пересечение слуховой и обонятельной модальностей в детском дискурсе, возможно, говорит о несформированности значений некоторых языковых единиц в языковом сознании ребенка, или о неоформленности ведущей репрезентативной системы. Ведь, как известно, синестетическая метафора, подобно метафорам другого рода, является одновременно и языковым, и когнитивным механизмом, способствующим становлению и эффективному функционированию речемыслительной деятельности ребенка. Исходя из этого, исследователи отмечают тот факт, что формирование детской метафоры связано с формированием значения, то есть ребенок переходит от представлений, которые «образуются независимо от нашей воли, «естественным путем», к значению, которое устанавливается человеком» [Шабалина, 2007]. Всё это действительно и для синестетической метафоры. Так, осваивая окружающий мир, дети, пользуются метафорами для систематизации представлений об окружающем мире, формирования и развития своего когнитивного, вербального и социо-культурного опыта.

Подводя итоги, заметим, что исследование синестетической метафоры и её специфики позволяет понять механизм развития и функционирования речемыслительной деятельности. При этом синестетическая метафора требует комплексного изучения, так как, с одной стороны, синестезия как психическое явление существует в восприятии человека, его мышлении, а, с другой – как языковая категория отражается в его дискурсивной практике.

ЛИТЕРАТУРА

- Галеев Б.М. Синестезия в языке и в искусстве слова. – Казань, 1995.
Лурия А.Р. Психология ощущения и восприятия. – Москва, 1971.
Шабалина О.В. Структура и функционирование метафоры в детской речи. – Пермь, 2007.

ВОСПРИЯТИЕ АНАФОНИЧЕСКИХ ФЕНОМЕНОВ В ОРИГИНАЛЬНОМ И ПЕРЕВОДНОМ ТЕКСТАХ

Вопросами поэтического перевода занимаются многие учёные. Мнения этих учёных по различным аспектам этой проблемы не всегда совпадают, а порой являются противоположными [см. М.Л.Лозинский 1955; Е.Эткинд 1962; В.В.Виноградов 1963; Л.Мкртчян 1963; Л.С.Бархударов 1964, 1984; Я.И.Рецкер 1974; С.Ф.Гончаренко 1976, 1987, 1999; Н.И.Букреева, Г.И.Береснев 1986; Е.Б.Балина 1989; Ю.Н.Караулов 1996; Р.Р.Чайковский 1997; Л.П.Прокофьева 2000; В.А.Разумовская 2004, 2005а, 2005б]. Вместе с тем все из них согласны, что в поэтическом тексте «переводится не только смысл и структура произведения, но также и скрытые, внутренние резервы...» [Н.Н.Скрипникова 1999: 259]. Глубинная информация при этом может отражаться в языковых единицах любого уровня. Наиболее трудной задачей для переводчика становится передача именно этого, глубинного смысла, именно глубинной организации поэтического текста.

В результате неверного или неточного раскрытия глубинного смысла в тексте перевода, его отличие от оригинала становится очевидным как для лингвиста, так и для рядового читателя, поэтому нередко произведение, прочитанное в оригинале, и его перевод оставляют совершенно различное впечатление, несмотря на то, что формально всё переведено точно. Вследствие этого, можно со всей уверенностью утверждать, что задача перевода заключается в том, чтобы произведение не утратило своего первоначального впечатления, которое оказывается оригиналом на адресата. Однако, необходимо учитывать, что разные реципиенты способны совершенно по-разному воспринимать один и тот же текст. Одно и то же сообщение даже в одноязычной аудитории может вызвать массу самых разнообразных откликов. Художественный текст принципиально открыт для множественной интерпретации, в нём тот или иной персонаж или событие может оцениваться разными читателями «несходными, а иногда и прямо противоположным образом» [Н.В.Перцов 2000: 55].

Объяснением этому могут быть различные факторы: от индивидуально-психологических особенностей реципиентов и уровня их образованности до национально-исторической системы культурных ценностей носителей. Однако, «мера индивидуального, субъективного в читательских представлениях зависит не только от особенностей личного опыта читателей, но и от особенностей самих литературных произведений...» [О.И.Никифорова 1972: 13]. И, несмотря на негативные мнения по поводу самой возможности поэтического перевода, даже при отсутствии формальной эквивалентности можно сохранить «тождество реакций», то есть воздействие на читателя перевода, аналогичное воздействию на читателей подлинника [см. Ю.Найда 1978: 117].

Этот факт при рассмотрении проблемы поэтического перевода играет основополагающую роль, поскольку лирические произведения относятся к текстам экспрессивного типа [К.Райс 1978: 202] и «призваны оказывать субъек-

тивное воздействие на получателя речи» [Л.С.Макарова, Е.Н.Долуденко 2008: 57].

Учитывая всё вышесказанное, можно говорить о том, что задачей переводчика поэтического произведения является передача эстетического потенциала и обеспечение тождественного эмоционального эффекта при сохранении глубинного смысла оригинала и авторской манеры подачи материала средствами языка перевода.

Огромным потенциалом для экспликации глубинного смысла поэтического текста обладает его фонетическая организация. Очевидно, что фонетическая форма влияет как на семантику, так и на его прагматический потенциал. В связи с этим, уместно предположить, что особую значимость вопросы анафонии как неканонизованной формы звуковой организации, при которой звуковой состав того или иного слова-темы воспроизводится в тексте не полностью [см. А.В.Пузырёв 1995: 20], приобретают в рамках изучения такой проблемы, как перевод. «Более пристальное внимание переводчиков к фоносемантическим средствам могло бы значительно обогатить текст перевода оттенками смысла, передачей настроения и общего тембра художественного произведения» [И.Ю.Павловская 1999: 251].

Для того, чтобы установить, сохраняется ли степень выразительности анафонических структур при транслировании поэтических отрывков с одного языка на другой, нами был проведён психолингвистический эксперимент.

В эксперименте приняли участие ученики выпускных классов гуманитарной направленности и студенты филологических факультетов Ульяновского государственного университета – 100 человек, а также учителя средней школы № 72 и преподаватели кафедры лингвистики и международного сотрудничества в количестве 6 человек.

Гипотеза эксперимента была сформулирована следующим образом: прагматический потенциал анафонических феноменов поэтической речи сохраняется при переводе с французского языка на русский.

Реципиентам было предложено три пары стихотворных отрывков на французском языке, где одно четверостишие в каждой паре характеризовалось ярко выраженной анафонией, а также переводные варианты этих же текстов. Материалом для проведения эксперимента послужили отрывки из лирических произведений французских авторов и их переводы: «L'aveugle» de Théophile Gautier – «Слепой» в пер. Н.Гумилёва, «Le propriétaire» de Charles Cros – «Приобретатель» в пер. В.Кормана, «L'horloge» de Charles Baudelaire – «Часы» в пер. Эллиса, «Ophélie» d' Arthur Rimbaud – «Офелия» в пер. М.Кудинова, «Les mains de Jeanne-Marie» d' Arthur Rimbaud – «Руки Жанн-Мари» в пер. М.Кудинова, «Les fenêtres» de Jacques Brel – «Окна» в пер. Т.Тимоновой.

В ходе эксперимента испытуемые должны были ответить на простой вопрос, какой из отрывков в каждой паре четверостиший им кажется более выразительным?

В итоге мы получили следующие результаты:

	Положит-но оценённые отрывки с анафонией на фр. языке	Положит-но оценённые отрывки без анафонии на фр. языке	Всего	Положит-но оценённые отрывки с анафонией на русском языке	Положит-но оценённые отрывки без анафонии на русском языке	Всего
1-ая пара отрывков	97	9	106	85	21	106
2-ая пара отрывков	72	34	106	89	17	106
3-пара отрывков	81	25	106	64	42	106
Всего	250	68	318	238	80	318

Для того, чтобы ответить на вопрос, существенно ли различие в оценках реципиентов, мы прибегли к критерию «хи-квадрат» [Б.Н.Головин 1971]. При сравнении полученных опытным путём величин с соответствующими им теоретическими величинами, мы использовали таблицу, приведенную в монографии Б.Н.Головина "Язык и статистика" [Б.Н.Головин 1971: 31].

Выборочными частотами, в нашем случае, являются количество положительно оценённых стихотворных отрывков на французском языке (250) и число положительно оценённых отрывков на русском языке (238). Чтобы определить среднюю выборочную частоту мы нашли соотношение суммы выборочных частот к количеству выборок:

$$\bar{x} = (250+238)/ 2=244.$$

Значение «хи-квадрат критерия», таким образом, равно:

$$\chi^2 = [(250-244)^2 + (238-244)^2] / 244 = 0,295.$$

Поскольку мы имеем две выборки, число степеней свободы равно единице. Для одной статистической вероятности границами существенности являются значения в интервале от 0,1 до 3,84.

$$0,295 < 3,84$$

Так как наше значение не выходит за пределы допустимого интервала, можно сделать вывод, что наблюдаемые частоты принадлежат одной вероятности. Другими словами, различия восприятия текстов, содержащих анафонические феномены, на французском, и на русском языке, являются незначительными.

Теперь рассмотрим каждую пару отрезков по-отдельности:

В первой паре текстов положительно оцененных отрывков на французском языке было 97, на русском – 85.

$$\bar{x} = (97+85)/ 2= 91$$

$$\chi^2 = [(97-91)^2 + (85-91)^2] / 91 = 0,79$$

Поскольку $0,79 < 3,84$, можно сделать вывод, что наблюдаемые частоты являются сутью проявления одной и той же вероятности.

Оценки восприятия второй пары отрывков тоже вписываются в рамки одной статистической вероятности:

$$\bar{x} = (72+89)/ 2= 80,5$$

$$\chi^2 = [(72-80,5)^2 + (89-80,5)^2]/ 80,5= 0,795$$

Что касается третьей пары поэтических отрывков, испытуемые положительно оценили 81 стихотворение на французском языке, содержащее анафонию, и 60 переводных отрывков, построенных по принципу анафонии.

$$\bar{x} = (81+64)/ 2= 72,5$$

$$\chi^2 = [(81-72,5)^2 + (64-72,5)^2]/ 72,5= 1,99$$

$$1,99 < 3,84$$

Таким образом, проведённый эксперимент доказал нашу гипотезу, что реципиенты одинаково воспринимают лирические тексты, содержащие анафонические феномены, как в оригинальном тексте, так и в тексте перевода. Статистическая обработка результатов, полученных в ходе эксперимента, с использованием «хи-квадрат критерия» гарантирует их достоверность и даёт возможность говорить об объективности проделанной работы.

ЦИТИРУЕМАЯ ЛИТЕРАТУРА:

Головин Б.Н. Язык и статистика. – М.: Просвещение, 1971. – 191 с.

Макарова Л.С., Долуденко Е.Н. Материалы по курсу теории и практики перевода (Профессиональная образовательная программа дополнительной квалификации «Переводчик английского языка в сфере профессиональной коммуникации»). – Майкоп: Изд-во АГУ, 2008. – 205 с.

Найда Ю. К науке переводить // Вопросы теории перевода в зарубежной лингвистике. – М.: ИМО, 1978. – С.114-136.

Никифорова О.И. Психология восприятия художественной литературы. – М., 1972. – 152 с.

Павловская И.Ю. Фоносемантические аспекты речевой деятельности: Диссерт... доктора филол. наук: 10.02.04. – СПб, 1999. – 393 с.

Перцов Н.В. О неоднозначности в поэтическом языке // Вопросы языкознания. – 2000. – №3. – С. 55-82.

Пузырёв А.В. Анаграммы как явление языка: Опыт системного осмысления. – М.; Пенза: Ин-т языкознания РАН, ПГПУ им. В.Г.Белинского, 1995. – 378 с.

Райс К. Классификация текстов и методы перевода // Вопросы теории перевода в зарубежной лингвистике. – М.: Изд-во «Международные отношения», 1978. – С. 202-222.

Скрипникова Н.Н. Прагматика метаязыка перевода: Диссерт... доктора филол. наук: 10.02.19. – Краснодар, 1999. – 351 с.

Вопросы, касающиеся особенностей пола/гендера² человека и связанных с ними психологических, социальных и иных различий, сравнительно недавно вошли в число наиболее активно обсуждаемых. Среди них, особое место занимает проблема языка, мышления и общения, так как общение пронизывает все сферы жизни людей, включаясь, таким образом, активным элементом в коммуникативные системы современного социума. Более того, все, что имеет отношение к человеку, к его природе, сознанию, мышлению, языку, поведению, общению и т.д., несет на себе отпечаток пола/гендера. Поэтому логично предположить, что пол и гендер, будучи естественным (природным) и социально-психологическим основаниями для дифференциации людей, определяют систему отношений человека к обществу, природе, а также отношение человека одного пола к человеку другого пола.

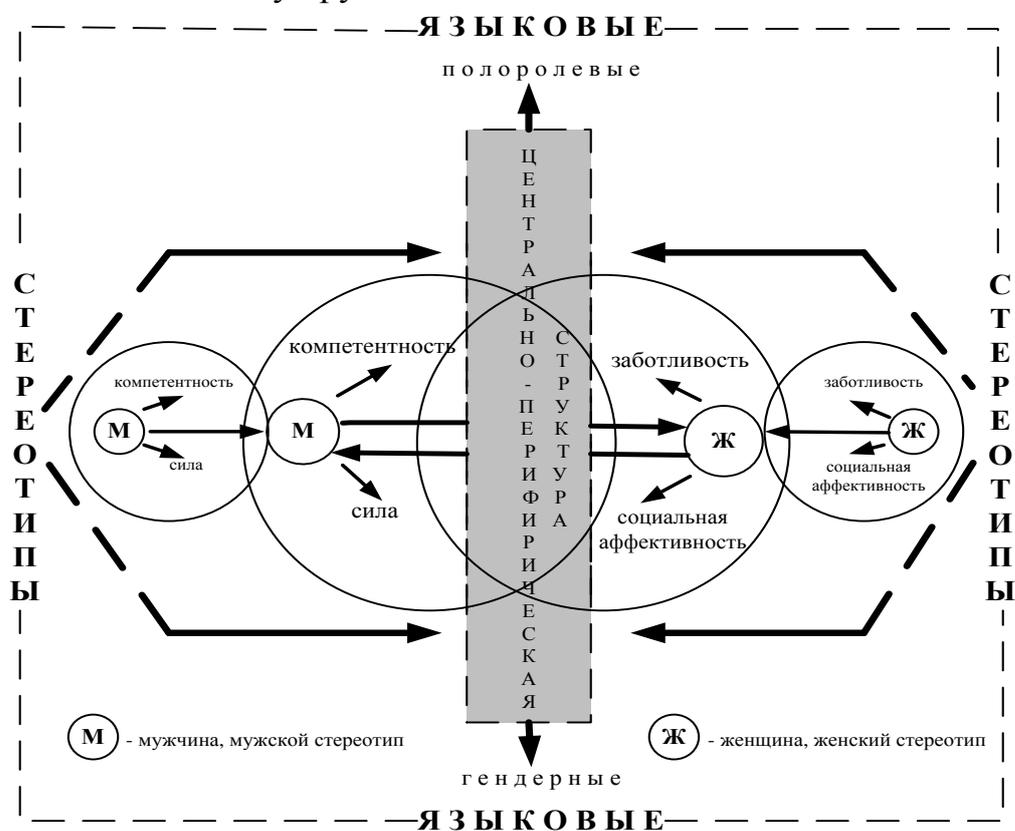

Рис. 1. Динамика полоролевых и гендерных языковых стереотипов

В последнее время достаточно много внимания уделяется изучению специфики общения, преломляемой через призму пола/гендера. В частности, в ка-

² О различии понятий пол и гендер в последнее время написано много работ, и в данной статье не ставится цель еще раз конкретизировать сущностное наполнение данных дефиниций.

тегориях гендерного аспекта языка, особенностях коммуникативных «партитур» и «тактик» гендера ранее нами исследовался вопрос выраженности в языке полоролевых и гендерных стереотипов. Так, практически 10 лет назад было обнаружено, что полоролевые и гендерные языковые стереотипы имеют *центрально-периферическую структуру*. Центральными образованиями являлись у **мужчин** – *компетентность и сила*, а у **женщин** – *заботливость и социальная аффективность*, динамика трансформации которых представлена на рисунке 1. Данный факт был также выявлен, подтвержден и в ряде других работ (напр., в работе W. S. Dunn, A. M. Braban, D. M. Krugman, L. N. Rein [9]). Кроме этого, прилагательные, являющиеся центральными для женского речевого полоролевого стереотипа, оказались периферическими для мужского, и, наоборот [3]. В настоящее время, по сравнению с данными 10-летней давности, согласно полученных нами результатов [4], периферии гендерных стереотипов в категориях языка расширились и в большей степени стали пересекаться. Более подробно данный аспект проблемы рассмотрен в других работах [1; 2 и др.].

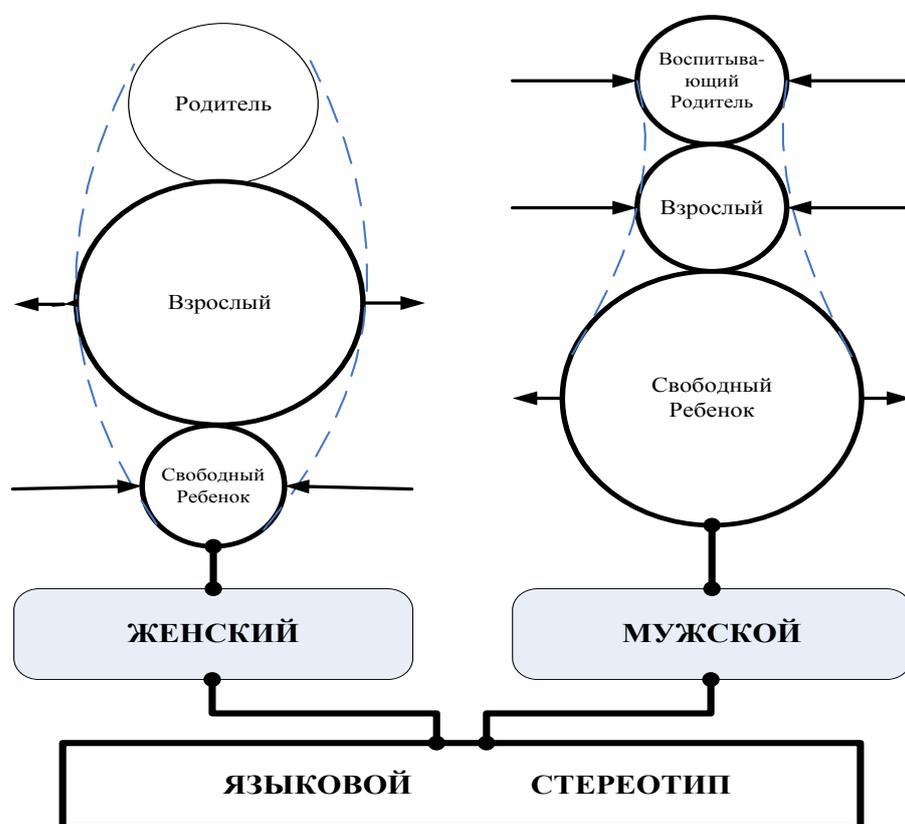

Рис. 2. Флуктуация эмоционального содержания мужских и женских языковых стереотипов

Еще одним элементом языковой коммуникативной системы мужчин и женщин явился анализ когнитивных коммуникаций в терминах транзактного анализа. Подобное исследование было проведено D.J. Bergen, J.E. Williams's в 1992-2002 гг. [7]. Оно показало, что за рассматриваемый период эмоциональное содержание мужских и женских языковых стереотипов не стало достаточно дифференцированным. Проведенный нами анализ интенциональных осо-

бенностей мужской и женской речи в терминах транзактного анализа состояний «Эго» мужчин и женщин в сравнении с результатами D. J. Bergen, J. E. Williams выявил факт того, что мужской речевой стереотип уменьшился в компоненте «Взрослый» и «Воспитывающий (критический) Родитель» и увеличился в компоненте «Свободный Ребенок». Женский – уменьшился в компоненте «Свободный Ребенок» и обнаружил тенденцию к увеличению в компоненте «Взрослый» (рис. 2).

Влияние половых и гендерных различий на речевое общение является предметом исследований многих ученых. Результаты многочисленных исследований говорят о различном языковом поведении мужчин и женщин. Однако, говоря о влиянии пола на речевой аспект, важно отметить, что не только пол, но и степень фемининности/маскулинности оказывает большое влияние как на коммуникативное поведение человека в целом, так и на языковое, в частности. Прежде всего, необходимо отметить тот факт, что специфической особенностью речевого общения мужчин и женщин, главным образом, в гомогенных группах, является целевая характеристика языковой коммуникации. Так, более значительная доля фактических коммуникативных актов (основная цель – самообщение, контакт) характерна именно для речевого общения женщин, по сравнению с мужчинами [5, С. 112]. Женский язык избегает фривольностей, резкости, подшучивания, обзываний, сленга и т.д. Достаточно различны и правила речевого поведения мужчин и женщин. Информация о количестве и длине речевых периодов³ позволяет судить об активности участников коммуникации. Так, например, по результатам исследования Т. В. Кирюшкиной [6] основными характеристиками стратегии мужских коммуникативных навыков являются следующие: чаще начинает диалог; делает большое количество утверждений; больше произносит; говорит менее осторожно; обычно определяет тему разговора (диалога); более беспристрастен и объективен; имеет более длинные высказывания. В этом плане интересны данные, касаемые смены обсуждаемой темы. Традиционно считается, что в разговоре доминирует тот, кто вводит новую тему. Тема считается успешной, если она становится предметом разговора. Поворот темы разговора является важным средством управления коммуникацией. Следует предполагать, что она будет исходить от людей более компетентных в данной области, которым приписывается статус эксперта. При этом считается, что мужчины инициируют большинство смен темы общения в коммуникативном процессе, чем женщины. Анализ, проведенный Т. В. Кирюшкиной [6] показал, что действительно основное количество новых тем вводилось мужчинами. Продолжая анализировать гендерные различия коммуникативно-языковых средств, необходимо коснуться вопроса недоминантных средств речевого поведения мужчин и женщин: 1) ссылки – женщины более склонны присоединяться к мнению собеседника, чем мужчины. Это свидетельствует о том, что они более

---

³ **Речевой период** – это каждый непрерывный период говорения одного из членов коммуникативной группы. Общее время речевых сообщений включает в себя сумму времени всех речевых сообщений, произведенных говорящим во время передачи.

вежливы, внимательны к мнению собеседника и выбирают кооперативный стиль; 2) вопросы – женщины задают больше вопросов. Условно вопросы можно разделить на вопросы для получения информации и метакоммуникативные (для «улучшения» коммуникации). И мужчины и женщины предпочитают задавать вопросы для получения информации, которые в свою очередь ведут к смене темы. Метакоммуникативные вопросы (например, переспрос) встречаются редко. Если учесть, что информационные вопросы влекут за собой новую тему, то можно заключить, что женщины выбирают тактику сотрудничества и используют ее для управления коммуникацией.

Мужчины и женщины говорят по-разному, хотя у каждого человека свой уровень гендерной языковой характеристики. Особенности коммуникативного стиля мужчин и женщин описываются через следующую оппозицию: «дискуссия – повествование», «сообщение – установление контакта» или «соперничество – сотрудничество». Мужчины часто ищут простые решения и полезные советы в беседе, тогда как женщины, обсуждая проблему, пытаются наладить отношения и выражают сочувствие и сопереживание для того, чтобы укрепить отношения. J. Coates [8], наблюдая коммуникацию отдельно в мужских и женских группах, обнаружила, что во время вербального общения женщины делятся сведениями о своей личной жизни. Они также долго останавливаются на одной теме и дают возможность собеседницам высказаться, стараясь вовлечь в беседу присутствующих. Мужчины же редко обсуждают свои личные проблемы и чувства, но стремятся показать свою осведомленность в политике, путешествиях, спорте и т.п. Тема беседы меняется часто, и мужчины пытаются установить иерархию в беседе, когда в основном говорят одни, а другие вставляют реплики. Следовательно, можно определенно четко констатировать факт наличия половых/гендерных различий в стилях коммуникативно-языковой активности юношей и девушек, объеме общения мужчин и женщин, в большей ориентации женщин на межличностное общение по сравнению с мужчинами.

Таким образом, приведенные данные об особенностях речевого поведения мужчин и женщин, о половых и гендерных различиях в вербальном и невербальном общении, которые детерминируют уровень успеха во многих видах деятельности, позволяют говорить о том, что мы имеем дело со значимыми (фундаментальными) свойствами когнитивных структур и эмоциональной жизни человека.

ЛИТЕРАТУРА

1. *Блакар, Р.* Язык как инструмент социальной власти / Р. Блакар // Язык и моделирование социального взаимодействия. – М., 1998. – С. 137–154.
2. *Грошев И. В.* Психология половых различий: дис. ... докт. психол. наук / И.В. Грошев. – М., 2002. – 523 с.
3. *Грошев, И. В.* Пол и его маркировка в речевой деятельности / И. В. Грошев // Психология общения 2000: проблемы и перспективы: Материалы Международной конференции (25-27 октября 2000) / Отв. ред. А. А. Бодалев. – М., 2000. – С. 89–91.

4. *Грошев, И. В.* Гендерные языковые стереотипы / И. В. Грошев // Гендер и проблемы коммуникативного поведения: Сборник материалов третьей Международной научной конференции 1-2 ноября 2007 г.; ред. кол. А. А. Гугнин и др. – Полоцк, 2007. – С. 37–48.

5. *Земская, Е. А.* Особенности мужской и женской речи / Е. А. Земская, М. А. Китайгородская, Н. Н. Розанова // Русский язык в его функционировании. – М., 1993. – С. 90–136.

6. *Кирюшкина, Т. В.* Особенности речи мужчин и женщин на примере немецкоязычных и русскоязычных ток-шоу / Т. В. Кирюшкина // Гендерный фактор в языке и коммуникации: Сб. науч. тр. – М., 1999. – Вып. 446. – С. 78–88.

7. *Bergen, D. J.* Sex stereotypes in the United States revisited: 1992-2002 / D. J. Bergen, J. E. Williams // Sex. Roles. – 2002. – Vol. 24. – № 7-8. – P. 113–123.

8. *Buunk, B. P.* Social comparison and the drive upward revisited: Affiliation as a response to marital stress / B. P. Buunk, N. W. Vanperen, S. E. Taykor, P. L. Colling // Eur. J. Soc. Psychol. – 1991. – Vol. 21. – № 6. – P. 529–546.

9. *Dunn, W. S.* Advertising. Role in modern marketing / W. S. Dunn, A. M. Braban, D. M. Krugman, L. N. Rein. – New York, 1991. – 345 p.

Доктор филол. наук Н.П. Пешкова (Уфа)

«ОЦЕНОЧНОЕ» МЫШЛЕНИЕ В ПРОЦЕССАХ ПОНИМАНИЯ ТЕКСТА: ПСИХОЛИНГВИСТИЧЕСКИЙ АСПЕКТ

Понимание как аспект мыслительной и речемыслительной деятельности человека является одной из фундаментальных проблем гуманитарных исследований и привлекает внимание лингвистов, психологов и философов на протяжении нескольких столетий. По утверждению В.Л. Абушенко (2003), начиная с «понимающей социологии» М. Вебера, опиравшегося на идеи неокантианства и «понимающую психологию» В. Дильтея, процессы понимания трактуются как предоснова всех возможных мыслительных процессов и процедур.

Как известно, с точки зрения психолингвистики, понимание представляет собой сложный мыслительный процесс, включающий многократное перекодирование информации. Продуктом данного процесса становится преобразование словесной формы текста автора в ментальную структуру, принадлежащую сознанию адресата. Как было показано в известных трудах А.И. Новикова (1983-2003) и представителей его школы (Н.М. Нестерова, Н.П. Пешкова, А.М. Маркарян, И.В. Кирсанова и др.), сформированная в результате понимания ментальная структура представляет собой *проекцию* сознания реципиента на содержания текста.

Исследование подобной *проекции*, отражающей закономерности и механизмы понимания, безусловно, осложняется тем, что любая мыслительная деятельность не поддается прямому наблюдению или самонаблюдению, так как связана она не только с сознанием человека, доступ к которому, как полагают лингвисты, в значительной степени обеспечивает язык, но во многом и с подсознанием.

В психолингвистике для исследования сознания индивидуума, как известно, давно и достаточно успешно используется ассоциативный эксперимент. Что

касается изучения процессов порождения/понимания текста, считается, что его вербальная форма содержит в себе «следы» ментального мира автора, обеспечивающие возможность наблюдения за некоторыми внутренними закономерностями процессов порождения. Однако для изучения подобных «следов» мыслительной деятельности адресата текста, осуществляемой в процессе его понимания, исследователю необходим дополнительный инструмент, который мог бы обеспечить доступ к сознанию реципиента.

Одним из таких инструментов, на наш взгляд, является метод «встречного текста» А.И. Новикова (2003). Напомним, методика регистрации «встречного текста», возникающего в сознании адресата при восприятии сообщения (в письменной форме), заключается в следующем. Испытуемый-реципиент, читая текст, предложение за предложением, по каждому из них сам записывает все, что возникает в его сознании – ассоциации, оценки, мнение, эмоциональное отношение к прочитанному, суждение о недопонимании или непонимании, опираясь при этом на свои собственные знания и жизненный опыт.

Автор метода выявил и описал пятнадцать видов реакций, составляющих «встречный текст» адресата, позднее нами были получены два новых вида при работе с новыми типами воспринимаемого текста.

Предметом настоящего исследования стал вид реакций, обозначенный автором метода как «оценка», и присутствующий во всех без исключения «встречных текстах» испытуемых, порождаемых при восприятии сообщений самых разных типов.

В соответствии с современной концепцией когнитивной семантики мышление человека является преимущественно оценочным. Нельзя не согласиться с мнением Г.Ф. Гибатовой (2011) относительно того, что выступая, с одной стороны, в качестве инструмента, а с другой – в качестве результата когнитивной деятельности индивидуума, «оценка» формирует особую систему понимания и объяснения окружающей действительности, выполняя важные функции в психическом состоянии человека.

Экспериментальные исследования различных аспектов понимания с использованием методики «встречного текста» показывают устойчиво высокий процент «оценки» от общего числа реакций других видов. При восприятии текста любого типа «оценка» не опускается ниже второго места в общем ранжировании реакций по видам. Так, при восприятии художественного текста «оценка» занимает второе место после реакции «перевод» и составляет 14,8 % от общего числа реакций; научно-популярного текста – второе место после «ассоциации», составляя от 16,1% до 20%; научного текста – также второе место после реакции «мнение», достигая 19,3 %.

Как можно видеть, приведенные выше результаты демонстрируют универсальность оценочного механизма в системе когнитивных схем понимания и осмысления текстовой информации, проявляющего себя в устойчивом преобладании реакции «оценка», характерном для «встречного текста» реципиента в процессах понимания любого типа сообщения – от научного до художественного.

ФУНКЦИОНАЛЬНЫЕ АСПЕКТЫ ИССЛЕДОВАНИЯ ЯЗЫКА И МЫШЛЕНИЯ

Канд. филол. наук Т.С. Алексеева, студ. Е.В. Голанцева (Ульяновск)
ГЕНДЕРНЫЕ СТЕРЕОТИПЫ В АНГЛИЙСКИХ И РУССКИХ
ПОСЛОВИЦАХ, ВЫРАЖАЮЩИХ ОТНОШЕНИЕ К МУЖЧИНЕ

Проблема взаимоотношения между представителями мужского и женского пола стара как мир. Из года в год исследованию данной темы уделяется много времени и сил, но, как ни странно, и по сей день возникает огромное количество вопросов, ответы на которые всё ещё не найдены и интересны как мужчинам, так и женщинам.

Изменение отношения к мужчине, как к представителю сильного пола, роль которого является немаловажной в нашей жизни, значительно и очевидно. Это не удивительно, ведь мир меняется, и мы меняемся вместе с ним. Развитие феминизма и связанных с ним исследований приобрело такой общественный резонанс, что существенно понизило социокультурный статус мужчин, что, в свою очередь, вызвало негативную социокультурную реакцию с их стороны. В результате возникли вопросы, касающиеся мужской идентичности, тенденций изменения социальной роли мужчины и женщины, нового места и роли мужчины в обществе.

Мужчина, как правило, ассоциируется с защитником и добытчиком, а женщина – с хранительницей очага, уюта и тепла в доме. Толковый словарь русского языка определяет мужчину следующим образом: «1. Лицо, противоположное женщине по полу. Будь мужчиной! (веди себя так, как подобает мужчине). Поговорим как мужчина с мужчиной (как подобает мужчинам). 2. Такое взрослое лицо, в отличие от мальчика, юноши. Сын вырос, уже совсем мужчиной» [Ожегов 1996].

Из вышесказанного, можно сделать вывод о том, что мужчина – это лицо, противоположное по полу женщине, достигшее зрелого возраста, физической и духовной зрелости, являющееся воплощением определённых свойств и качеств (суровости, твёрдости, честности). Наверняка, каждый из нас слышал такие выражения, как «*Настоящий мужчина*», «*Быть мужчиной*», «*Вести себя, как мужчина*», которые отражают сложившееся когда-то в обществе мнение о представителях мужского пола.

Настоящий мужчина, как правило, обладает такими качествами, как жёсткость, твёрдость, храбрость, уверенность в себе, понимание, честность, справедливость, ответственность, умение поддержать и выслушать в трудную минуту. Однако, в настоящее время, в реальном мире всё далеко не так, как написано в книгах, которые зачастую идеализируют окружающую нас действительность.

Формирование новой постиндустриальной, информационной цивилизации, которая во многом нивелирует половые различия, влечёт за собой значительные социо-культурные изменения и, как следствие, – изменение образов муж-

чины и женщины в культуре, их взаимоотношений в семье и обществе [Анчиков 1997].

Все эти изменения находят своё отражение в языке, который, как всем известно, является «зеркалом культуры». Именно поэтому в данной статье рассматривается образ мужчины на материале русских и английских пословиц, которые представляют собой продукты языкового народного сознания и наиболее интересны при рассмотрении данного образа [Кирилина 1999].

«Пословица – краткое народное изречение с назидательным содержанием, народный афоризм» [Ожегов 1996]. Пословица обладает высокой воспроизводимостью в речи и выступает как единица лексикона и средство отражения картины мира представителей различных культур, в частности, носителей русского и английского языков. На протяжении веков некая мысль выражалась людьми по-разному, пока содержание не обрело оптимальную форму, узнаваемую и принятую всеми членами данной языковой общности, в соответствии с их мировосприятием. С помощью пословиц можно выявить отношение общества к мужчине и женщине.

Важно отметить, что при отборе пословиц для анализа возникли определённые трудности в разграничении значений «мужчина» и «человек» у английского слова *man*. В большинстве случаев *man* имеет значение *человек*. Например, “*A man can do no more than he can*” – «Больше того, что можешь, не делаешь. Выше головы не прыгнешь. Поперёк себя не перепрыгнешь», “*Man is a bundle of habits*” – «Привычка делает человека. Обычай сильнее закона. Привычка не голичка: с руки не сбросишь», “*A man is known by the company he keeps*” – «Человек узнается по его друзьям», «Скажи мне, кто твой друг, и я скажу тебе, кто ты», «С кем хлеб соль водишь, на того и походишь».

Анализ пословиц русского и английского языков, так или иначе отражающих образ мужчины, показал, что в рассматриваемых культурах существует значительная согласованность гендерных стереотипов. Мужчины воспринимаются как агрессивные, дерзкие, доминирующие, изобретательные, сильные, независимые, грубые, умные.

Данный факт можно объяснить тем, что гендерные стереотипы очень сильны и принимаются даже теми группами, относительно которых они созданы. Стереотипы имеют тенденцию рано усваиваться и изменяются они с большим трудом.

Необходимо отметить, что в ходе изучения и анализа пословиц стало очевидно, что в единицах, описывающих образ мужчины как части картины мира русского и английского народов преобладает отрицательная коннотация, что подтверждается описанием его пороков и отчётливо негативного к нему отношения в пословицах, основанных на экстралингвистическом опыте русских и англичан. Также следует отметить, что единиц, отражающих положительные качества в образе мужчины, гораздо меньше, чем отражающих его отрицательные качества. Единственной, полностью выраженной пословичными единицами, категорией является то, что хорошие мужчины всё-таки существуют, и они славятся хорошими жёнами.

В соответствии с существующими стереотипами характерными чертами мужчины являются: сила, склонность к занятиям спортом; отсутствие беспокойства о своей внешности и возрасте; выполнение роли кормильца семьи; неэмоциональность, стойкость; логичность, рациональность, объективность, обладание развитым интеллектом; стремление к власти и лидерству; независимость, свобода; активность; стремление к успеху, честолюбие.

Однако следует отметить тенденцию к ослаблению подобных стереотипов, которая в большей степени проявляется в русских пословицах. Это говорит о том, что русские и английские пословицы с компонентом «мужчина» имеют как схожие, так и различные черты.

Мужчина зачастую не может самостоятельно принять то или иное решение, также высмеиваются такие его качества, как безответственность, несерьёзность, глупость, склонность к алкоголю, нелогичность. Примером могут послужить следующие пословицы: *Мужик сказал, женщина напомнила, мужик сделал; Мужик пришёл, наливай на стол; Мужчины на удивление не логичны: твердят, что все женщины одинаковы, и постоянно меняют одну на другую; Многие мужчины согласились бы жить в браке, но только не двадцать четыре часа в сутки; Мужик глуп, как свинья, а хитер, как чёрт; Абсолютное счастье для мужчины – и женщина и водка. Поэтому абсолютного счастья не бывает; Где кабачок, там и мужичок; Мужик, что мешок: что положишь, то и несёт.*

В социальной сфере общения с окружающими ярко выраженная негативная коннотация приписывается отношениям женщин и мужчин как противоположных полов: «*Мужик тянет в одну сторону, баба в другую*» – “*He that has a wife has a master; A woman never sees what we do for her; she only sees what we don't do*”.

Положительная коннотация в единицах, описывающих образ мужчины как части картины мира русского и английского народов гораздо менее распространена, нежели отрицательная. Единственной, полностью выраженной пословичными единицами, категорией является то, что хорошие мужчины всё-таки существуют, и они славятся хорошими жёнами. Примером могут послужить следующие пословицы: «*У хорошего мужа и жена хороша*» – “*A good Jake makes a good Jill*”; «*Хороший мужичок – не соломинки пучок, на дороге не валяется*» – “*A good man is hard to find*”.

Таким образом, в пословицах мужчина представлен двояко: как сильное независимое существо, способное на самостоятельные решения и осмысленные поступки, надёжное, неизбалованное и не требующее постоянного внимания к себе со стороны «слабого пола» и как маленький безобидный ребёнок, который зачастую не может сам принять какие-либо серьёзные решения.

ЛИТЕРАТУРА:

Анчиков И.Е. Труды по языкознанию. – СПб: Наука, 1997. – 512 с.

Кирилина А.В. Гендер: лингвистические аспекты. – Москва: «Институт социологии РАН», 1999. – 200 с.

Кирилина А.В. Категория gender в языкознании // Женщина в Российском обществе. – М.: Наука, 1997. – С. 15-20.

Ожегов С.И. Толковый словарь русского языка. – М.: Аз, 1996. – 928 с.

Асп. Е.С.Голымбиовская (Ульяновск)

ПРАГМАТИЧЕСКИЙ ПОТЕНЦИАЛ АНАФОНИЧЕСКИХ СТРУКТУР В ПОЭТИЧЕСКОМ ТЕКСТЕ

(на материале психолингвистического эксперимента)

Проблемы анафонических феноменов достаточно часто привлекают внимание лингвистов и филологов [см.: Фоносемантические исследования 1990, Фоносемантика и прагматика 1993, Проблемы изучения анаграмм 1995, Вяч.Вс.Иванов 1977, В.С.Баевский и А.Д.Кошелев 1979, В.Н.Топоров 1987, Л.Н.Кучерова 1993, А.В.Пузырёв 1995, Л.Н.Живаева 2001]. Многие учёные указывают на прагматический потенциал анафонии и других фоносемантических средств: «Широкий спектр прагматических возможностей у фоносемантических средств позволяет даже толковать их как фонопрагматические средства языка, а выразительность различных фоносемантических средств отмечается в филологии чуть ли не чаще, чем их семантический план» [А.В.Пузырёв 1995: 279].

Безусловно, наибольшую роль звуковая организация текста играет в поэзии, на повышенную эмоциональность и экспрессивность которой особое влияние оказывает общая фонетическая окраска стиха. «Нет такой идеи, как бы она ни была проста, которая не оказывалась бы сложного содержания ... ее отдельные элементы и оттенки могут быть выражены встречей и взаимодействием различных звуков; также, очевидно, обстоит дело и в стихе, т.е. всегда имеются в «выразительном» стихе разнообразные элементы, которые и играют существенную роль в его выразительности» [М.Граммон 1990: 178].

Для того, чтобы доказать правомерность данной точки зрения мы провели психолингвистический эксперимент, гипотеза которого была сформулирована следующим образом – тексты, построенные по принципу анафонии, как во французском, так и в русском языке воспринимаются как более экспрессивные.

Материалом для проведения эксперимента послужили следующие произведения: «L'aveugle» de Théophile Gautier – «Слепой» в пер. Н.Гумилёва, «Le propriétaire» de Charles Cros – «Приобретатель» в пер. В.Кормана, «L'horloge» de Charles Baudelaire – «Часы» в пер. Эллиса, «Ophélie» d' Arthur Rimbaud – «Офелия» в пер. М.Кудинова, «Les mains de Jeanne-Marie» d' Arthur Rimbaud – «Руки Жанн-Мари» в пер. М.Кудинова, «Les fenêtres» de Jacques Brel – «Окна» в пер. Т.Тимоновой.

В эксперименте приняло участие 106 человек. Инструкция звучала таким образом: «Пожалуйста, прочитайте внимательно отрывки из стихотворных произведений и укажите, какой из двух фрагментов в каждой паре, на ваш взгляд, более выразителен».

Формулировка «более выразителен» нам показалась достаточно нейтральной и приемлемой, поскольку она не указывает напрямую на функции анафонии и, как следствие, не ведёт к ожидаемому нами ответу.

В первой части задания респондентам предлагалось три пары отрывков из стихотворных текстов на французском языке; во второй части – переводные варианты этих же отрывков. Один из отрывков в каждой паре четверостиший отличался ярко выраженной анафонией. Причём, для эксперимента мы подобрали такие тексты, где один или несколько звуков опорного слова превышали среднюю частотность не только в пределах строки (то есть на уровне языковых единиц), но и в пределах текста как во французском, так и в русскоязычном варианте. Что касается другой группы стихотворных отрывков, которые противопоставлялись первым и классифицировались нами как тексты без анафонии, то в процессе их подбора мы столкнулись с тем фактом, что полное отсутствие звуковых повторов в поэтическом тексте практически невозможно, поэтому в некоторых из противопоставляемых текстов встречаются анафонические структуры. Однако, степень выраженности анафонии в них на порядок ниже, чем степень выраженности анафонии в текстах, отмеченных нами, как тексты с явно выраженной анафонической организацией.

Результаты эксперимента приведены в таблице:

	Положительно оценённые отрывки с анафонией на фр. языке	Положительно оценённые отрывки без анафонии на фр. языке	Всего	Положительно оценённые отрывки с анафонией на русском языке	Положительно оценённые отрывки без анафонии на русском языке	Всего
1-ая пара отрывков	97	9	106	85	21	106
2-ая пара отрывков	72	34	106	89	17	106
3-пара отрывков	81	25	106	64	42	106
Всего	250	68	318	238	80	318

Согласно данным проведённого эксперимента 78,6% (250 из 318) положительных ответов получили отрывки на французском языке, построенные по принципу анафонии. Таким образом, положительную реакцию опрошенных вызвало лишь 21,4% текстов без анафонических структур.

Для того, чтобы ответить на вопрос, существенно ли различие в оценках реципиентов, мы прибегли к критерию «хи-квадрат».

Формула «хи-квадрат» выглядит следующим образом:

$$\chi^2 = \frac{\sum (x_i - \bar{x})^2}{\bar{x}}, \text{ где}$$

χ^2 – «хи-квадрат критерий», $\bar{x}$ – средняя выборочная частота, x_i – наблюдаемые частоты, Σ – знак суммирования.

При сравнении величин, полученных опытным путём, с соответствующими им теоретическими величинами, мы использовали математическую таблицу, приведенную в монографии Б.Н.Головина "Язык и статистика" [Б.Н.Головин 1971: 31].

В нашем случае, выборочные частоты – это количество положительно оценённых стихотворных отрывков, содержащих анафонию (250) и отрывков без анафонических феноменов (68). Чтобы определить среднюю выборочную частоту мы нашли соотношение суммы выборочных частот к количеству выборов и затем определили значение «хи-квадрат критерия»:

$$\bar{x} = (250+68)/ 2= 159,$$
$$\chi^2 = [(250-159)^2 + (68-159)^2]/ 159= 104,16.$$

Поскольку мы имеем две выборки, число степеней свободы равно единице. Для одной статистической вероятности границами существенности являются значения в интервале от 0,1 до 3,84. Наше значение χ^2 превышает максимально допустимое значение этого интервала больше, чем в 25 раз. Это даёт нам право утверждать, что тексты, построенные по принципу анафонической организации, действительно, воспринимаются как более выразительные по сравнению с текстами без анафонии.

С помощью «хи-квадрат критерия» мы сравнили отдельно каждую пару стихотворных отрывков. Результаты, которые мы получили, оказались также статистически неоднородными.

$$\bar{x} = (97+9)/ 2= 53$$
$$\chi^2 = [(97-53)^2 + (9-53)^2]/ 53= 73,06$$
$$73,06 > 3,84$$

Из расчётов видно, что выборочные частоты не принадлежат к одной статистической вероятности, следовательно, разницу в восприятии текста с анафонией и текста без анафонии в первой паре стихотворных отрывков можно считать существенной.

$$\bar{x} = (72+34)/ 2= 53$$
$$\chi^2 = [(72-53)^2 + (34-53)^2]/ 53= 13,62$$
$$13,62 > 3,84$$

Во второй паре отрывков также можно констатировать существенное различие в оценках двух текстов в пользу отрывка, содержащего анафонические феномены.

$$\bar{x} = (81+25)/ 2= 53$$
$$\chi^2 = [(81-53)^2 + (25-53)^2]/ 53= 29,58$$
$$29,58 > 3,84$$

Отклонения выборочных частот от их общей средней можно считать существенными, поскольку они незакономерны для одной и той же статистической вероятности.

Теперь рассмотрим соотношение оценок текстовых отрезков на русском языке.

$$\bar{x} = (238+80)/ 2= 159$$
$$\chi^2 = [(238-159)^2 + (80-159)^2]/159= 78,5$$
$$78,5 > 3,84$$

На основании полученного результата можно сделать вывод, что на русском языке, как и на французском, тексты, построенные по принципу анафонии, воспринимаются лучше, чем тексты, не содержащие анафонических феноменов.

Рассмотрим соотношение ответов реципиентов по каждой паре стихотворных отрывков.

$$\bar{x} = (85+21)/ 2= 53$$
$$\chi^2 = [(85-53)^2 + (21-53)^2]/ 53= 38,64$$
$$38,64 > 3,84$$

Отклонения выборочных частот в данном случае неслучайны, что свидетельствует о лучшем восприятии реципиентами текстов, содержащих анафонические структуры.

$$\bar{x} = (89+17)/ 2= 53$$
$$\chi^2 = [(89-53)^2 + (17-53)^2]/ 53= 48,9$$
$$48,9 > 3,84$$

Выборочные частоты в этом случае не принадлежат одной статистической вероятности.

Что касается третьей пары отрывков, 64 опрошенных отдали свои голоса в пользу отрезков с анафонией, а 42 – в пользу стихов без анафонических структур.

$$\bar{x} = (64+42)/ 2= 53$$
$$\chi^2 = [(64-53)^2 + (42-53)^2]/ 53= 4,57$$
$$4,57 > 3,84$$

Несмотря на то, что достаточно большое число реципиентов положительно оценили отрывки без анафонических феноменов, согласно «хи-квадрат» критерию выборочные частоты не принадлежат к одной вероятности, а значит, разницу в восприятии данных текстов можно считать существенной. Однако, мы не можем не отметить, что только в переводном отрывке этой пары, обозначенном нами, как «не содержащий ярко выраженной анафонии», в отличие от оригинала, всё-таки присутствуют анафонические структуры как на уровне языковых единиц, так и на уровне текста (один звук опорного слова превышает речевой фон). И, несмотря на то, что преимущественное количество положительных оценок реципиенты отдали отрывку с более ярко выраженной анафонией, нам кажется не случайным, что именно это четверостишие получило наибольшее количество голосов (42) по сравнению со всеми другими отрывками, которые мы рассматривали в качестве текстов «без анафонии».

Таким образом, с помощью статистического инструмента «хи-квадрат критерий» нам удалось подтвердить правомерность точки зрения о большей выразительности текстовых отрезков, характеризующихся анафонической организацией.

ЦИТИРУЕМАЯ ЛИТЕРАТУРА:

Головин Б.Н. Язык и статистика. – М.: Просвещение, 1971. – 191 с.

Граммон М. Звук как средство выразительности речи // Воронин С.В. Фоносемантические идеи в зарубежном языкознании: Очерки и извлечения: Учеб. пособие. – Ленинград: Издательство Ленинградского университета, 1990. – С. 175-178.

Пузырёв А.В. Анаграммы как явление языка: Опыт системного осмысления. – М.; Пенза: Ин-т языкознания РАН, ПГПУ им. В.Г.Белинского, 1995. – 378 с.

Докт. филол. наук М.Р. Желтухина (Волгоград)

ФАКТОРЫ ЭФФЕКТИВНОСТИ РЕЧЕВОГО МЕДИАВОЗДЕЙСТВИЯ

Человечество в XXI веке находится в фазе перенасыщения информационного пространства и информационного давления. В связи с этим медиадискурс оказывает огромное влияние на общественное сознание. Большинство представлений и знаний о мире формируются у человека под воздействием таких средств массовой коммуникации, как телевидение, радио, пресса, Интернет. В результате анализа фактического материала современного медиадискурса выделены основные *факторы*, обуславливающие эффективность *речевого воздействия*:

1. Лингвистический – интерпретативный фактор вариативного отражения действительности проявляется в лексической сфере, основан на механизмах вербального воздействия на сознание: квазисинонимия, намеренная двусмысленность, «идеологическая связанность», коннотативные оттенки значения и др.; эксплицитность и имплицитность плана содержания: помещение желаемого для адресата компонента смысла в имплицитный пласт высказывания.

2. Экстралингвистический – фактор социальной потребности в информации со всеми ее семиотическими, психическими, этнокультурными, социальными, когнитивными и прочими характеристиками жизни человека.

1) Семиотический – представление о значимом варьировании языковых выражений в соответствии с установками, притязаниями, целями, *совпадение* (одинаковое понимание адресантом и адресатом, неидеологическое) и *несовпадение* представлений о языковых вариантах обозначения предмета или явления (осознание адресантом и неосознание адресатом, идеологическое, властное; неосознание адресантом и осознание адресатом), осознание и коррекция выбора коммуникантами – речевые стратегии в диалоге.

2) Социальный – подбор и дозирование информации, соотношение негативных и позитивных деталей (например, похвала правдоподобна с элементами критики, критика – с позитивной оценкой), знание и учет стереотипов и мифов массового сознания, ориентация на «МЫ-группу», авторитетные заявления.

3) Когнитивный – процесс обработки информации человеком: инертность восприятия, ошибки в оценке свидетельств, восприятие ложных каузальных связей, приводит к неадекватному отображению действительности. *Речевая деятельность* – один из способов приобретения знаний, познания мира. *Языковая способность* представляет собой вершину айсберга, в основании которого

расположены такие когнитивные способности, как представление образов, логический вывод на их основе, получение новых знаний на базе имеющихся, составление и выполнение планов. При описании базовых категорий речевого воздействия необходима экспликация связей языкового выражения со структурами знаний и процедурами их обработки. Неоднородность плана содержания обуславливает переход к линейному представлению нелинейной, упакованной когнитивной структуры, при котором некоторые ее части имплицитны (пресуппозиции, установки, следствия, иллокутивные компоненты и т.д.) и порождают манипуляции. Опыт стандартизации ситуаций ритуализирует мышление и поведение человека, отражается в его речевых стереотипах, позволяет прогнозировать его возможные речевые стратегии и тактики. Поскольку суть коммуникативных правил состоит в их постоянном нарушении, нестандартные употребления и их интерпретации не как ошибок, а как специфических операций над знаниями с целью намеренного осложнения коммуникативного процесса (коммуникативная неудача, коммуникативные злоупотребления), представляют научный интерес.

4) Психологический – эмоциональное речевое воздействие на адресата: а) *убеждение* (логические аргументы) – опора на сознание, разум, б) *внушение* (эмоциональные аргументы) – апелляция к эмоциям и приведение адресата в нужное для целей адресанта психологическое состояние. Эмоциональное воздействие объясняется сложившимися установками, неосознаваемой готовностью субъекта к определенной реакции, его модусом, целостным состоянием и влияет на создание новых установок и стереотипов как прочно укоренившихся отношений к однородным и похожим явлениям, коррекцию ценностей.

Иными словами факторы медиавоздействия представляют собой различного рода механизмы: **1) лингвистический**: механизмы речевого воздействия на сознание и подсознание адресата; **2) экстралингвистический**: механизмы речевого воздействия в совокупности с различными факторами: а) *семиотический* – неконтролируемая и неусваиваемая избыточность; б) *социальный* – цензурная (со стороны власти и хозяев массмедиа) и самоцензурная (со стороны СМИ) неполнота, необходимость сохранения секретности определенной информации и устойчивости систем ее распространения и хранения (в военно-технологической сфере, в сфере стратегических и коммерческих «ноу хау», в сфере личной безопасности); в) *когнитивный* – неадекватность реальности (смещенность или лживость), контркультурный шок (разрушение сознания адресатов), манипулятивная направленность; г) *психологический* – заданная оценочность (ярлыки вместо фактов), конфликтная противоречивость, неадекватный характер восприятия адресатами (единичным и массовым). Выявленные факторы обуславливают психолингвистический взгляд на **воздействие**, представляющее собой целенаправленный перенос движения и информации от одного участника взаимодействия к другому. При этом медиадискурс решает такие основные задачи, как привлечение внимания к медиасообщению, оптимизация его восприятия, принятие его содержания адресатом.

Докт. филол. наук Т.С.Кириллова, Т.В. Соколова (Астрахань)
**НЕЙРО-ЛИНГВИСТИЧЕСКОЕ ПРОГРАММИРОВАНИЕ
И РЕЧЕВОЕ ОБЩЕНИЕ**

Теория нейро-лингвистического программирования (НЛП), разработанная в 70-х годах двадцатого века Д. Гриндером и М. Бендлером, признается в США как теория об успешной коммуникации. В последние годы НЛП получило широкое признание в кругах лиц, занимающихся рекламой, маркетингом и публич-рилейшенз и в России как более или менее доступный набор техник речевого и неречевого взаимодействия.

Известно, что нейро-лингвистическое программирование занимается проблемой влияния, оказываемого языком на программирование психических процессов и изучает, каким образом психические процессы и нервная система формируют наш язык и находят отражение в нем.

НЛП – это искусство и наука о личном мастерстве (нейролингвистика – нейро от греческого «neuron» + латинского «lingua», Fr. linguistique; программирование – от греческого «programma»). Искусство, потому что каждый вносит свою уникальную индивидуальность и стиль в то, что он делает, и это невозможно отразить в словах или технологиях. Наука, потому что существует метод и процесс обнаружения паттернов = patterns (систематически повторяющихся, устойчивых элементов поведения), используемых личностями в любой области для достижения результатов. Этот процесс называется моделированием, и обнаруженные с его помощью паттерны, умения и техники находят все более широкое применение в консультировании, образовании и бизнесе, для повышения эффективности коммуникации, индивидуального развития и ускоренного обучения [Дж.Гриндер 2001: 8].

НЛП возникло в начале 1970-х годов и стало плодом сотрудничества Джона Гриндера, ассистента профессора лингвистики в университете Калифорнии и Ричарда Бэндлера – студента психологии в том же университете. Ричард Бэндлер, кроме того, интересовался психотерапией. Они вместе изучали действия трех выдающихся психотерапевтов: Фрица Перлза, новатора психотерапии, Вирджинии Сатир, семейного психотерапевта и, наконец, Милтона Эриксона, всемирно известного гипнотерапевта.

Гриндер и Бэндлер открыли и проанализировали паттерны этих высокоэффективных психотерапевтов. Все они различались как личности, но как терапевты они использовали в работе со своими пациентами схожие наборы паттернов. Оказалось возможным выделить, проанализировать и сгруппировать эти паттерны в специфические структуры, используемые этими специалистами. Основные открытия касались языка, используемого психотерапевтами в консультировании своих клиентов. Также они касались неврологических паттернов, которые поддерживали язык, использованный в терапии, и того способа, которым реальность была сенсорно представлена в опыте, программировала поведение и выражалась в нем [С.Андреас, Т.Халбон 2000: 10]. Начиная с этих первоначальных моделей, НЛП развивалось в двух взаимодополняющих направлениях. Во-первых, как процесс обнаружения паттернов мастерства в лю-

бой области человеческой деятельности. Во-вторых, как эффективный способ мышления и коммуникации, практикуемый выдающимися людьми.

В последние годы нейро-лингвистическое программирование получило широкое признание в кругах лиц, занимающихся рекламой, маркетингом и публич-релейшенз как более или менее доступный набор явно указанных навыков и техник речевого и неречевого взаимодействия.

Вместе с тем, особенно в России, где по-прежнему сильны традиции научного подхода, нейро-лингвистическое программирование подвергают критике.

Действительно, многое, что касается теоретического обоснования нейро-лингвистического программирования, не очень строго, не очень доказуемо и эклектично.

Однако НЛП сохраняет свои позиции в околонучной сфере. Нейро-лингвистическое программирование — это не теория, способная объяснить всю коммуникацию, а лишь некоторый набор техник, которые можно применить в отношении речевого общения.

У каждого человека есть свой основной канал восприятия и хранения информации, своя так называемая «репрезентативная» система. Полагая, что среди людей есть визуалы, аудиалы и кинестики, нейро-лингвистическое программирование предлагает своего рода словари, которые следует использовать для лучшего взаимопонимания с людьми разных типов.

Исходя из опыта зарубежных психологов и лингвистов, можно сказать, что техники НЛП могут быть использованы в различных отраслях профессиональной коммуникации, включая психотерапию, бизнес, гипноз, образование, и практика доказала их успешность.

ЛИТЕРАТУРА:

Андреас С., Халбон Т. НЛП: современные психотехнологии. – М., 2000, 350 с.

Гриндер Дж. НЛП – теория успешной коммуникации. – С.-Пб., 2001. – 287 с.

Аспирант Н.И. Коробкина (Волгоград)

ЭКОЛОГИЧНОСТЬ / НЕЭКОЛОГИЧНОСТЬ КОНТЕКСТУАЛЬНОГО ПОНЯТИЯ КАК ЕДИНИЦЫ ЭМОЦИОНАЛЬНОГО МЫШЛЕНИЯ*

Общеизвестно, что язык и мышление составляют неразрывное единство, которое проявляется в целом ряде аспектов: функциональном, психофизиологическом, генетическом, когнитивном, сопоставительном, логико-структурном,

---

* Исследование выполнено при финансовой поддержке РГНФ в рамках научно-исследовательского проекта РГНФ «Эмотивная лингвоэкология», проект № 12-04-00008 а

динамическом, эстетическом, педагогическом, идиостиловом и др. Так, например, в рамках функционального аспекта взаимосвязи языка и мышления отмечается, что язык выступает средством формирования и выражения мысли, обеспечивающим согласно методологическим основам учения о языкоохраняющей функции – лингвоэкологии (Шаховский 2011), экологичность / неэкологичность человеческой коммуникации. Одновременно с этим мышление осуществляет контроль построения речи, служит орудием выбора языковых единиц в ее процессе, обеспечивает содержательную сторону языковых знаков.

На вербальном уровне такими коммуникативно экологичными / неэкологичными знаками нередко становятся не существовавшие до этого неологизмы (бленды, оксюморонимы), представляющие собой на уровне мышления новые контекстуальные понятия. В том случае, если осторожное обращение с такими неологизмами сохраняет язык и здоровье человека, то их следует считать экологичными, и, наоборот, если использование таких неологизмов наносит терапевтический вред не только языку, но и его пользователям, то такие бленды и оксюморонимы обладают неэкологичным характером.

В зависимости от характера коммуникативной ситуации можно говорить, с одной стороны, о положительной энергетической мощности нового слова, обеспечивающего чистоту русского языка, т.е. его экологичность, и моделирующего соответствующее положительное настроение его носителей (*безумительный, блистенький, застелье, смешарик* и др.), т.е. эвокацию приятных ощущений (оптимистичное, оздоравливающее, юмористическое и т.п.). С другой стороны, если коммуникативная ситуация появления неологизма включает в себя негативные эмоциональные переживания, эмоциональное давление, состояние психологической неудовлетворенности и т.п., то имеет место насильственное обращение с языком, приводящее к его разрушению, «коррозии» и эмоциональной дисгармонии в коммуникативном социуме (*алкоголодранец, злодчество, публичико, футбол, ханастезиолог* и др.).

Напомним, что обобщенно понятие можно определить как ментальное образование, состоящее из наиболее существенных признаков предмета, обуславливающих результат его рационального и эмоционального отражения и осмысления. Исходя из этого, контекстуальное понятие, совмещающее в себе противоположные сущностные признаки, помимо перечисленных свойств, характеризуется также способностью возникать в определенной коммуникативной ситуации, как правило, являясь вербальной реакцией на экологичный / неэкологичный социальный, социально-экономический / политический стимулы («адорай», «благоглупость», «благоподлость», «думрак», «Злобро» и т.п.).

Повторимся, что в процессе коммуникации контекстуальное понятие вербализуется в особую звукобуквенную упаковку – бленд (*брехлама, джеггинсы, книгер, матчество, музоль, трепортаж* и др.) или оксюмороним (*адорай, благоглупость, благоподлость, думрак, Злобро* и др.) (Эпштейн 2009), которая также как и появление новых контекстуальных понятий представляет собой процесс эмотивной номинации, т.е. порождение экспрессивных знаков и сознательное усиление ими поражающей способности языка (Шаховский 1981).

Сам термин «контекстуальное понятие» говорит о появлении таких ментальных образований в рамках определенного контекста (ситуации). Слова, оформляющие вербальные корреляты контекстуальных понятий, активно используются в языке и речи. Они, как правило, создаются в тех моментах речевой деятельности, в которых по разным причинам требуется импровизация употребляемых языковых средств и создание на их базе новых, необычных. Они, соединяясь друг с другом в определенном событийном контексте и для определенных прагматических целей (экспликация своих эмоций, повышение коммуникативного эффекта, самовыражение и др.), формируют экологичное / неэкологичное словообразование, приводящее к появлению и нового контекстуального понятия.

Проиллюстрируем данный факт примером недавно появившегося бленда *матчество* (*мать* + *отчество*). В последнее время все чаще многим женщинам приходится сталкиваться с проблемой воспитания ребенка без участия в этом процессе отца. Такая событийно-контекстуальная рамка, очевидно, ставит большинство одиноких мам перед ситуацией исключения имени биологического отца из свидетельства о рождении ребенка. А это не может быть экологичным хотя бы в первую очередь потому, что приводит к разрушению одного из ценнейших институтов общества – института семьи. Целеполагающим мотивом в такой противоречащей традициям ситуации является сильное желание одинокой женщины подчеркнуть свою независимость и единоличное участие в воспитании ребенка. Поэтому появление бленда *матчество* и соответствующего нового контекстуального понятия в сложившейся коммуникативной ситуации является и актуальным, и социально обоснованным.

Приведенные выше примеры новых контекстуальных понятий и их вербальных коррелятов с точки зрения словообразования представляют собой результат процесса блендинга. Однако наши наблюдения показывают, что данный способ словообразования не является единственным при появлении контекстуальных понятий. Не менее продуктивным следует считать, по нашему мнению, появление контекстуальных понятий при порождении речевых словосочетаний: *голодообразующее предприятие*, *копипасть интернета*, *котрреарх*

перил (см. фото выше), *ливневый снегопад*, *обманутые вкладчики / дольщики*, *фиктивно-демонстративный продукт*, *черно-белый адорай* и др. Слитное написание двух и более слов без учета заглавных букв, является, как правило, нарушением норм русской орфографии. Однако при образовании контекстуальных понятий такой оригинальный способ является достаточно распространенным: *гражданинпоэт*, *околокремля*, *советскоешампанское*, *эхомосквы*, *юрийгагарин* и т.п.

Таким образом, проблема экологичности / неэкологичности новых контекстуальных понятий, как единиц мышления, и блендов, оксюморонимов, как форм их вербализации, является одним из новейших объектов лингвистического исследования, подчеркивающих, во-первых, функциональную взаимосвязь языка и мышления, и, во-вторых, способствующих развитию эмотивной лингвоэкологии – нового направления современной теории языка. Предметом изучения данного объекта с позиций эмотивной лингвистики можно считать такие его аспекты, как семиотика, семантика, эмоционально-прагматическая направленность и др., что и представляет собой перспективу нашего дальнейшего исследования.

Литература

Шаховский, В. И. О способах эмотивной номинации [Текст] / В. И. Шаховский // Семантико-системные отношения в лексике германских и романских языков. – Волгоград, 1981. – С. 113 – 121.

Шаховский, В. И. Триада наук в новом направлении лингвистических исследований (становление эмотивной лингвоэкологии) [Текст] / В. И. Шаховский // Образ мира в зеркале языка: сб. научных статей / отв. соред. В. В. Колесов, М. Влад. Пименова, В. И. Теркулов. – М.: ФЛИНТА, 2011. – С. 198 – 205.

Эпштейн, М. Н. Мат – язык тех, кто ничего не может [Текст] / М. Н. Эпштейн // «Огонёк». – 14 декабря 2009. – № 31 (5109). – С. 42 – 44.

*Канд. филол. наук Т.В.Морозкина, С.Н. Морозкин, Л.Л.Чередников
(Ульяновск)*

СПЕЦИФИКА ТЕРАПЕВТИЧЕСКОГО ДИСКУРСА В НАРКОЛОГИЧЕСКОЙ ПРАКТИКЕ

Проблема алкогольной зависимости, обострившаяся в последние годы и грозящая превратиться в социальную катастрофу, требует наиболее решительных и вместе с тем гибких мер по устранению. Поскольку эта проблема социального плана, вполне очевидно, что усилиями только врачей-наркологов ее не решить. Для успешного и окончательного выхода из алкогольного «тоннеля» необходимы совместные усилия как врачей-наркологов, так и психологов, психолингвистов и социологов. В формате данной работы предпринимается попытка формирования коммуникативной программы последовательных действий

вий доктора с целью коррекции психо-эмоционального состояния пациента и его отказа от употребления спиртных напитков.

Результат исцеления во многом определяется разумно выбранной тактикой доктора. В данном случае коммуникативная фигура доктора является своего рода форватером для пациента. Следуя теории коммуникации в трактовке К.Ажежа, в процессе психо-терапевтического воздействия доктор выступает в статусе психо-социального субъекта высказывания в широком смысле, в плане коммуникативного взаимодействия «слушающий+говорящий» (К.Ажеж 2003: 225). Доктор ориентирован на своего пациента и, подобно, сверхчувствительному прибору, улавливает импульсы, посылаемые из ментальной сферы.

В процессе сотрудничества доктора и пациента доктор решает ряд следующих задач: **помочь пациенту взять на себя внутренние обязательства; способствовать повышению самооценки травмированного «Я»; вызвать максимально положительные ассоциации с режимом трезвости; создать мощную мотивирующую базу для пациента.**

Итак, первостепенная задача врача-психотерапевта – выйти на подсознание и разбудить рефлексию пациента, носящую интенциональный характер, т.е. путем воздействия на психо-эмоциональную сферу пациента вывести его в рефлексивную позицию с целью проведения самоанализа. Обращаясь к лингвофилософским научным воззрениям А.И. Фефилова, следует, что не человек управляет мыслью, а мысль управляет человеком (Фефилов, 2010:72). Согласно данному положению, в коммуникативной программе доктора важно заставить мысль о трезвости координировать дальнейшее поведение пациента и более того, удержать его в режиме трезвости максимально длительный период времени. Необходимо учитывать то обстоятельство, что в сознании пациента в период злоупотребления спиртным прочно закрепился стереотип «не пить – не жить», который необходимо сломать путем суггестивного воздействия доктора и в ходе рефлексивной работы сознания самого пациента.

Определим необходимые условия для успешной реализации психотерапевтических действий доктора на начальном этапе: **трезвое состояние пациента, осознание собственной проблемы, доверие доктору, поддержка близких, желание пациента избавиться от алкогольной зависимости.**

Согласно проведенным наблюдениям, коммуникативная программа врача-психотерапевта условно разделена на 3 блока. В первом блоке происходит создание ретроспективного благоприятного фона. В этой фазе доктор обычно задает, на первый взгляд, самые обыденные вопросы: «Как ты себя чувствовал до того, как начал регулярно принимать спиртное? Что было хорошего в то время? Что ты достиг за это время? Какие были отношения с семьёй, родителями?» Эти вопросы очень напоминают сбор анамнеза пациента, а в реальности доктор запускает механизм кодирования, пробуждая подсознание реципиента, сознательно используя ретроспективный прием с намерением создать благоприятные воспоминания относительно трезвого периода жизни. Основываясь на так называемую теорию «разумного глаза» В.А. Звегинцева, опознание настоящего происходит на основе сведений, накопленных в прошлом. Интеллектуальное восприятие субъекта приобретает специфическую двуслойность: к непосред-

венно воспринятой информации добавляется скрытая, исходящая из модели данного объекта информация, что обеспечивает уникальную полноту (В.А.Звегинцев 2001: 298). Так, благоприятная картинка благополучного прошлого вырисовывается в сознании пациента, контрастирует с настоящим и тем самым укрепляет зарождающуюся мысль о трезвом образе жизни, очень осторожно и ненавязчиво транслируемая доктором.

В этот момент разворачивается второй блок, в котором доктор ведет беседу с внутренним «Я» пациента. Как правило, доктор задает вопросы относительно настоящего: «Что бы тебе хотелось вернуть из прошлого? Что тебе не достает? Что тебя не устраивает?» Отметим, что доктор косвенным образом подводит пациента к осознанию своей проблемы. Он заставляет работать сознание реципиента. Следует также отметить, что в заданном коммуникативно-прагматическом пространстве с координатами «я-здесь-сейчас» пациенту некомфортно психологически и физиологически, он загнан в тупик.

Согласно научным представлениям А.И. Фефилова относительно мыслительного отражения, происходит попеременное движение от действительности к сознанию, от сознания к действительности, а сознание фиксирует сигнал о начавшейся проблеме и передает его. Пациент услышал свое «Я», зовущее на помощь. В тот момент, когда проблема алкогольной зависимости осознана, открывается канал как проводник к сознанию реципиента, в ментальной сфере пациента происходит отражение и синтез суггестивного воздействия доктора.

В третьем блоке определяется переориентировка алкогольной зависимости пациента. На данном этапе коммуникативного воздействия доктору очень важно сформировать у пациента чувство внутренней ответственности, заставить поверить в свои силы. По утверждениям Роберта Б. Чалдини, чувство внутренней ответственности позволяет изменить представление о самом себе, как бы «создают собственные точки опоры» (Р.Б. Чалдини 2010: 153). Эти «точки опоры» помогают пациенту самоутвердиться в новом статусе и чувствовать себя комфортно. В результаты работы с самим собой реципиент убеждает себя в том, что он именно так, а не иначе должен себя вести. Этим шагом можно считать выход реципиента из рефлексивной позиции.

С другой стороны, чувство внутренней ответственности может быть подкреплено доминантным мотивом. Из беседы с пациентом на основе системы ценностей доктор выбирает доминантный мотив (покупка шикарного автомобиля, новой квартиры, сохранение семьи, создание определенного имиджа, создание бизнеса и др.) и фиксирует на нем сознание пациента.

Положительным моментом является использование психологического приема якорения для создания ассоциации с целью отражения на осознании. По мнению Р. Дилтса, при якорении очень важно выбрать верный способ подачи информации. Не менее важным является установление логической связи информации с условным рефлексом. (Р.Дилтс 2002: 73). Как показывают практические наблюдения, наиболее эффективными в большинстве случаев являются универсальные якоря положительного опыта. Удачным примером может послужить образ популярного актера, спортсмена, родственника, победившего эту пагубную привычку.

Беседа с пациентом, или, говоря языком доктора, ведя пациента, очень важно соблюдать некоторые принципы коммуникативного взаимодействия. Прежде всего, недопустимо лгать пациенту во избежание утраты доверия. Воздействуя на ментальную сферу реципиента, очень важно нивелировать психо-социальный контраст в процессе суггестивного воздействия доктора на пациента. С этой целью желательно чаще использовать местоимение «мы», «Мы с тобой, с Вами», «у нас с тобой» вместо противопоставительного «Ты». И, что не менее важно, по возможности исключить из речи частицу «не», несущую отрицательный заряд и не экологичную для сознания реципиента.

Таким образом, коммуникативные действия, направленные на воздействие сознания пациента, регулируются следующими принципами: принцип доверия и взаимоуважения, принцип корпоративности (согласованности действий), принцип логической последовательности психо-терапевтических действий, принцип обратной связи пациента и доктора с целью длительного поддержания психо-терапевтического эффекта.

ЛИТЕРАТУРА

- Ажеж К. Человек говорящий. М.: УРСС, 2003, - 280с.
- Дилтс Р. НЛП: навыки эффективной презентации. – СПб.: Питер, 2002. – 192с.
- Звегинцев В.А. Предложение и его отношение к языку и речи. 2-е изд. – М.: Эдиториал УРСС, 2001. – 312с.
- Фефилов А.И. Когитология: моногр./А.И. Фефилов. – Ульяновск: УлГУ, 2010. – 406с.
- Чалдини Р. Психология влияния. Как научиться убеждать и добиваться успеха/Р. Чалдини;(пер. с англ. О. Епимахова). – М.: Эксмо, 2010. – 416с.

Докт. филол. наук И.В. Приорова (Астрахань)

АГРАММАТИЧНЫЕ ФОРМЫ НЕСКЛОНЯЕМЫХ ИМЁН В СОВРЕМЕННОЙ ЯЗЫКОВОЙ ИГРЕ (эстетический аспект)

В основе творческой способности языковой личности лежит индивидуальный поиск языковых ресурсов, который позволяет возвести «обычное» в ранг «необычного», не изменяя эстетическому вкусу времени. Ещё в 1835 году А.А.Бестужев-Марлинский охарактеризовал такую поисковую систему индивида очень точно: *«однажды и навсегда – я с умыслом, а не по ошибке, гну язык на разные лады, беру все готовое, если есть у иностранцев, вымышляю, если нет; изменяю надежи для оттенков действия или изощрения слова. Я хочу и нахожу русский язык на все готовым и все выражающим. Если это моя вина, то и моя заслуга».*

«Динамичная морфология» несклоняемых имён лежит в основе их аграмматизма. Она является словоизменительной, а не словообразовательной, т.к. эксплицитная парадигма (формально выраженные категории рода, числа и па-

дежа) недопустимы при нормативном использовании данных слов. Как правило, аграмматичные формы – это типичные просторечные нарушения: *Я к тебе чай пить не приду. У тебя муж дома..., а я в бигудях; Они аристократы... фейхуами, кивями, бананами, мангами питаются....* Однако и в таких типичных случаях отражается «всеобщая поэтичность языка», когда «крошечная словесная капля какого-нибудь болтуна...проистекает из того же источника, как бесконечный океан какого-нибудь Гёте или Шекспира» (Фосслер, 1910).

Сегодня аграмматичные формы несклоняемых имён активно включаются в словотворчество индивида. Однако не все изменённые неизменяемые слова можно приравнять к грамматическим окказионализмам, «которые образуются вопреки законам словообразования» (Панов, 1984) и способствуют переосмыслению известного значения через грамматическую составляющую. Способность неизменяемых слов «включаться» или «не включаться» в словоизменяемые парадигмы соответствует существующей бинарности грамматической окказиональности, т.е. противопоставлению системных окказионализмов не-системным.

Мы противопоставляем аграмматизм, соотносимый с мотивированным нарушением и бессознательным нарушением, как зависимость от языковой компетентности/некомпетентности носителя языка. В современном речетворчестве наблюдается переориентация на грамматическую деструкцию. Это свидетельствует о влиянии массовой культуры на языковую эстетику. Выявляя феномен эмотивного потенциала аграмматичных форм (Приорова, 2010), мы учитываем то, что прагматическая установка автора может не совпадать с установкой получателя при не совпадении их языковой компетентности или этико-эстетических воззрений. Хотя, как правило, эстетическая функция деструктивной формы активизируется при определённых иллокутивных целях: 1) для достоверности речевого портрета, для индивидуализации персонажа и реального отражения исторической эпохи и 2) в «языковой игре» для усиления экспрессии.

Осознанная предпочтительность в выборе формы, т.е. авторское тиражирование естественных просторечий с помощью нанизывания деструктивной формы (полиптотон), доказывает общность творческого поиска и в разговорной, и в поэтической языковой игре. Однако декодирование формы, которое «ложится на плечи» реципиента в соответствии с его художественным вкусом и социально-исторической ориентацией, носит непредсказуемый характер: авторские интенции могут безоговорочно приниматься или категорически отвергаться.

Авторская идея может быть отвергнута читателем из-за непривлекательности в силу собственных ментальных и метаязыковых представлений. Нарушая каноны, в том числе и грамматические, автор вовлекает читателя в процесс интерпретации текста, декодирования информации, которая несёт в себе новые смыслы. Для того чтобы их понять, читателю, как и автору, нужно хорошо владеть языком, поэтому удачное использование деструктивной формы приравнивается к выразительной функции.

Частое использование просторечных форм несклоняемых слов – это упрощённый вариант поиска выразительных средств, т.е. «грамматическая провокация» (Приорова, 2010), которая компенсирует выразительные ресурсы плана выражения потенциальными, русифицированными формами и не приравнивается к выразительным средствам вне речетворчества в силу то, что аграмматичные формы несклоняемых существительных лишаются семантической актуализации вне контекста.

*Докт.филол. наук А.В.Пузырёв, студ. Е.В.Чанаева, студ. Е.А.Шишкина
(Ульяновск)*

КОНСТРУКТИВНАЯ/ДЕСТРУКТИВНАЯ НАПРАВЛЕННОСТЬ МУЛЬТФИЛЬМОВ, или КАКИЕ МУЛЬТИКИ МОЖНО И НЕЛЬЗЯ ПОКАЗЫВАТЬ ДЕТЯМ

В условиях современной ситуации родители часто обращаются к психологам с вопросами о том, какие мультфильмы можно и нужно показывать детям, а какие не следует и, возможно, даже вредно. Отвечая на этот запрос, психологи обычно опираются на свой жизненный опыт, зачастую на своё субъективное представление о том, что можно и чего нельзя показывать детям. Иными словами, интерпретации конструктивности/деструктивности мультфильмов зачастую носят субъективный характер.

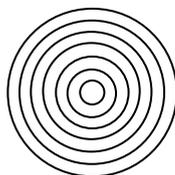
Среди многих родителей широко распространено мнение, что детям можно показывать только отечественные мультики, а западные им показывать всё-таки не следует. Практически всем понятно, что от того, какие дети смотрят мультфильмы, во многом зависит их поведение в детском саду, в школе, на улице и в жизни вообще.

Психологам известно об опытах А.Бандуры, показывавшего детям фильмы, в которых демонстрировались различные образцы поведения взрослого. После просмотра такого фильма дети оставались одни и играли с игрушками, похожими на показанные в фильме. Агрессивность детей по отношению к игрушкам – после просмотра фильма с агрессивными образцами поведения – возросла и была выше, чем у детей, этот фильм не видевших. Она возросла ещё больше, если агрессивное поведение взрослых в фильме получало то или иное вознаграждение. У другой группы детей, смотревших фильм, где агрессивное поведение персонажа было наказано, агрессивность снизилась. Следуя этой логике, мультфильмы про Тома и Джерри агрессивность у детей должны повышать, а мультфильм типа «Ну погоди!» – снижать.

Открытие необихевиористов во многом и состояло в том, что они недвусмысленно выявили зависимость детского поведения от того, какие фильмы дети смотрят. Сложность вопроса заключается в том, что далеко не во всех мультипликационных фильмах имеются факты насилия, тем не менее их трудно называть для детей полезными, а также в том, что эмпирическая проверка конструктивности/деструктивности конкретного мультфильма не всегда возможна.

На наш взгляд, при решении вопроса, вынесенного в заголовок настоящего доклада, вполне возможно пользоваться результатами не только эмпирического, но также теоретического подходов (о различиях эмпирического и теоретического подходов в психологии убедительно писал В.В.Давыдов). В нашей практике при экспертной оценке конструктивности/деструктивности мультфильмов мы, кроме указанной выше выявленной закономерности, опираемся на составленную нами семиуровневую пирамиду установок (ср.: [В.А.Ядов 1975]). Конечно, выделение семи групп установок, с одной стороны, – совершенно произвольно. Число социально-психологических установок (=уровней социализации) может быть увеличено до бесконечности, и групп установок может быть выделено больше. Здесь важно то, что вполне обозримое число групп установок позволяет, как справедливо пишет Г.Олпорт, соблюсти разумное равновесие между слишком тонкими и слишком грубыми для нашей цели различиями [Г.Олпорт 2002: 335], а «магическое» число 7 ± 2 оказывается пределом объёма оперативной памяти человека [Дж.А.Миллер 1964].

С другой стороны, выделение указанных семи групп установок и не вполне произвольно. Оно строится по принципу восхождения от простого к сложному, по принципу расширения сознания от установок нижележащих к установкам вышележащих уровней. В отличие от А.Маслоу, предлагавшего «пирамиду» потребностей, на вершине которой находится «самоактуализировавшаяся личность», нам в большей степени импонировали бы семь концентрически расположенных кругов потребностей и, соответственно, установок – установки физического, личностного, межличностного, этнического, социального, принципиального и интегративного уровней:

В качестве наименьшего круга выступают потребности и установки физического плана, в качестве наибольшего – потребности и установки интегративного характера. Идея концентрически расположенных кругов плодотворна потому, что автоматически предполагает преемственность в развитии, предполагает зависимость развития вышележащих уровней установок от степени развития установок нижележащих. Она адекватна также потому, что отражает последовательность уровней социализации при взрослении личности.

Если уж принимать идущую от А.Маслоу идею «пирамиды» потребностей и установок, то, по нашему мнению, эта пирамида должна быть не только семиуровневой, но также и перевёрнутой, поскольку должна символизировать – при развёртывании жизненного пути – принцип расширения сознания. «В процессе исторического развития круг того, в чём человек нуждается, расширяется» [С.Л.Рубинштейн 2000: 518]; «Человек живёт как бы во всё более расширяющейся для него действительности» [А.Н. Леонтьев 1983 т. II: 216]:

Уровни потребностей и установок:

Подобное решение для психологов новым не является. Когда Э.Эриксона спросили, почему стадии развёртывания жизни у него на схеме изображены по диагонали, он ответил: «Чтобы показать, что то, как решено на 1-й стадии, так же будет решено и на последней» (цит. по: [Л.Д.Столяренко 2000: 123]).

В тех случаях, когда в мультфильме доминируют высшие уровни установок над нижними, когда эти установки носят созидательный, конструктивный характер, данный мультфильм следует считать конструктивным.

Именно таким, по нашему мнению, является известный мультипликационный фильм «Жил был пёс». Этот мультфильм был снят Эдуардом Назаровым в 1981 году по мотивам украинской народной сказки «Серко». Детям он понятен и интересен потому, что в нём, во-первых, действие разворачивается вокруг всего лишь двух персонажей, а во-вторых, потому, что характеры этих персонажей прописаны художественно и психологически очень достоверно.

В этом мультфильме представлены практически все семь уровней установок:

- физический (*Волк: А я всю жизнь тут мотаюсь, и никто мне сам косточку не даст*);
- личностный (*Волк: Щас спою; А теперь точно спою*);
- межличностный (*Волк: А помнишь, как ты меня гонял? Пёс: Не-е. Ты...это...есть хочешь?*);
- этнический (этнические реалии Украины даны в мультфильме настолько ярко, что вряд ли их необходимо пересказывать);
- социальный (*Волк: Ну да, работа такая; Пёс: Дитё не помял?*);
- принципиальный (*Пёс: Не-е. Ты...это...есть хочешь?*);
- интегративный (в фильме очень ярко показана взаимосвязь всего живого, в том числе мира животных и людей).

Доминирующими в мультфильме являются установки принципиального (высокого!) уровня: Пёс не забыл о той услуге, которую в своё время ему оказал Волк, и – по закону равновесия благодарности – дал ему возможность сытно поесть: *Не-е. Ты...это...есть хочешь?* И Волк оценил это. Уходя в лес, он, оглянувшись, многозначительно обронил: *Ты заходи. Если что.* Для главных персонажей мультфильма – Пса и Волка – чрезвычайно важно соответствовать избранным принципам поведения, и они следуют этим жизненным принципам.

Доминирование в мф «Жил был пёс» высших уровней установок над низшими позволяет констатировать созидательный, конструктивный характер этого мультфильма.

Не таким является известный советский мультфильм «Бременские музыканты». Гедонистические установки в нём, безусловно, преобладают. Деструктивность этого мультфильма во многом мотивируется и социотипическими характеристиками персонажей.

Деструктивность этого мультфильма во многом мотивируется и социотипическими характеристиками персонажей [А.Л.Митрохина 2010]. Представляется, что яркая и пламенная любовь главных персонажей – это любовь интуитивно-этического экстраверта, или Гексли (Трубадура) и интуитивно-этического интроверта, или Есенина (Принцессы). Но по законам развития отношений полной противоположности отношения Трубадура и Принцессы не терпят присутствия третьих лиц. Эти отношения могут быть комфортными только в узком кругу знакомых и единомышленников. При посторонних лицах влюблённые обречены на оспаривание мнения друг друга без особых на то аргументов. Как говорится во многих соционических пособиях, союз двух этиков (а этиками и являются Трубадур и Принцесса) приводит к постоянному выяснению отношений, люди просто запутываются в этих отношениях. Насколько прочной может быть любовь, основанная на постоянном выяснении отношений, – предоставим судить читателю.

Мы со студентами решили сопоставить – по их направленности – отечественные мультфильмы трёх периодов: 1940-50-х, 1979-80-х и 2000-2010-х гг. Результаты оказалось возможным свести в три таблицы:

Табл. 1. Мультфильмы 1940-1950 гг.

№№	Название м.-фильма	Режиссёр	Год выпуска	Направленность
1	<i>Гуси-лебеди</i>	Иванов И., Снежко-Блоцкая А.	1949	Конструктивный
2	<i>Чудесный колокольчик</i>	Брумберг В. и З.	1949	Конструктивный
3	<i>Сказка о рыбаке и рыбке</i>	Цехановский М.	1950	Конструктивный
4	<i>Дедушка и внучек</i>	Иванов А.	1950	Конструктивный
5	<i>Когда зажигаются ёлки</i>	Пащенко М.	1950	Конструктивный
6	<i>Ворона и Лисица. Кукушка и Петух.</i>	Аксенчук И.	1953	Конструктивный
7	<i>Карандаш и Клякса, или Весёлые охотники</i>	Мигунов Е. (сценарий и постановка)	1954	Конструктивный

8	<i>Волк и семеро козлят</i>	Носов П.	1957	Конструктивный
9	<i>Лиса и волк</i>	Носов П.	1958	Конструктивный
10	<i>Новогоднее путешествие</i>	Носов П.	1959	Конструктивный

Табл. 2. Мультфильмы 1970-1980 гг.

№№	Название м.-фильма	Режиссёр	Год выпуска	Направленность
1	<i>По следам бременских музыкантов</i>	Ливанов В.	1973	Деструктивный
2	<i>Волк и семеро козлят на новый лад</i>	Аристов Л.	1975	Деструктивный
3	<i>Голубой щенок</i>	Гамбург Е.	1976	Амбивалентный с разрушительным трендом
4	<i>Летучий корабль</i>	Бардин Г.	1979	Амбивалентный с разрушительным трендом
5	<i>Золушка</i>	Аксенчук И.	1979	Амбивалентный с позитивным трендом
6	<i>Как старик корову продавал</i>	Соловьёв А.	1980	Конструктивный
7	<i>Мама для мамонтёнка</i>	Чуркин О.	1981	Деструктивный
8	<i>Верное средство</i>	Прытков Ю.	1982	Конструктивный
9	<i>Чучело-мяучело</i>	Ковалевская И.	1982	Амбивалентный
10	<i>Волк и телёнок</i>	Липскеров М.	1984	Конструктивный

Табл. 3. Мультфильмы 2000-2010 гг.

№№	Название м.-фильма	Режиссёр	Год выпуска	Направленность
1	<i>Моя жизнь</i>	Березовая Н.	2000	Деструктивный
2	<i>Лиса-сирота (Гора самоцветов)</i>	Гордеев С.	2004	Конструктивный
3	<i>Обещание (Смешарики)</i>	Чернов Д., Мусин О., Соколов Р., Минченко А.	2004	Амбивалентный
4	<i>Масленица (Смешарики)</i>	Чернов Д., Мусин О., Соколов Р., Минченко А.	2004	Амбивалентный

5	<i>Жихарка (Гора самоцветов)</i>	Ужинов О.	2006	Конструктивный
6	<i>Лунный гость (Лунтик)</i>	Шмидт Д.	2006	Амбивалентный
7	<i>Своими словами (Лунтик)</i>	Шмидт Д.	2006	Амбивалентный с разрушительным трендом
8	<i>Подкидыш (Маша и медведь)</i>	Козич Р.	2007	Деструктивный
9	<i>День варенья (Маша и медведь)</i>	Ужинов О.	2007	Деструктивный
10	<i>Сказание о Петре и Февронии</i>	Михайлова Н.	2008	Амбивалентный с разрушительным трендом

Созидательная направленность советских мультфильмов 1940-50-х годов не вызовет возражений ни у одного родителя. В этих фильмах дети знакомятся с классической литературой (*Сказка о рыбаке и рыбке, Ворона и Лисица. Кукушка и Петух*), с народными сказками (*Чудесный колокольчик, Волк и семеро козлят, Лиса и волк*), знакомятся с правилами хорошего поведения и т.д. Моральные императивы даются в ясной, прозрачной и доступной форме. Во всех этих мультфильмах добро побеждает зло, причём справедливость моральных оценок авторов (что есть добро, что есть зло) не вызывает никаких сомнений. Во всех мультфильмах этого периода высшие установки доминируют над низшими, а следование персонажа установкам нижнего порядка всегда наказывается.

Несколько иная ситуация наблюдается в мультфильмах двух других периодов. В них зачастую создаётся новая мифология, подвергающая сомнению традиционные национальные ценности. Таков, например, мультфильм *Волк и семеро козлят на новый лад* (1975). В этом мультфильме проводится мысль, что козлятам не следует бояться волка – достаточно лишь уметь хорошо петь и плясать. Вряд ли эта рекомендация соответствует требованиям здравого смысла, хотя по жизни можно видеть достаточно много козлят, которые только и умеют, что петь и плясать и при этом совсем не боятся волков.

Мы уже говорили о мультфильме «Бременские музыканты» и его продолжении – «По следам бременских музыкантов». Основная мысль афористично выражена стержневой песни, прекрасно исполняемой известным певцом: *Ничего на свете лучше не-ету, Чем бродить, друзья, по белу све-ету...* Как известно, глагол *бродить* связан с передачей значения бесцельного передвижения. Иными словами, песня-лейтмотив в мультфильме рекомендует детям совершать действия без смысла и определённой целевой ориентации. И эта рекомендация вряд ли соответствует требованиям здравого смысла.

На первый взгляд, созидательным является известный мультфильм «Золушка». Труженица Золушка получает вознаграждение (в неё влюбляется принц), а злостные и противные нахлебницы, сидящие у неё на шее, остаются

ни с чем. Но у истории Золушки возможна и другая интерпретация. По авторитетному мнению Э.Берна, эта история допускает наличие и «второго дна», сюжет оказывается гораздо сложнее, чем на первый взгляд. Любопытно чередование психологических ролей Золушки: Жертва – Преследователь – Спаситель (Э.Берн 1988: 309). Сказанного, полагаем, вполне достаточно, чтобы отнести данный мультфильм не к созидательным, а к амбивалентным с позитивным трендом.

Безусловно деструктивным является мультфильм «Мама для мамонтёнка», главная мысль которого маскируется красивой мелодией и чрезвычайно трогательными словами. Физический и личностный уровни установок в нём не представлены. Присутствует межличностный уровень: слониха приняла мамонтёнка к себе в семью, хотя это не её ребёнок и он несколько не похож на неё. Этнический уровень отсутствует. Вернее, он присутствует как «нулевой»: в фильме приветствуется принятие в семью детей несколько иной, нежели своя, национальности. Настоящая мама, по абсолютно непонятным причинам, бросила своего ребёнка на произвол судьбы, абсолютно не побеспокоившись, что с ним произойдёт дальше. А ведь он ещё маленький, за ним ухаживать надо. В итоге его одного отправили через весь океан, непонятно куда, искать маму, причём реальные шансы на успешное пересечение океана и усыновление были очень и очень малы. Принципиальный и интегративный уровни установок отсутствуют. Фактически мультфильм оказался частью идеологической кампании отдавать российских детей для усыновления/удочерения за океаном.

В мультфильмах из серии «Смешарики» вроде бы нет ничего плохого, но этнический уровень установок в них (*Обещание, Масленица*) не представлен совершенно. Сказанное полностью справедливо и по отношению к мультфильмам из серии «Лунтик» (*Лунный гость, Своими словами*). Введение в мультфильм новых социальных мифов при забвении мифов национального характера и заставляет считать эти мультфильмы амбивалентными с разрушительным трендом.

В бóльшей степени деструктивными следует считать мультфильмы из серии «Маша и Медведь». Детям показывать их можно показывать, вероятно, только тогда, когда эти дети из детского возраста выйдут. Чего сто́ит, например, ситуация, при которой Маша, перепортив всё, что можно, в день варенья, в качестве извинения готовит Медведю своё, не вполне традиционное варенье разных видов (из помидоров, моркови и т.п.). Тот, кто хотя бы раз готовил варенье, понимает реальную сложность его приготовления. Четырёхлетней девочке сварить варенье с первого раза удачно – всё равно что без спортивной подготовки прыгнуть в высоту на два метра двадцать сантиметров. К тому же в фильмах этой серии размывается архетипический образ Медведя – начальника леса жизни (об архетипическом характере образов *волка, лисы и медведя* в русских народных сказках см., например: А.В.Пузырёв 2008). Полная нереальность сюжета, разрушение национальных стереотипов и позволяет считать мультфильмы этой серии деструктивными.

Вряд ли следует доказывать деструктивную направленность мультфильма «Моя жизнь», где все очень хорошие и правильные слова произносятся глав-

ным персонажем – поросёнком. Очень высокая реалистичность передачи поросёной сущности главного персонажа заставляет относиться ко всем его словам как демонстрации ироничности авторов фильма, а ирония, как известно, способ сообщения произносимым словам противоположного смысла. И когда главный герой рассуждает: «Но если бы мне пришлось выбирать, я бы хотел быть тем, кто я есть, потому что это мой мир, я в нём живу», – это правильные слова человека-поросёнка, который хочет стать свиньёй.

Условно выделенные второй и третий периоды характеризуются минимумом конструктивных, созидательных мультфильмов. В этом смысле, деструктивные процессы при создании мультфильмов для детей могут быть зафиксированы уже в советское время, незадолго до и во время перестройки.

Даже мультфильм *Сказание о Петре и Февронии*, рассказанный подчёркнуто будничным и прозаичным языком, трудно посчитать созидательным, поскольку низводит чрезвычайно поэтичную легенду на уровень бульварной повестушки и, как показывают опросы зрителей, уважения и преклонения перед главными героями не вызывает.

Светлыми исключениями из общего списка второго и третьего периодов представляются мультфильмы *Как старик корову продавал* (1980), *Верное средство* (1982), *Волк и телёнок* (1984), *Лиса-сирота* (2004) и *Жихарка* (2006) из серии «Гора самоцветов».

В мультфильме *Как старик корову продавал* представлены следующие уровни установок: 1) физический (мультике говорится о получении/неполучении денег); 2) личностный (показывается глупость, недалёкость, высокая внушаемость старика); 3) межличностный (неуспешное взаимодействие старика и продавца его коровы); 4) этнический (высокая узнаваемость, реалистичность описываемого российского быта); 5) социальный (высмеивается глупость и говорится, что нужно быть умнее. Глупость наказывается: старик остаётся без денег. Ум представлен как ценность); 6) принципиальный (на примере старика и паренька, который хотел помочь, в фильме говорится о том, что не следует предлагать помощь глупым: они не поймут и не оценят); 7) интегративный (в фильме подчёркивается необходимость осознания всех своих психологических ролей, дабы быть успешным).

Из фильма следует, что если работать на глупого, то мастерство востребовано не будет. Неуспешный (в данном случае это старик) так и останется неуспешным. Не следует оказывать помощь тому, кто её не оценит и не примет, а кроме того, может и обманщиком посчитать. Ведь когда старик поймёт, что паренёк говорил неправду, он так и сделает: он будет считать того, кто хотел помочь, обманщиком. Очень важно следовать выработанным заранее договорённостям и их не нарушать. Мультфильм высмеивает глупость и наказывает её, а потому и является созидательным.

В мультфильме *Верное средство* друзья помогают медвежонку заснуть и играют для него колыбельную. Ярко и образно проводится мысль о том, что друзья всегда придут на помощь, а дружба является большой ценностью. Поскольку фильм учит детей взаимопониманию и взаимовыручке, он, безусловно, является фильмом с ярко выраженными созидательными установками.

Во всех названных мультфильмах (*Как старик корову продавал*, *Верное средство*, *Волк и телёнок*, *Лиса-сирота* и *Жихарка* из серии «Гора самоцветов») добро торжествует над злом, обманщики-манипуляторы наказываются, а глупость и хитрость показаны во всей их бесперспективности.

Для нас существенно то обстоятельство, что далеко не все советские мультфильмы являются созидательными. Именно поэтому и необходимым представляется использование предложенной пирамиды установок при определении созидательной или деструктивной направленности мультфильмов. Самое главное её достоинство заключается в том, что её использование позволяет экономить время и переводит толкование конкретного мультфильма как созидательного или разрушительного на уровень конкретных, вполне объективных мыслительных операций.

ЛИТЕРАТУРА

Берн, Э. Игры, в которые играют люди: Психология человеческих взаимоотношений; Люди, которые играют в игры: Психология человеческой судьбы [Текст] / Э. Берн ; пер. с англ. – М.: Прогресс, 1988. – 400 с., ил.

Леонтьев, А. Н. Избранные психологические произведения: в 2-х т. [Текст] / А. Н. Леонтьев. – М. : Педагогика, 1983.

Миллер Дж.А. Магическое число семь плюс или минус два: О некоторых пределах нашей способности перерабатывать информацию [Текст] / Дж. А. Миллер // Инженерная психология. Сб. статей. Под ред. Д.Ю.Панова и В.П.Зинченко. М., 1964. С. 192-225.

Митрохина А.Л. Общая соционика. Информационный метаболизм психики. Учебно-прикладное пособие. – М.: Чёрная белка, 2010. – 544 с. – (Библиотека SOCIONICA. Прикладная соционика).

Олпорт, Г. Становление личности : избранные труды [Текст] / Г. У. Олпорт. – М. : Смысл, 2002. – 462 с.

Пузырёв А.В. Образы *волка*, *лисы* и *медведя* в русских народных сказках как проявление генетической памяти // Язык и мышление: Психологические и лингвистические аспекты. Материалы VIII-й Международной научной конференции (Ульяновск, 13-17 мая 2008 г.) / Отв. ред. проф. А.В.Пузырёв. – М.; Ульяновск: Институт языкознания РАН; Ульяновский государственный университет, 2008. – С. 26-35.

Рубинштейн, С. Л. Основы общей психологии [Текст] / С.Л.Рубинштейн. – СПб. : Питер, 2000. – 712 с.: ил. – (Серия «Мастера психологии»).

Столяренко, Л. Д. Педагогическая психология [Текст] / Л. Д. Столяренко. – Ростов-на-Дону : Феникс, 2000. – 544 с. – (Серия «Учебники и учебные пособия»).

Ядов, В. А. О диспозиционной регуляции социального поведения личности [Текст] / В.А.Ядов // Методологические проблемы социальной психологии. – М.: Наука, 1975. – С. 89-105.

О НЕКОТОРЫХ ЛИНГВИСТИЧЕСКИХ АСПЕКТАХ ГЛОБАЛИЗАЦИИ

Есть множество определений глобализации, но в целом она понимается как некий процесс усиления взаимодействия, взаимозависимости, взаимопроникновения, углубления связи между народами и их культурой, экономикой и политикой. Но есть среди множества определений и такие, которые обращают внимание не только на интегративный характер глобальных мировых процессов, но и на рост унификации в области культуры, экономики и политики. Эти две тенденции составляющие суть глобализации не могли не оказать влияние и на языковую ситуацию во всём мире. Интеграция всё больше выглядит как доминирование экономически сильных государств над более слабыми, что выражается в «поглощении» их экономик, культур, влиянии на политический строй. США часто служат примером сильной державы, имеющей неограниченное воздействие на культуру, экономику и политику других государств. Но глобализация не сводится только к американизации. Каким бы слабым ни было государство, внутри него всегда есть ещё более мелкие и зависимые группы – национальные меньшинства, коренные и малые народы. Эти меньшинства могут полностью зависеть от экономики и политики большинства, но язык и культура позволяют таким группам поддерживать свою самобытность. Язык в глобальной ситуации выступает не только как катализатор самостоятельности народа, но и как необходимый признак его существования. Унификация как одна из сторон глобализации, проявляясь в области языка и культуры наносит ощутимый удар по многоязычию, языковой и культурной самобытности народов. Как показывают исследования ЮНЕСКО, из ныне существующих в мире примерно 6.000 языков около 3.000 находятся на грани исчезновения и могут прекратить свое существование навсегда [1].

Основным двигателем языковой глобализации часто называют информационные и коммуникационные технологии (ИКТ). Э. Пим определяет глобализацию как «снижение стоимости коммуникации вследствие применения технологий. ...Это снижение стоимости привело как к росту значимости английского языка в качестве международной лингва-франка и росту глобального спроса на переводы» [4, перевод автора статьи].

Процессы глобализации, создание информационного общества ведут к тому, что резко сужается круг языков международного общения. Для обозначения языков с ограниченным количеством электронных ресурсов в сети Интернет появился новый термин – «языки низкой плотности» (low-density languages). Многие из них постепенно выводятся из жизни мирового сообщества. Параллельно этому процессу набирают силу и популярность так называемые «языки высокой плотности» (языки с большим количеством электронных ресурсов в сети Интернет), а английский язык превращается (или уже превратился) в глобальный язык межнационального общения.

Сложная взаимозависимость между глобализацией и культурным разнообразием затрудняет прогнозирование изменений в распределении языков, сопровождающих дальнейшее развитие социальной интеграции. Дж. Пул в своей ста-

тье об «однойязыковой глобализации» подчёркивает наличие двух разнонаправленных процессов воздействия на мультикультурализм. Прогресс в развитии ИКТ рассматривается им как инструмент развития глобального взаимодействия между сообществами, что, в свою очередь, ведёт к отказу от применения языков низкой плотности, вспомогательных и коренных языков в пользу языков высокой плотности. Такая тенденция позволяет предсказывать снижение лингвистического разнообразия с ростом глобализации. Тем не менее, технологический прогресс в то же самое время способствует развитию инструментов и ресурсов для восстановления и развития языков низкой плотности и созданию жизнеспособных сообществ за пределами языковых диаспор. Такое направление прогресса могло бы привести к мирному сосуществованию языкового разнообразия и глобализации [3].

Если глобализация может оказывать одновременно и положительное и отрицательное воздействие на языковое разнообразие, то можно сделать вывод, что это воздействие зависит от мотивации человека. Чем больше мировое население стремится участвовать в языковом разнообразии, тем больше носители языков с низкой плотностью будут стремиться сохранять и распространять свой язык, и тем больше они будут использовать для этих целей ИКТ, что, соответственно, приведёт к изменениям во взаимодействии процессов глобализации и культурного разнообразия. В настоящее время к языкам низкой плотности относятся как к второстепенным и даже избыточным. При таком отношении к языкам возникает уверенность, что ассимиляция и причастность к языкам с более высокой плотностью несёт неоспоримые сетевые преимущества ассимилируемым языкам в случае, если стоимость ассимиляции не слишком высока [3]. Глобализация снижает эту стоимость, создавая возможности для массового изучения языков высокой плотности. Такая ситуация порождает предположения о том, что от 50 до 90 процентов существующих на данный момент языков могут исчезнуть в течение следующего столетия [7].

Международные организации и правительства государств должны предпринять серьёзные меры по укреплению позиций национальных языков и развитию культурного разнообразия. 11 декабря 2009 года был сделан важный шаг к расширению лингвистического разнообразия в Интернете: ЮНЕСКО и ICANN, организация, занимающаяся регулированием вопросов, связанных с доменными именами пользователей Интернета, подписали соглашение, которое будет содействовать использованию первых многоязычных доменных имен. Подписание этого соглашения стало возможным благодаря решению Корпорации по присвоению доменных имен и номеров в Интернете (ICANN) о введении многоязычных доменных имен на языках, отличных от английского. До настоящего времени имена указывались только по-английски (например, .org, .com). С 16 ноября 2010 года – даты начала первого этапа плана - ICANN стала принимать заявки от представителей всех стран и территорий на новые коды на арабском, китайском и других языках. Пользователи нелатинской письменности получили, таким образом, возможность доступа к адресам на их родном языке. 12 мая 2010 года домен «.рф» был официально делегирован России, заработали первые кириллические адреса в Сети. Ими стали имена «Прези-

дент.рф» и «Правительство.рф». По состоянию на конец 2011 года, в российском кириллическом домене зарегистрировано более 900 тысяч имен (при этом в домене «.ru» – около 3,5 миллионов).

Так называемые «вызовы» глобализации ставят перед всемирным сообществом новые, ранее не существовавшие лингвистические задачи. Для решения таких задач нужны новые специалисты, способные ориентироваться в глобальных языковых процессах. Необходимость в воспитании и профессиональной подготовке лингвиста нового типа отмечается на самом высоком уровне. В Парижской декларации Организации экономического сотрудничества и развития (ОЭСР) от 23 июня 2010 года говорится: «Отмечая нехватку профессиональных лингвистов во всём мире, участники [встречи] подчёркивают необходимость более глубокого осознания школами и университетами важности изучения языков и карьерных возможностей профессионалов в языковой области. Без нового поколения подготовленных лингвистов и профессионалов со знанием языков международные организации не будут способны выполнять свои насущные задачи» [2, перевод автора].

Языковая ситуация в мире находится в несомненной зависимости от глобальных экономических и политических процессов. Борьба одних языков за господство, а других за выживание не может не влиять на лингвистическую деятельность и науку во всём мире. Страны в различных уголках мира вступают друг с другом в отношения различного характера гораздо чаще и в результате большего количества факторов: войны (в конфликты и столкновения теперь вовлекаются государства, в индустриальную эпоху не вступавшие в такого рода взаимодействие), экономический кризис, общие проблемы, общие интересы и пр. Этот процесс развивается ещё стремительней за счёт применения информационных и коммуникационных технологий, которые способствуют распространению и обмену информацией. На социальном уровне глобализация побуждает лингвистов (как теоретиков, так и практиков) стать важными посредниками между культурами, способствующими росту взаимопонимания между странами. Нельзя отрицать, что в результате глобализации люди стали стремиться к знакомству с другими культурами, а наилучший способ достигнуть этого – изучить язык или прибегнуть к переводу. И именно здесь важную роль могут сыграть переводчики и преподаватели иностранных языков.

Глобализация означает, что все более возрастает роль личных контактов людей, а следовательно, – вербальной коммуникации, в том числе международной, которая требует знания иностранного языка. Знание иностранных языков становится одним из главных факторов как социально-экономического, так и общекультурного прогресса общества. Иностранный язык выполняет огромную роль в формировании личности и повышении образования, ведь с помощью него можно получить непосредственный доступ к иноязычным информационным потокам, познакомиться с культурой других стран, получить возможность непосредственной коммуникации с представителями других народов. Поэтому не удивительно, что в последнее время в нашей стране существенно вырос интерес к иностранным языкам, главным образом – к английскому. Теперь знание двух и более языков – это несомненный атрибут любого современ-

ного высокообразованного человека. Владение иностранным языком стало настоящей потребностью, определяющей карьерные возможности специалиста. Новая политическая обстановка, расширение международного сотрудничества и международных контактов требуют сегодня более глубокого владения иностранным языком. Как мы уже говорили, на первое место по популярности изучения в качестве второго языка выходит английский, становящийся мировым языком общения. Следует отметить, что изучение языков всё чаще производится с применением информационно-коммуникационных технологий. То есть мы снова возвращаемся к вопросу об ИКТ как двигателе глобализации. Согласно новейшему отчёту аналитической компании Ambient Insight, глобальный рынок «цифрового» изучения английского языка растёт в среднем на 14,5% в год (подсчёты за последние пять лет). При этом в Китае Малайзии этот рост составляет в среднем около 40%. Россия также входит в десятку стран с наибольшим ростом этого сегмента рынка – ежегодный рост рынка изучения английского языка с применением ИКТ составляет в нашей стране более 20% [5]. Популярность иностранных языков и «цифрового» способа их изучения напрямую влияет на потребность в подготовке преподавателей иностранного языка нового типа – владеющих новейшими технологиями и вооружённых знаниями не только о языке и культуре стран изучаемого языка, но и глобальных процессах, влияющих на эти языки и культуры, и способных дать языковые знания специалистам в самых разных сферах деятельности.

Нельзя не отметить, что глобальные тенденции воздействуют и на рынок переводов: границы между государствами становятся прозрачнее, международная торговля усиливается, местные экономики утрачивают самостоятельность, вливаясь в глобальный рынок. Кроме того, нельзя забывать о воздействии сети Интернет, использование которой уже стало нормой жизни в большинстве стран. С ростом популярности сети и её сервисов продолжает расти потребность в переводе. Сайты компаний становятся мультязычными, растут возможности онлайн перевода, повышается спрос на переводческие услуги. Согласно некоторым очеркам среднегодовой рост рынка переводов за последние пять лет составляет 13,15% [6]. Глобализация повышает потребность не только в техническом переводе, но и в художественном. Появилось понятие «мирового бестселлера» – книги, которая переводится на огромное количество языков (например, серия книг английского автора Дж. Роулинг о Гарри Потере переведена на 67 языков мира). В меняющемся мире рост значимости переводческой деятельности и личности переводчика неизбежен.

Подводя итоги, можно сказать, что глобальные мировые процессы оказывают одновременно и положительное, и отрицательное влияние на языковую ситуацию в мире. С одной стороны, глобализация объединяет людей, поощряет интерес к другим языкам и культурам. С другой – способствует уменьшению культурного разнообразия в результате унификации. Роль лингвиста в глобальном мире повышается за счёт растущей потребности в переводе и изучении иностранных языков. Глобализация влияет и на представление о профессиональных качествах современного специалиста в области лингвистики, по-

вышая значение ИКТ-компетенции среди других необходимых компетенций лингвиста.

ЛИТЕРАТУРА:

1. Атлас языков, находящихся под угрозой исчезновения, ЮНЕСКО: [сайт]. URL: <http://www.unesco.org/new/ru/culture/themes/endangered-languages/atlas-of-languages-in-danger/> (дата обращения: 03.05.2012).

2. Paris Declaration, 23rd June 2010, http://ec.europa.eu/commission_2010-2014/vassiliou/multimedia/pdf/crp.2_paris_declaration_2010.pdf (дата обращения: 03.05.2012).

3. Pool J. Panlingual Globalization // Prepublication version: Chapter 6 in Handbook of Language and Globalization, ed. Nikolas Coupland (Wiley-Blackwell, 2010), pp. 142–161. URL: <http://utilika.org/pubs/etc/panglob-prepub.pdf> (дата обращения: 03.05.2012).

4. Пым А. Globalization and the Politics of Translation Studies , 2003. URL: http://usuaris.tinet.cat/apym/on-line/translation/globalization_canada.pdf (дата обращения: 03.05.2012).

5. The Language Services Market 2011 URL: http://www.commonseadvisory.com/Portals/_default/Knowledgebase/ArticleImages/110531_R_Language_Services_Market_Preview.pdf (дата обращения: 03.05.2012).

6. The Worldwide Market for Digital English Language Learning Products and Services: 2011-2016 Forecast and Analysis. URL: <http://www.ambientinsight.com/Resources/Documents/AmbientInsight-2011-2016-Worldwide-Digital-English-Language-Learning-Market-Overview.pdf> (дата обращения: 03.05.2012).

7. Woodbury A.C. What is an Endangered Language? // Linguistic Society of America, 2006. URL: <http://lsadc.org/info/ling-faqs-endanger.cfm> (дата обращения: 03.05.2012).

Канд. филол. наук Е.Н. Сердобинцева (Пенза)

НАГЛЯДНО-ДЕЙСТВЕННЫЙ СПОСОБ МЫШЛЕНИЯ И МОРФОЛОГИЧЕСКОЕ СЛОВООБРАЗОВАНИЕ В ПРОФЕССИОНАЛЬНОЙ ЛЕКСИКЕ РУССКОГО ЯЗЫКА

Мышление как высшая форма отражения окружающего мира «есть обобщенное и опосредованное словом познание действительности». Оно направлено на формирование понятий, которые способствуют решению возникающих перед человеком задач (Е.Н. Николаева).

Различают две стадии становления мышления: допонятийную и понятийную. Допонятийное мышление оперирует конкретными образами, понятийное мышление представлено понятиями (Л.Д. Столяренко). На стадии допонятийного мышления формируется практический вид мышления, который подразделя-

ется на наглядно-действенное и наглядно-образное. Отличие допонятийных видов мышления от понятийных заключается в том, что наглядно-действенное и наглядно-образное виды мышления непосредственно привязаны к конкретной действительности и взаимодействуют с кратковременной и оперативной памятью, а словесно-логическое и образное виды мышления функционируют через образ или понятие.

Деление на теоретическое и практическое мышление осуществляется по типу решаемых задач и структурно-динамических особенностей мыслительного процесса. Теоретическое мышление связано с познанием законов, а практическое мышление – это «подготовка физического преобразования действительности: постановка цели, создание плана, проекта, схемы» (Л.Д.Столяренко).

Практические виды мышления проявляются у человека в его практической деятельности, когда происходит непосредственный физический контакт с объектами действительности.

Профессиональная сфера – это, прежде всего, практическая деятельность человека, поэтому для нее характерны наглядно-образное и наглядно-действенное виды мышления. Наглядно-действенное мышление несет информацию о действии, производимом в данный момент при решении производственной задачи. Яркое вербальное выражение этого вида мышления можно увидеть в профессиональной диалектной лексике как в глагольных наименованиях, так и в именных: у сапожников – *валить, засапожничать, валильщик, затяжка, набивень, набойка, насувень, натяжки, обрезки, ошлепок*; у пекарей – *выкатывать, будеженить, заветрить, заварнакать, забусеть, заворотень, завертень*; у рыбаков – *камшиничать, лосманить, ботать, бурлочит, глоть, гребя*; у торговцев – *краморить, закупаться, наймать, быкодорить, варять, бральщик, бор, выбой, буян, закупленье, закупня, запертие, забо*; у охотников – *залесоваться, лисовать, медвежевать, гонка, залаз, заседы, залезы* и т.д.

Современная профессиональная лексика также содержит факты проявления наглядно-действенного мышления: *переводка, переноска, зарядчик, заглушить, загорать, заправщик, залатать, заливка, засбруиться, воз* у автомобилистов; *балансировка, буксировка, блудануть, болтанка, валежка, дожим, мигалка, опрокинуться, сброс, тряска* в авиации; *брошюровка, гладилка, клиширование, квасцевание, бигование* в полиграфии; *болтушка, брожение, вейки, выколотки, вырубка, высечка, дранье, дробилки, дрожжевар, делитель, дозировка, заварка, закладочник, мазилка, отлежка* в хлебопекарном деле; *врубать, опознаватель, отмотка, остаривание, отражатель, подложка, подпитка* в электронной промышленности др.

У профессиональных наименований, образованных морфологическим путем, преобладает суффиксальный: *бродни* (сапож.), *болванить, жарочки* (хлеб.), *волокумичник, бродчик, гребельщик, ловейка* (рыбол.), *арить, белковать, дармовать* (охотн.), *текучка, ходка, гоньба, жилец* (авто.), *блудила, болтать, рулежка* (авиа.), *бегунок, вертушка* (электр) - и префиксально-суффиксальный способы словообразования: *обосоножиться, окаблучиться, переобуткаться* (сапож.), *выкатка, загибешка* (хлеб.), *выкупливати, вызвонки* (торг.), *излов, залежка* (охот.), *раздатка, залипать* (авто.), *продувка, вспухание*

(авиа.), *выколотка заклейка* (полигр.), *прозвонка, сдвигатель* (электр.). Реже можно встретить основосложение: *катовалить* (сапож.), *картонорубилка* (полигр.), *мешковыбивалка* (хлеб.).

Семантика корня содержит указание на предмет, который непосредственно участвует в действии (*двуключина* – лодка с двумя парами ключин), на его функцию (*держак* – длинный шест, который держит две дуги с натянутой на них квадратной сеткой для ловли рыбы) или на действие, производимое в заданной ситуации (*котовщик* – сапожник, делающий коты; *каток* – рубчатая деревянная палка, с помощью которой формуют голенища валенок, им «катают» голенища). Аффиксы лишь уточняют указанную семантику. Это позволяет не перегружать оперативную память человека информацией, которая затрудняет восприятие и мешает сконцентрировать внимание. Профессионализмы, образованные морфологическим способом, позволяют проследить специфические особенности наглядно-действенного мышления, которые отражают действия, непосредственно производимые с объектами профессиональной деятельности. Они помогают быстро и легко ориентироваться в процессе производства, повышая его эффективность.

Канд. филос. наук В.Н. Смирнова (Пенза)

ПЕРЕДАЧА ФУНКЦИОНАЛЬНО-СТИЛЕВЫХ ОСОБЕННОСТЕЙ ПРИ ПЕРЕВОДЕ ТЕКСТА ДЕЛОВОГО ПИСЬМА

Обобщая анализ результатов практической деятельности будущих специалистов по квалификации «Переводчик в сфере профессиональной коммуникации» в техническом вузе в области перевода англоязычных деловых писем на русский язык, мы встречаемся с нарушениями, связанными с передачей стилистических характеристик оригинала. И хотя в номенклатуре переводческих ошибок данный тип нарушений отечественные исследователи относят ко второй по значимости группе после смысловых неточностей [Д.М.Бузаджи и др. 2009: 53], наличие жанровых ошибок демонстрирует недостаточную межстилевую языковую компетенцию переводчика в исходном языке (ИЯ) и переводящем языке (ПЯ) и приводит к некачественному переводу.

В теоретическом толковании деловое письмо — обобщенное название деловых текстов, имеющих правовую значимость, выделяемых в связи с особым способом передачи информации, отражающих определенную производственную ситуацию, отличающихся единством темы, особым графическим оформлением и композиционным построением, временной и пространственной точностью, документальностью, конкретностью, использованием средств речевого этикета для обеспечения адекватности восприятия содержания адресатом [А.А.Жданов и И.Ф.Жданова 2002: 6]. Жанр официально-делового письма реализуется средствами делового функционального стиля. Традиционно стилеобразующими признаками текста делового письма являются официальность, точность, краткость, стандартность.

Коммуникативной целью текста официально-делового письма является установление контакта между деловыми партнерами, сообщение актуальной информации. В деловой переписке важнейшую роль играет когнитивная (объективная) информация, что дает основание отнести текст делового письма к примарно-когнитивным [И.С.Алексеева 2010: 317].

Язык официальных документов на английском и русском языках — это своеобразный набор клише, штампов, стандартов, отличающихся известной унификацией. Дифференциальный признак краткости официально-деловых писем определяется максимальным сокращением вступительных и заключительных формулировок, исключает образные стилистические средства, такие, как, например метафора и образные сравнения. Формулы вежливости создают позитивную эмоциональную коннотацию когнитивной деловой информации. Условно-эмоциональный тип информации официально-делового англоязычного письма (обращение, заключительная формула вежливости) может представлять трудность для начинающего переводчика.

В русскоязычном деловом дискурсе существуют формальные особенности, присущие типу деловых писем, что требует от переводчика внимания к форме и знаний соответствующих узуальных правил для данных текстов. К лингвистическим особенностям русскоязычного текста делового письма следует отнести письменную литературную форму (устойчивые обороты речи), использование терминов, номинативность стиля (преобладание существительных), пассивные конструкции (в описаниях правовых и технологических норм), сокращения, имена собственные, титулы, звания, формальная и нейтральная лексика и отсутствие эмоционального синтаксиса. Эмоциональная информация в деловом русскоязычном письме условна и формализована, создает лишь благоприятный фон для восприятия когнитивной информации.

Знание стандартизированных русскоязычных словосочетаний ускоряет подготовку перевода английского официально-делового письма. Для русскоязычных официально-деловых писем типичны следующие стандартные фразы начала предложений: *Ввиду срочности заказа...; В связи с уточнением плана прибыли...; Согласно Вашей просьбе...; Согласно распоряжению начальника управления...; Заранее благодарны...; Пользуясь случаем; В дополнение к нашему предложению... .* Деловые письма юридических лиц (предприятий, фирм, кооперативов, общественных организаций) излагаются: от 3-го лица ед. ч.: *фирма «уведомляет», «сообщает», «просит», «предупреждает», «примет меры»* или от 1-го лица мн. ч.: *«сообщаем», «предупреждаем», «направляем», «отказываемся», «просим»* и др.

Для англоязычных официально-деловых писем характерно употребление лексических штампов, утративших свой буквальный смысл. Поэтому сохранение утраченной стилевой экспрессии английских фраз будет восприниматься как нечто излишнее и неуместное. При переводе официальной стандартной формы обращения *“Dear Sirs”* стилистически немотивированным было бы использование прямого значения слова *“dear”* — *«дорогой»*, утратившего прямую эмоциональную экспрессию в английском обращении *“Dear Sirs”*. Традиционно

рекомендуемым вариантом перевода на русский язык является «*Уважаемые господа*».

Поиск русского соответствия для английских заключительных форм вежливости: “*Faithfully yours*”, “*Yours truly*”, “*Sincerely yours*” также должен определяться учетом функционально-стилевых особенностей ПЯ. С этой точки зрения предпочтительным вариантом перевода для указанных форм в условиях современной стилевой ситуации русскоязычного делового дискурса является «*С уважением*», нежели формулы высокого стиля: «*Искренне Ваш*» или «*Ваш почтенный слуга*».

К наиболее распространенным переводческим нарушениям в работе над англоязычными текстами официально-делового стиля следует отнести случаи наличия в тексте перевода лексических или грамматических единиц, принадлежащих иному функциональному стилю. Так, при переводе стандартных фраз: *We are delighted to report...*; *We are pleased to inform...*; *We look forward to the pleasure of...*; *We have pleasure in offering you...*, включающих иностилевые элементы (*delighted, pleased, pleasure*), следует избегать использования оборотов, противоречащих официально-деловому тону русскоязычного делового письма. При переводе на русский язык рекомендуется использовать фразы со сниженной эмоциональной экспрессией:

“*We are delighted to report ...*” — «*С удовлетворением сообщаем...*», а не «*С восторгом сообщаем...*»;

“*We look forward to the pleasure of ...*” — «*Надеемся на ...*», а не «*С нетерпением ожидаем удовольствия...*».

Фразе “*We have pleasure in offering you...*” следует переводить «*Рады предложить Вам...*», избегая буквального инварианта «*Имеем удовольствие предложить Вам...*». Стилистически немотивированным также явился бы перевод фразы “*We have great pleasure in announcing...*” — «*С великим удовольствием сообщаем...*», рекомендуемым вариантом перевода является — «*С удовлетворением сообщаем...*».

В процессе анализа перевода фразы “*We are happy to inform...*” можно встретить стилистически несогласованный вариант «*С радостью сообщаем...*», в то время как обиходно-бытовой оборот «*с радостью*» создает жанровый контраст и противоречит официально-деловому стилю русского языка. При переводе необходимо учитывать денотативные свойства английского слова “*happy*”, использующегося в большей степени в значении «*довольный*», а не «*счастливый*». Таким образом, рекомендуемым вариантом перевода в данном случае является «*С удовлетворением сообщаем...*».

К другим случаям немотивированного использования иностилевых элементов в русскоязычном тексте перевода относятся следующие:

1. Все расходы и убытки, связанные с нарушением контракта будут *целиком* (курсив — В. С.) отнесены на Ваш счет.

В данном примере просторечие «*целиком*» контрастирует с официально-деловой направленностью высказывания и требует контекстуальной замены.

Рекомендуемый вариант перевода: Все расходы и убытки, связанные с нарушением контракта будут *полностью* отнесены на Ваш счет.

2. Оригинал: Our products are *tremendously* (курсив — В. С.) successful over here in the UK. [Б.Абегг 2006: 95].

Перевод: Наш товар пользуется *потрясающим* спросом в Соединенном Королевстве.

Немотивированный выбор иностилевого элемента со значением «*потрясающий*» является причиной отклонения от официально-делового стиля в тексте перевода.

Рекомендуемый вариант перевода: Наш товар пользуется *значительным* спросом в Соединенном Королевстве.

3. Оригинал: Waxed cotton clothing is now *all the rage* (курсив — В. С.) and the market is expanding fast [Б.Абегг 2006: 95].

Перевод: Одежда из хлопчатобумажной ткани сейчас *на гребне моды*, и рынок быстро расширяется.

Немотивированное сохранение стилевой экспрессии идиомы *to be all the rage* (быть на гребне моды) нарушает официально-деловой тон письма. Во избежание нарушения стилистической целостности текста перевода рекомендуется следующий вариант перевода:

Одежда из хлопчатобумажной ткани сейчас *пользуется значительным спросом*, и рынок быстро расширяется.

4. Оригинал: We *unfortunately* (курсив — В. С.) have *very little* time to submit our tender and would thus be grateful to receive details from you *as soon as possible* (курсив — В. С.) and in any event in no later than two weeks from now [Б.Абегг 2006: 22].

Перевод: *К несчастью*, мы располагаем *слишком* малым запасом времени для предоставления тендера и были бы признательны получить подробную информации *как можно скорее*, в любом случае — не позднее двух недель.

Выделенные обороты в тексте перевода контрастирует с официально-деловым тоном высказывания, демонстрируя стилистическую разобщенность текста перевода.

Рекомендуемый вариант перевода: *К сожалению*, мы располагаем *крайне* малым запасом времени для предоставления тендера и были бы признательны за получение подробной информации *в наиболее краткие сроки*, в любом случае — не позднее двух недель.

Как показано в рассмотренных примерах, нарушения в передаче стилистических особенностей англоязычного текста делового письма связано в большей степени с использованием элементов просторечно-разговорного стиля и обиходно-бытовых оборотов в тексте перевода. Данные нарушения не влияют на правильность понимания содержания, но приводят к жанровой рассогласованности и создают эффект нарушения стилистической целостности текста делового письма ПЯ, затрудняют процесс его восприятия. В подобных случаях сохранить стилистическое единообразие текста перевода позволяет прием контекстуальной замены. Таким образом, выработка стратегии перевода текстов деловых писем требует осмысления стилеобразующих факторов и межстилевой языковой компетенции. Эта компетенция касается способности адекватно воспринимать стилевые особенности делового стиля в ИЯ относительно текстов иных

функциональных стилей, в ПЯ — знания особенностей функционально аналогичных текстов и способности воссоздавать их стилистические черты на денотативном уровне переводного текста. Адекватная передача функционально-стилевых особенностей текста делового письма является неотъемлемым критерием оценки качества его перевода.

ЦИТИРУЕМАЯ ЛИТЕРАТУРА

Абегг, Б. 100 писем на английском [Текст] / Б. Абегг. – М.: АСТ, 2006. – 159 с.

Алексеева, И.С. Введение в переводоведение [Текст] / И.С. Алексеева. – СПб.: Факультет филологии и искусств СПбГУ; М.: Издательский центр «Академия», 2010. – 368 с.

Бузаджи, Д.М., Гусев, В.В., Ланчиков, В.К., Псурцев, Д.В. Новый взгляд на классификацию переводческих ошибок [Текст] / Д.М. Бузаджи, В.В. Гусев, В.К. Ланчиков, Д.В. Псурцев. – М.: Всероссийский центр переводов, 2009. – 119 с.

Жданов, А.А., Жданова, И.Ф. Деловые письма и контакты на русском, английском и немецком языках [Текст] / А.А. Жданов, И.Ф. Жданова. – М.: Филоматис, 2002. – 284 с.

Студентка Кс. Д. Тризна (Пенза)

САМОПРЕЗЕНТАЦИЯ МУЖЧИН В ВИРТУАЛЬНОМ ПРОСТРАНСТВЕ

Настоящее исследование посвящено изучению гендерных особенностей современного мужчины, проявляющихся в виртуальном пространстве.

Его актуальность определяется тем, что в наши дни происходит активная ломка исконного, исторически сложившегося стереотипа мужчины, а анализ объявлений в сети Интернет позволяет выделить те черты, которые мужчины приписывают себе для создания образа, близкого к совершенному, т.е. «сконструировать» его «идеальное Я».

Цель работы – выделить основные черты современного француза, проявляющиеся в результате самопрезентации в виртуальном пространстве.

Материалом исследования послужили объявления на франкоязычных сайтах знакомств.

Объявления размещаются на сайтах с вполне определённой целью: привлечь внимание объекта поиска, для этого необходимо «показать товар лицом», т.е. представить себя в наиболее выгодном свете, фактически, это некая самореклама. Мужчина выбирает качества, которые он считает привлекательными для представительниц противоположного пола, в результате получается некое взаимоотражение гендерных стереотипов: исходя из своих стереотипных представлений о женщине, субъект старается «подогнать» свой образ под женский стереотип мужчины.

По результатам проведённой работы были выявлены тематические компоненты объявлений на сайтах знакомств и положительные черты, которые французы приписывают себе.

К основным описываемым параметрам относятся: внешние данные, черты характера, интересы, социальный и матримониальный статус, а также намерения – цель, с которой мужчина ищет «вторую половинку».

Итак, в большинстве своём сообщения начинаются с описания внешних данных. Таким образом, параметр внешности выходит на первый план. Анализ сообщений показывает, что французы уделяют внимание своей физической форме, причём они не ограничиваются общими характеристиками (*bon physique, sportif (allure sportive), mince*), но обязательно дают «числовое описание» своего тела, хотя черты лица и манера одеваться тоже не обделены вниманием – французские мужчины «очаровательны», «милы», «симпатичны», «красивы», «шикарны» и «элегантны».

Описание положительных черт характера представляет собой некую попытку ответа на вопрос «Чего хочет женщина?». Таким образом, французы представляют себя как активных, современных, серьёзных, честных и в то же время обходительных (*courtois, respectueux, gentleman*), чувствительных, нежных, открытых, простых и верных. Также ценятся такие качества, как утончённость, элегантность и образованность.

Сфера интересов, как правило, не отличается особой дифференцированностью, авторы сообщений ограничиваются общими фразами типа «*J'aime la musique, la danse, le cinéma etc.*». Итак, можно предположить, что в данной ситуации этому параметру не уделяется столько внимания, как другим, например, практически каждый мужчина считает своим долгом отразить преимущества собственного социального статуса, профессия может даже не быть названа, чаще всего встречаются такие характеристики: *bonne situation professionnelle, bon niveau social, cadre supérieur*.

Знание матримониального статуса собеседника также является стимулом для завязывания отношений, поэтому этот пункт является обязательным в объявлении. Зачастую можно встретить упоминание таких «преимуществ», как отсутствие детей, жены, т.е. обстоятельств, могущих помешать благоприятному общению.

Цели, которые преследуют французы, размещая объявления, различны: встречи, дружеские отношения, поиски родственной души или так называемого «сообщника» (*complicité*), который будет всегда рядом, совместная жизнь, могущая привести к свадьбе. Последний пункт встречается гораздо реже, чем предыдущие. Это характеризует французов как людей, не спешащих оформлять свои отношения, тем более, в наши дни подобная ситуация не расценивается как нечто неподобающее или противозаконное.

Таким образом, современный француз представляет самого себя как привлекательного, физически развитого, активного и современного человека. Он также хорошо воспитан, образован, имеет определённый круг интересов, неплохо устроен в жизни. Этот мужчина свободен – холост или разведён, ищет женщину, которая разделит бы с ним радости жизни, хотя о браке в большин-

стве случаев речь не идёт. Ко всему прочему, он общителен, обходителен, чувствителен и, как следствие, способен понять другого человека.

Канд. филол. наук М.Ю. Чернышов (Иркутск)

КОГНИТИВНЫЕ, ЛОГИЧЕСКИЕ, ПСИХОЛОГИЧЕСКИЕ, ПЕДАГОГИЧЕСКИЕ И КУЛЬТУРОЛОГИЧЕСКИЕ АСПЕКТЫ ФОРМИРОВАНИЯ МЫСЛЕЙ, МЫШЛЕНИЯ, СОЗНАНИЯ И РЕЧИ

Аннотация. Обсуждаются когнитивные, логические, психологические, педагогические и культурологические принципы генерации (синтеза) и анализа мыслей. Дан анализ подходов к пониманию задачи позитивного формирования мышления индивида как условия нормального (имеющего основу) развития его сознания в обучении и воспитании и развития в нём тяги к познанию и углублению знаний.

Ключевые слова: принципы построения мыслей; процессы мышления; развитие сознания; развитие тяги к познанию; обучение; воспитание.

1. Задачи и проблемы системы образования в обеспечении образованности, воспитанности

1.1. О непростых задачах системы образования и воспитания.

В последние годы много пишут о необходимости полноценного образования и воспитания подрастающего поколения, формирования нравственности молодёжи. Эти вопросы сегодня считают важнейшими не только педагоги и психологи, но также культурологи, социологи, правоведы и политологи. Мысли авторов многочисленных публикаций можно было бы резюмировать в следующем утверждении: “Образование и воспитание подрастающего поколения, развитие нравственности детей, подростков и юношества, успешное формирование их личностей являются основными условиями прогресса любого общества”.

Принято полагать, что исследование этих непростых задач является прерогативой индивидуальной и социальной психологии, а их решение – задачей системы образования, получающей рекомендации от психологов. Но вот проблема: психологи продолжают игнорировать тот факт, что формирование образованности и воспитанности предполагает предварительное решение задачи **формирования позитивного мышления индивида**. Ясно осознавая неготовность решать эту задачу, психологи до сих пор были склонны подменять её постановкой несвоевременной задачи, предполагающей **формирования направленности личности**. На эту тему написано много. Но практическое формирование направленности личности долго ещё будет не по силам психологам, педагогам и культурологам, ведь к решению этой задачи невозможно всерьёз поступиться без владения реальными, неболтологическими технологиями формирования мышления и развития мышления. Практика показала, что средствами одной только психологии, которая пока не сформировалась как наука, решить указанные задачи невозможно.

К этому общему тезису автор хотел бы добавить ряд утверждений, отражающих более конкретное понимание проблем:

1) образованность и воспитанность являются условиями обеспечения подлинной социальной безопасности в современных условиях, ведь только общество мыслящих и нравственных личностей, правильно сориентированных в социальной действительности, может быть в полной мере безопасным;

2) подлинная образованность и воспитанность являются показателями успешного результата формирования и позитивного развития мышления не только отдельного индивида, но и социума из индивидов. Вот почему необходимо решать задачи по формированию и позитивному развитию мышления.

1.2. Об образованности и воспитанности как результатах позитивного развития мышления.

Согласно нашим представлениям, **задача формирования позитивного мышления индивида** предполагает закрепление в его сознании определенных ценностей, выработку принципов активного мышления и деятельности (активной жизненной позиции) и установок нравственного (корректного и душевного) социального поведения, желания учиться, познавать и действовать на протяжении жизни в интересах общества.

Разумеется, **подход, предполагающий формирование мышления, подразумевает, прежде всего, наличие у его авторов глубоких и точных знаний о том, что такое мышление, о формах мышления** (не просто абстрактное или конкретное) и **способах мышления, о закономерностях процессов мышления, о структуре и функциях мысли, и, главное, о принципах интеграции** (т.е. связывания в единое целое) **мыслей**, выражающих смыслы. В противном случае, при оперировании основными понятиями как условно понимаемыми абстракциями, любые рассуждения “о формировании мышления в обучении” превращаются в примитивную болтологию.

Реализация такого нового подхода предполагает внесение корректив в представления о задачах образования и воспитания и, как следствие, в представления о развитии системы образования и воспитания (Чернышов 2010 – 2012).

1.3. О задачах системы образования и воспитания и её дефицитах. Итак, задача системы образования заключается, прежде всего, в формировании позитивного мышления и сознания обучаемых. Не секрет, что оно происходит в процессе воспитания и обучения. Но, судя по литературе последних 20 лет, авторы постоянно забывали о том, что социальная жизнь – тоже учитель, причём, очень действенный. Вот почему важно понять, не только то, как можно усовершенствовать систему образования и воспитания, но также – что и как можно противопоставить негативному (порой разлагающему) влиянию окружения: общества или микроколлектива.

Увы, **сегодня выполнению системой образования и воспитания своих функций препятствуют различные дефициты**. Серьезным дефицитом современной средней и высшей школы является дефицит учителей-личностей и преподавателей-личностей. Между тем, личность обучающего – один из важнейших факторов эффективного обучения, воспитания и формирования лично-

стей обучаемых. Не менее значимым является дефицит эффективных методов и методик обучения и воспитания. Но *самым существенным дефицитом является отсутствие идей, связанных с подходами к формированию мышления и сознания обучаемых.*

Даже непосвященному понятно, что, если речь идет, например, о формировании нравственности учащихся, то *необходимым является знание принципов развития их мышления, сознания (в том числе – правосознания) и тяги к познанию.* Без этого любой, самый талантливый учитель и любые интуитивные в своей основе методики не способны обеспечить должное обучение и воспитание учащихся. Нельзя забывать и о том, что развитие мышления, сознания и тяги к познанию является важнейшим условием исправления лиц, ставших на путь криминала. Такое позитивное развитие может быть одним из ключей к “двери в мир подлинной социальной нравственности и подлинной безопасности в обществе”.

Однако исследованием логических, психолого-гносеологических, педагогических и культурологических принципов организации процессов мышления и принципов позитивного формирования сознания никто прежде всерьез не занимался. Авторы ограничивались общими рассуждениями, не утруждая себя исследованием даже тех понятий, представлений и отношений между ними, которые являются базисными в исследованиях, ориентированных на понимание процессов формирования мышления и сознания индивида и, как следствие, на создание действенной методологии познания, обучения и воспитания. В литературе невозможно найти убедительные исследования, которые объясняли бы (а) содержание того, чем оперирует мышление человека (что это: *значения* (?), *понятия* (?), *факты* (?), *представления о реальности* (?), *мысли* (?), *смыслы* (?)); (б) представление о том, как мышление оперирует этими элементами, пока не известными учёным, генерируя их и интегрируя, т.е. связывая их между собой (такие связи и есть то, что условно называют ассоциациями); (в) представление о принципах интеграции (т.е. связывания в единое целое) мыслей или смыслов и т.д. Этот пробел, безусловно, необходимо восполнить.

2. О том, что такое мысль, мышление, познание и сознание. К сожалению, определения этих понятий в работах философов-классиков и многих современников отличаются грубейшими неточностями. Например, в своих работах В.И. Ленин, никогда всерьез не занимавшийся проблемой мышления, рискнул ограниченно интерпретировать понятие *мысль*, полагая, что она – “*результат, продукт* процесса мышления в форме суждения или понятия”, и употреблял неверное понятие “*оттенок мысли*” вместо корректного понятия “*оттенок смысла*” [Ленин: с. 221]. Между тем, *мысль* есть *не результат, а сам предмет процесса мышления, состоящего из потока взаимосвязанных мыслей.* Результатом является *итоговый (ядерный) смысл умозаключения*, которое может быть выражено высказыванием.

Грубо неверным является и определение понятия *мышление* в работах К.Маркса и Ф.Энгельса, ошибочно полагавших, что мышление заключается в “генерации идей, представлений, сознания” [Маркс: с. 24]. Да, в итоге процесса мышления может сформироваться умозаключение, выражающее представление

человека о предмете мышления, могут родиться идеи. Но, по определению, мышление есть оперирование мыслями. Кроме того, едва ли допустимо определять понятие более простое (мышление) через понятие более высокого уровня (сознание): мышление не может предполагать порождение сознания, т.к. наличие сознания является условием самой возможности мышления.

Предпринимая попытки дать определения понятия *мышление*, но не испытывая желания разобраться в предмете просто, без изысков, философы предпочли нагромождать понятия, сбивая с толку непосвященных. Например, смешивая в кучу понятия, некоторые философы утверждали, что “мышление развивается в абстрактной форме суждений, понятий, гипотез, теорий. Это – процесс, в ходе которого человек сопоставляет мысли, т.е. рассуждает, умозаключает, из одних мыслей выводит другие мысли, в которых содержится новое знание. Мышление – это опосредованное и обобщенное познание...” [Кондаков: с. 367]. Заметим, однако, что, во-первых, из определения куда-то исчезло конкретное мышление, а также такие формы мыслительной активности, как воображение, фантазия, мечта, предвидение (основанное на интуиции), и получилось, что все люди обязаны мыслить не иначе как понятиями (т.е. ограниченно, начётнически), гипотезами и теориями. Во-вторых, получается совсем, как у субъективных идеалистов: *новое знание рождается при выведении одной мысли из других*. В-третьих, в этом определении *мышление* предстает как *сознание*, т.е. получается, что определять понятие *сознание* уже не нужно.

Не предполагая исследования мыслей и мышления вглубь, ограничиваясь лишь внешним, суесловным обсуждением этих предметов в терминах тривиальной логики, философы, начиная с мифического Аристотеля, сформулировали принципы силлогистики (принцип исключения двух противоположных суждений об одном предмете, принципы тождества, исключенного третьего, достаточного основания). Однако адепты этих идей, не понимая разницы между понятиями *принцип* и *закон*, позволили себе выдать указанные принципы за законы мышления.

Нет сомнений в том, что мышление учёного может быть целенаправленным процессом, который предполагает возможность того, что он ставит перед собой задачи и получает их решение, выдвигает гипотезы, строит доказательства и генерирует научные концепции и даже теории. Однако, в общем случае, **мышление** как форма интеллектуальной активности предполагает реализацию всего лишь следующей совокупности задач и процессов, связанных с ними: (1) восприятие, обработка и анализ индивидом мыслей собеседника, воспринятых в процессе коммуникации; (2) генерация (синтез) собственных мыслей индивида на основе информации, воспринятой в процессе коммуникации, и базисных знаний индивида; (3) генерация (синтез) мыслей, родившихся у индивида в процессе познания объективной реальности; (4) оперирование синтезированными мыслями в целях коммуникации или познания. Решая эти задачи, мышление образует как бы целенаправленный поток взаимосвязанных мыслей.

Мышление и познание суть формы интеллектуальной деятельности. Обе они предполагают реализацию сложных совокупностей задач и процессов. Познать принципы мышления ещё только предстоит.

Познание есть форма мыслительной деятельности, состоящая из чувственной, логической и практической составляющих и предполагающая получение и обработку новых данных, формулирование новых представлений, т.е. приобретение новых знаний о действительности и формулирование на этой основе новых понятий.

Много тумана было напущено философами в определение понятия **сознание**. В начале XXI века уже некорректно заявлять о том, что “сознание есть свойство человеческого мозга отражать в форме идеальных образов внешний мир, целенаправленно регулировать взаимоотношение личности с окружающей природной и социальной действительностью...” [Кондаков: с. 559]. На деле установлено лишь то, что свойства мозга проявляются в общеизвестных нейрофизиологических реакциях (процессы возбуждения и торможения, реакции нервных центров мозга, реакции при превышении нервной системой порога возбуждения), а нейрофизиологическая система функционирует по принципу акцептора действия (П.К.Ахохин), с учётом принципа доминанты А.А.Ухтомского. Неверно также, что сознание есть “субъективный образ объективного мира” [Кондаков: с. 560] (т.к. субъективный образ – всего лишь *образ*), или что “ядром сознания являются знания” [Кондаков: с. 560]. На самом деле **сознание** есть абстрактная ментальная сфера, поддерживаемая активностью мозга индивида, в которой и реализуются ментальная составляющая процессов мышления.

Не приходится удивляться тому, что при грубо неверной интерпретации основных понятий вопрос о связи между мышлением и речью был представлен тоже неверно: “идеи не существуют оторвано от языка”, “язык есть единственная действительность мысли” [Архив К.Маркса: с. 99]. В итоге, например, на протяжении XX века лингвистические исследования смысловой интегративности текста строились на глубоко ошибочном представлении о языке как “*средстве мышления*”, а потому были сосредоточены на анализе вербальных форм. Но, если учесть, что естественный язык есть конструкт из алфавита, словарей, норм грамматики и норм транскрипции, то невозможно представить себе, как он может быть средством мышления. Столь принципиальные искажения в определениях понятий вынуждали даже очень известных лингвистов, не приученных мыслить самостоятельно, без ориентации на “классиков прошлого”, делать нелепые заявления. Едва ли можно согласиться с утверждением Уоллеса Чейфа о том, что не познание, а “язык до сих пор остается лучшим окном в знание, ведь мы всё время используем язык, чтобы выразить знание... и, хочется думать, что он предлагает неплохую возможность анализировать знание” [Chafe: P.109].

Однако язык (любой язык, не только естественный) – всего лишь средство отображения смыслов и умозаключений как итогов мышления (т.е. средство опосредованного отображения мыслей) в речевых формах. В силу необоснованных традиций, лингвисты склонны ограничивать представление о языках естественным (вербальным) языком. И это тогда, когда существуют (но крайне мало исследованы) невербальные языки: язык умолчания, язык подтекста, языки математических, химических, биологических и иных формул, языки стука заключенных, языки слепых, языки глухонемых, язык музыки и т.д., а также та-

кие специфические языки, как язык эмоций, язык мимики и жестов, язык пантомимы, язык тела, языки театра, кино и т.д.

Кроме того, тезис о языке, как “единственном средстве мышления” и “лучшем окне в знание” уже практически поколеблен. Общеизвестно, что на основе электроэнцефалографа **психофизиологи** предложили ряд компьютерных обучающих устройств, снимающих картину потенциалов мозга, которые позволяют, не переходя к отображению мыслей в термины естественного языка (т.е. к речи), угадывать по буквам отдельные слова, подразумеваемые человеком, и даже управлять механическим устройством, не переходя к речевым командам. Но одно дело – программировать и обучать электронное устройство реагировать на нервные напряжения испытуемого, соответствующие тем или иным сигналам (напр. звучащим буквам, произносимым устройством), и совсем иное дело – распознавать мысли человека или выражаемые в речи смыслы. Поэтому психофизиологии, естественно, не рискуют заявлять о том, что научились распознавать мысли.

3. Об известных подходах к постижению форм и принципов мышления. Постигание тайн смысловой интеграции мысли, форм и принципов организации мышления – одна из важнейших междисциплинарных задач. И это не просто громкие слова. В самом деле, как постичь то, что ещё недавно представлялось абсолютно непостижимым – тайны мышления?

После неудач философов в XX веке **лингвисты** предпочли заявить, что исследование мышления, мыслей не относится к области лингвистики, а смыслы – всего лишь то, что выражают высказывания. Но свои подходы к исследованию и даже развитию мышления предлагали специалисты в области психофизиологии, психолингвистики, педагогики, теории информации и логики.

Психолингвисты предпочли договориться о том, что исследованиями мышления следует признавать то, что делают немногочисленные школы, возглавляемые “научными лидерами” и существующие по принципу “кто не с нами, то – против нас”. Дискуссии и поиски истины до сих пор не приветствуются. Поэтому все предложенные до сих пор психологические приёмы исследования мысли и мышления были ограничены узкими рамками существующих представлений, оперировали ограниченным набором принятых понятий, имеющих отдаленное отношение к объекту исследования.

Наиболее сильные из **психологов** отваживались рассуждать (а) о принципах и подходах к развитию мышления обучаемых, а также (б) о развитии умений строить (генерировать) и (в) выражать (формулировать) мысли. Однако при этом вплоть до начала XXI века доминировало ложное представление о том, что мысль рождается как единое и неразделимое целое (гештальт). И это – несмотря на то, что исследованиями в лингвистике текста в XX веке показало, что смысл сегмента текста складывается из элементарных смыслов его высказываний, т.е. смыслы аддитивны. Но смысл есть содержание мысли, следовательно, мысли тоже аддитивны.

В течение последних 60 лет, решая задачи формирования мышления обучаемых, **педагоги** брали на вооружение те представления и подходы, которые предлагали психологи.

Специалисты в области логики (С.Крипке, Я.Хинтиikka, Р.Монтегю, М.Крессвелл и др.) тоже честно пытались постичь принципы логики мышления, развивая аппарат неклассических логик так, чтобы он мог быть применен к описанию суждений и высказываний на естественных языках. Но все известные неклассические логики не оказались пригодными для представления даже простейших высказываний на естественных языках.

Старания **специалистов в области теории информации** не увенчались успехом уже потому, что они пытались подменить понятие “выраженная мысль” понятием “информация”, что заведомо не одно и то же.

На пути к открытиям предшественникам, представлявшим различные области знания, очень мешали: 1) отсутствие желания: (а) раз и навсегда разобраться в понятиях, дав внятные их определения; (б) напрягаться (сложные задачи решались негодными для этого “простыми средствами”); (в) строить сложные гипотезы и концепции (что, казалось бы, естественно при исследовании проблем высокой сложности); (г) ориентировать исследования на обязательное практическое применение результатов (это позволяет ограничивать исследования абстрактными рассуждениями); 2) неумение привести полученные представления в стройную систему; 3) отсутствие идей, связанных с проведением междисциплинарных исследований проблем; 4) подтасовывание недостоверных результатов. Например, по сей день массам навязывается иллюзорная мысль о том, что психологам доступны средства управления мышлением человека под гипнозом. Однако как можно управлять тем, понятие о чём ещё толком не определено? Вот почему гипнологи не торопятся утверждать, что могут читать мысли человека, они могут лишь предложить ему сказать о том, что он знает.

Результативности исследований мышления препятствуют отсутствие базиса в виде чётких понятий и представлений, а также отсутствие подлинной междисциплинарности в исследованиях.

4. Познание принципов смысловой организации мысли – путь к познанию принципов организации мышления человека

4.1. Об авторском подходе к исследованию принципов организации мышления. Необходимо признать, что именно неудачные попытки логиков подсказали автору (который сам какое-то время занимался исследованиями в области неклассических логик) направление размышлений: познание принципов организации мышления через познание принципов смысловой организации (интеграции) мысли. Известно, что лингвисты предпринимали неубедительные попытки исследования принципов смысловой интегративности текста. Однако нам не известны прецеденты достоверных исследований интеграции смыслов, описанные в мировой литературе.

Первым, психолого-гносеологическим открытием автора стало осознание того, что невозможно познать процессы мышления в рамках одной научной дисциплины. Не случайно в работах автора впервые предпринято *междисциплинарное исследование* процессов и принципов мышления с позиций гносеологии и логики.

Второе открытие связано с пониманием способа познания абстрактного предмета. В самом деле, как возможно познать абстрактное нечто, которым человек оперирует в мышлении, если не через отражение (точнее – отображение) этого нечто? В итоге, **важным открытием автора стал способ исследования мысли (и мышления) через отображения мыслей, через смыслы.** Заметим, что выражение (передача) мыслей и обмен мыслями в коммуникации тоже осуществляются через их отображения: через смыслы, которые эти мысли несут.

Третьим открытием стало то, что **передача мысли предполагает сложную последовательность отображений.**

Четвертое открытие связано с пониманием принципа генерации (иначе – порождения, синтеза) мыслей и принципов анализа и синтеза мыслей и смыслов, которые они выражают.

Всерьёз анализировать принципы генерации мыслей можно лишь тогда, когда исследователю известны: 1) *структура мысли*, 2) *функции мысли*, 3) *принципы интеграции мысли*. Ни одна из этих важнейших составляющих знания о мысли прежде не была описана в мировой научной литературе. Вот почему автор счёл важным частично восполнить этот пробел.

На основе 4-го открытия автора, связанного со скреповой организацией мыслей и смыслов и с динамическим построением процесса мышления [Чернышов мон 2010а; Чернышов мон 2010б], выполнены исследования (1) **принципов интеграции мыслей и смыслов, которые они несут**; (2) **динамики процессов формирования мысли и мышления обучаемых в процессе обучения.**

Автор исходил из представлений о мышлении и познании как формах интеллектуальной деятельности. Принципы мышления и познания суть принципы такой деятельности. Их знание важно для организации познавательной деятельности: обучения, воспитания, научного познания мира. Оно необходимо педагогам, методистам, психологам, логикам, специалистам в области психофизиологии, психиатрам и т.д. В исследовании принципов организации мышления и познания как форм деятельности и в разработке методологии позитивного формирования мышления обучаемых и воспитуемых потребовались знания логики, психофизиологии.

Пятое открытие связано с постулированием **скрепового принципа организации смыслов (и, как следствие, мыслей).** В работах автора показано, как можно идентифицировать в речи (как отражении процесса мышления) эти самые скреповые элементы, по сути, – медиаторы смысловой интегративности (т.е. связности и целостности) смыслов.

СПИСОК ЛИТЕРАТУРЫ

Кондаков Н.И. (1976) Логический словарь-справочник / Под ред. Д.П.Горского. – Изд. 2-е, испр. и доп. – М.: Наука. – 720 с.

Ленин В.И. (1972) Философские тетради // Полн. собр. сочинений. Изд. 5. – Т. 29.

Маркс К., Энгельс Ф. (1936) Немецкая идеология // Сочинения. – Т. 3.

Архив К.Маркса и Энгельса (1935). – Т. 4. – М.-Л.: Когиз.

Chafe W.L. (1987) Repeated verbalizations as evidence for the organization of knowledge // Preprints of Plenary Session Papers: XIV Intern. Congress of Linguists.– Berlin.– P. 88–110.

Cognitive, Logic, Psychological, Pedagogical and Culturological Aspects of Forming Thoughts, Thinking, Consciousness and Speech

M. Yu. Chernyshov⁴

(Irkutsk Scientific Center, Siberian Branch of Russian Academy of Sciences)

Cognitive, logic, psychological, pedagogical and culturological principles of generation (synthesis) and analysis of thoughts are discussed. Analysis of the approaches to understanding the problem of forming person's positive thinking as a condition of (i) normal (grounded) development of his consciousness in the process of education and upbringing and (ii) development of the eager for cognition and mastering knowledge is given.

Keywords: principles of constructing thoughts; processes of thinking; development of consciousness; development of the eager for cognition; education; upbringing.

BIBLIOGRAPHY (TRANSLITERATION)

Kondakov N.I. (1976) Logicheskii slovar-spravochnik / Pod red. D.P.Gorskogo. – Izd. 2, ispr. i dop. – М.: Nauka. – 720 p.

Lenin V.I. (1972) Filosofskie tetradi // Poln. sobr. sochinenii. Izd. 5. – Т. 29.

Marx K., Engels F. (1936) Nemetskaya ideologiya // Sochineniya. – Т. 3.

Archiv K.Marxa i Engelsa (1935). – Т. 4. – М.-Л.: Когиз.

Chafe W.L. (1987) Repeated verbalizations as evidence for the organization of knowledge // Preprints of Plenary Session Papers: XIV Intern. Congress of Linguists. – Berlin.– P. 88–110.

---

⁴ Chernyshov M.Yu. – head of the scientific methodology department, Irkutsk Scientific Center, Siberian Branch of RAS, PhD, Honorary professor for the University of Cambridge (since 1991), foreign fellow member for the Royal Society (since 1998). Address: 134, Lermontov st., Irkutsk, 664033, Russia, Presidium of the Scientific Center; phone (3952) 42-67-27; mobile phone 8-914-932-74-90; E-mail: cell@sifibr.irk.ru.

Языковая экология сегодня рассматривается в качестве важнейшего механизма регулирования отношений «язык – человек». Когда говорят о языковой экологии, то прежде всего имеется в виду эмоциональная коммуникация, энергия которой часто бывает сильнее социальных норм общения: эмоциональное слово, его энергетическая мощь часто сопоставимы с самыми сильными физическими действиями. С учетом безусловного доминирования негативных эмоций в любом языке, а также полной свободы выражения эмоциональных состояний в современной публичной речи можно утверждать, что и качество этой энергии часто является отнюдь не позитивным.

Из-за отсутствия должной эмоциональной / эмотивной компетенции коммуникантов их высказывания в межличностном общении могут поражать рациональную и чувственную сферы адресата, а в массовой коммуникации наносить огромный ущерб психоэмоциональному состоянию общества. В отдельных профессиональных сферах уже выработаны специальные термины для обозначения вреда, наносимого негативной энергией языка: вред от слова учителя – дидактогеня, вред от слова врача – ядрогения. Очевидно, что отрицательная энергия слов журналиста, политика не менее разрушительна.

Негативная информация при соответствующем способе ее подачи способна увеличивать плотность негативной эмоциональной ткани текстов, функционирующих в обществе, достигать через слово здоровьеразрушающий эффект: нагнетать состояния внутреннего дискомфорта, стресса, тревоги и беспокойства, вызывать психологические и физические расстройства. При их регулярном повторении эти механизмы способны увеличивать индивидуальную и групповую агрессию, повышать непредсказуемость действий людей: человек, насыщенный негативной энергетикой, сам становится излучателем отрицательных эмоциональных стимулов (Шаховский 2010). Не менее вероятным следствием активного воздействия негативного потенциала языка на сознание является эмоциональная дезадаптация личности, утрата самого стремления к экологичному взаимодействию членов общества. Это, в конечном счете, может привести к потере позитивных ценностных ориентиров и возможному психоэмоциональному «выгоранию» личности.

Считается, что проблема эмоциональной коммуникации является чрезвычайно сложной, а порой неразрешимой, поскольку эмоции индивидуальны, у каждого человека имеется свой эмоциональный дейксис (Шаховский, Жура 2002: 38), который бесконечно варьирует эффекты общения людей друг с другом, чаще всего не понимающих друг друга до конца. Действительно, в отличие от сферы разума, логики, которую можно нормировать и социально контроли-

---

* Исследование выполнено при финансовой поддержке РГНФ в рамках научно-исследовательского проекта РГНФ «Эмотивная лингвоэкология», проект № 12-04-00008 а

ровать, рациональное управление эмоциональными коммуникативными процессами в полной мере невозможно. В определенной степени коммуникация эмоций в социальном пространстве регулируется обществом, его стереотипами и нормативами (моральными, правовыми, этикетными), позволяющими нейтрализовать эмоциональный «экстрим». Однако не менее важным является самоосознанное стремление коммуникантов к экологичному эмоциональному общению, интенциональный тьюнинг, учитывающий различия между эмоциональной прагматикой говорящего (интенция) и эмоциональной прагматикой слушающего (терминальная интенция), а также знание о приемах экологичного взаимодействия.

В этой связи эмоциональное сознание можно соотнести с такими понятиями, как *эмоциональное мышление / решение (выбор) / фактор; рационализация / регуляция эмоций; компетенция / компетентность / грамотность / культура / коммуникативная тональность* и др.

Ключом к изучению человеческих эмоций является сам язык, который номинирует эмоции, выражает их, описывает, имитирует, симулирует, категоризирует, классифицирует, структурирует, комментирует, изобретает искренние и неискренние средства для их экспликации / импликации, для манифестации и сокрытия, предлагает средства для языкового манипулирования и моделирования соответствующих эмоций. Выраженные и реально переживаемые эмоции не всегда совпадают, их асимметрия имеет разные варианты: эмоцию можно испытывать, но не выражать, можно выражать эмоцию, не испытывая ее, можно выражать эмоцию, отличную от той, которую реально испытывают. Эмотивность как механизм перевода эмоций из сферы психики в сферу языка является основой для использования приемов эмоционального / эмотивного тьюнинга, который должен способствовать развитию экологического сознания коммуникантов. В качестве приемов осознанной эмотивной обработки высказываний участниками общения могут быть предложены следующие:

- предварительная оценка коммуникантами характера эмоциональной ситуации;
- интенциональный тьюнинг – осознанное стремление к конструктивному эмоциональному общению;
- эмоциональная включенность коммуникантов в ситуацию и излагаемую проблему;
- прагматическая настройка партнеров по коммуникации друг на друга (эмоциональная эмпатия);
- применение тактик эмоционального айкидо (Литвак 2011) – сознательного эмоционального отступления, согласия (в том числе в ситуациях диффамационного воздействия);
- умение нейтрализовать эмоцию путем ее точной дифференциации и номинации в слове;
- применение правил сублимации эмоции с помощью вежливых, эвфемистических, митигационных тактик, смягчающих негативное эмоциональное воздействие или усиливающих глорифицирующий эффект высказывания;

- умение корректировать собственный эмоциональный индекс или его отсутствие (например, эмоциональную склонность «стоять насмерть и не поддаваться»);
- владение языком эмоций, представление о вариативных возможностях и средствах называния, описания, выражения эмоциональных переживаний, в том числе в косвенных формах (эмоциональная экспрессия);
- осознание голографичности эмоционального слова, восприятие речи во всем многообразии ее смыслов;
- сознательное обеднение сложности и полифонии своих эмоциональных переживаний за счет выделения и выражения их психологического и речевого ядра;
- постоянная рефлексия коммуникантов над эмоциональной тональностью речи, снятие противоречий между семантикой и эмоциональной просодией и интонацией.
- снятие эмоциональных «проб» силы реакций партнера;
- умение моделировать эмоции в речи, стимулировать порождение позитивных чувств (эмоциональная эвокация);
- знание о языке тела и умение считывать транслируемые знаки невербального общения и др.

Использование приведенных здесь приемов согласуется с принципами кооперативного общения и составляет основу эмоциональной компетенции коммуникантов.

Способности к эмоциональной настройке / адаптации / тьюнингу отчасти даются человеку от рождения и применяются на инстинктивном уровне. Но большая ее доля формируется вместе с опытом индивидуального / видового эмоционального общения: как подражание эмоциям персонажей художественной литературы, как закрепление опыта поведения в эмоциональной ситуации реальной коммуникации, как навыки, которые можно получить в обучающей коммуникации в виде правил и приемов эмоционального взаимодействия. В связи с этим сегодня остро стоит вопрос о лингвоэкологическом образовании всех участников коммуникативного процесса, о включении в набор языковых компетенций носителей языка лингвоэкологической компетенции с целью формирования у коммуникантов лингвоэкологического сознания / мышления.

ЛИТЕРАТУРА

Литвак, М. Е. Психологическое айкидо [Текст] / М. Е. Литвак. – М. : Феникс, 2011. – 224 с.

Шаховский, В. И. Дейксис в сфере эмоциональной речевой деятельности [Текст] / В. И. Шаховский, В. В. Жура // Вопросы языкознания. – 2002. – № 5. – С. 38 – 56.

Шаховский, В. И. Роль эмотивности в медиа-экологии [Текст] / В. И. Шаховский // Меняющаяся коммуникация в меняющемся мире – 5 : сборник статей; V Международная научно-практическая конференция (2010; Волгоград) / отв. ред. Г.Г. Слышкин, И.С. Бессарабова; ФГОУ ВПО «Волгоградская акаде-

мия государственной службы». Волгоград: Изд-во ФГОУ ВПО «Волгоградская академия государственной службы», 2010. – С. 223 – 226.

Докт. филол. наук В. В. Шмелькова (Пенза)

ПРОБЛЕМЫ КУЛЬТУРНО-ЯЗЫКОВОЙ АДАПТАЦИИ ТРУДОВЫХ МИГРАНТОВ В СОВРЕМЕННОЙ РОССИИ

1. Язык играет огромную роль в общественной, профессиональной и т.д. жизни человека. Следовательно, в любом обществе складывается особая система использования языка (языков). Любое нарушение в этой системе влечёт за собой трудности, связанные с той или иной формой непонимания.

Следствием непонимания становится резкое противопоставление всего по принципу «своё – чужое» (во многих языках «иностраный язык» переводится как «чужой язык»), происходит отторжение «чужой» культуры.

В России «существуют многочисленные общественные организации, большинство из которых организовано по национальному признаку. Ни одна из них не планирует заниматься языковой адаптацией, несмотря на то что согласно международной практике именно общественные фонды и организации типа землячеств берут на себя реализацию подобной функции. Свою роль они, напротив, видят скорее в поддержке этнического предпринимательства, сохранения культурной самобытности, чем в содействии интеграции своих новых членов в российское общество» (Голубев, Голубев, 2011; с. 72).

2. В течение достаточно долгого времени существовало обоснованное разделение функций русского языка: русский язык – родной, неродной, иностранный. Русский язык как неродной (язык межнационального общения) функционировал не только на территории России, но и на всём пространстве Советского Союза, однако в последние 10–15 лет интенсивно вытеснялся из языкового пространства многих государств. Совершенно очевидно, что в настоящее время о русском языке в некоторых странах Средней Азии и Закавказья можно говорить как о языке иностранном.

3. В России пока нет системного опыта преподавания трудовым мигрантам русского языка. В настоящее время определено лишь основное содержание обучения (элементарные знания по русскому языку, истории и культуре России), появилось специальное учебное пособие для трудовых мигрантов (А.В.Голубева. Живём и работаем в России), которое содержит словарь с переводом русских слов на таджикский, узбекский, азербайджанский языки, а также предполагает работу с такими документами, как разрешение на временное проживание и вида на жительство РФ, заявление о выдаче разрешения на временное проживание иностранному гражданину, виза, медицинское заключение о состоянии здоровья иностранного гражданина, протокол об административном задержании и некоторые другие. Такого материала никогда ранее не содержалось в учебниках РКИ.

4. Необходимо также отметить, что в практике обучения трудовых мигрантов в современной России следует учитывать возрастные особенности контин-

гента учащихся, их образовательный уровень и социальный статус, религиозную принадлежность и степень «вхождения» в русскую культуру.

ЛИТЕРАТУРА

Голубева А.В. Мы живём и работаем в России: учебник русского языка для трудовых мигрантов: начальный курс. – СПб.: Златоуст, 2011. – 128 с.

Голубев С.Н., Голубев Г.С. Концепция языковой адаптации мигрантов в условиях миграционных процессов в современной России // Русский язык и литература во времени и пространстве. Т. 1. – Shanghai: Shanghai foreign language education press, 2011. – С. 71 – 73.

Канд. филол. наук А.А. Штеба (Волгоград)

ЭНЕРГЕТИЧЕСКИЙ ПОТЕНЦИАЛ СЕМАНТИКИ

По нашему глубокому убеждению, словосочетание *смысловая энергия слова* не является только лишь искусной метафорой. Обратимся к трудам Г.П. Щедровицкого, в которых смысл он определял как процесс или кинетику (работу) понимания. Любой процесс предполагает движение в необходимом для осуществления определенной функции направлении. В контексте смыслообразования такая работа понимания приводит к созданию содержания. Его субстратом, по Г.П. Щедровицкому, является пространство смыслов, в котором плавают знаковые обозначения.

Рассмотрим сказанное на примере лексемы *окно*, которая свою смысловую энергетику приобретает в следующем примере: *Было страшно и темно, стало мрачно и окно* (А. Введенский). Семантику нейтрального слова «прорывает» мощный смысловой заряд, происходящий от автора. И *окно* перестает быть собственно «отверстием в стене здания для света и воздуха», а превращается в средство экспликации целой палитры активных или интенсивных эмоций, конституентами которой являются ненависть, отчаяние, ужас. Подобное обогащение семантики достигается за счет открытия у слова *окно* эмотивной валентности. Эмотивная валентность определяется нами как способность любых семиотических образований вступать в эмотивные связи на основе внешнего и внутреннего уровней согласования эмосем. Формально собственно образование лексико-семантической валентности (частной разновидностью которой является и эмотивная) происходит на контактном (*мрачно и окно*) и дистантном уровнях (*страшно и окно, темно и окно, страшно и темно + и окно*). Но наряду с лексической сочетаемостью происходит и объединение знаков (лингвистических и экстралингвистических) на более высоком уровне абстракции, когда слово *окно* сочетается в следующих плоскостях: слово и слово; словосочетание и слово; контекст в совокупности подтекста и затекста и слово; автор и слово и т.д.

Открытие эмотивной валентности предполагает сочетание общих эмосем у соединяемых в целое знаков на двух уровнях: первый уровень – уровень нормы, конвенции, а второй – движение эвристик (термин О.К. Тихомирова), т.е. по-

вторное осмысление известного, обыденного, естественного, привычного и раскрытие в этом новых вектор смысла. Например, понимание словосочетания *former in cœur* (букв.: *образовывать одно сердце*) в значении искренней любви представляет собой учет внешнего уровня согласования положительно-оценочных эмосем, тогда как повторное обращение к внутренней форме этой конструкции позволит вскрыть дополнительный уровень сочетания положительно-оценочных эмосем, являющихся реакцией на миф об Андрогинах. Это факультативный уровень, указывающий на энергию или кинетику понимания: понимание как интерпретативная деятельность, а не понимание как принятие / отторжение. Выделенный дополнительный уровень эмосем приводит не только к усилению нормативной эмоционально-смысловой составляющей эмотивной валентности, но и к ее переориентации, мене с «-» на «+» и наоборот. Примером последнего является любая инвективная лексика, которая по форме и содержанию отрицательна и даже деструктивна, но смысловая энергия последней не лишена созидательной силы.

Смысл непостижим, равно как и интерпретативно-смысловые валентности слова бесконечны (А.Ф. Лосев). Однако наряду с учетом этого положения, нужно стремиться к пониманию, а рассмотренная выше проблема двухуровневого характера эмосем в процессе открытия эмотивной валентности есть способ постижения смысла. И если, по мнению А. Вежбицкой, особой необходимости в полисемии нет, то наше право – занять противоположную точку зрения: любое смысловое приращение семантики есть ее оживление и усиление. Предельной точкой такого обогащения является энантиосемия – семантический эталон, который совершенен в функциональном плане, где семантика каждого элемента представляет систему в себе и для себя.

Таким образом, энергия слова есть деятельность смыслообразования, фиксируемая словом. Смысл принципиально непостижим и нелимитируем, что есть импульс к его декодированию, а не к отказу от его анализа. Семантика любого слова потенциально амбивалентна в эмоционально-смысловом плане, что указывает на ее идеальность. Сказанное, кажется, способно негативно отразиться на процессе коммуникации (*никто никого не поймет*). Но необходимо именно понимать, а не принимать/отвергать. Это и представляется гарантом эффективной коммуникации, не приводящей к взаимному разочарованию при сохранении идентичностей коммуникантов.

Доктор филол. наук Е. В. Шустрова (Екатеринбург)*

**ОСНОВНЫЕ МЕТАФОРИЧЕСКИЕ МОДЕЛИ В ПРЕДВЫБОРНОЙ
РИТОРИКЕ Б. ОБАМЫ И КАРИКАТУРЕ НА НЕГО**

В рамках данного обзора мы сопоставим метафорические модели, характерные для дискурса публичных обращений Б. Обамы, с метафорическими моделями в американской карикатуре на действующего президента США.

В основу материала исследования были положены публичные обращения Барака Обамы и порядка 1000 карикатур, из которых было отобрано 200 наибо-

лее удачных. Один из интересных моментов состоит в том, что сейчас карикатуру может создать любой человек. С помощью специальных программ на американских сайтах предлагается создать свою собственную карикатуру, в том числе и на Б. Обаму. Это дает дополнительные возможности в плане исследования когнитивных моделей, присущих членам того или иного социума. Если профессиональный художник-карикатурист нередко отражает интересы определенного издания, то при возможности создания рисунка любым человеком научная сфера получает дополнительный материал. Конечно, нужно обращать внимание на сам сайт и по возможности на авторство. Тем не менее на такие американские сайты заходят в первую очередь граждане США.

Если обратиться к дискурсу Б. Обамы, то мы увидим, что в речах Б. Обамы ключевые модели таковы: президент – это путник, семьянин, помощник, борец с внутренними проблемами, человек, открытый миру, строитель, врач. Кроме этого, фрагментарно присутствуют модели президент – это продавец и супермен (только в качестве шутки).

Теперь посмотрим, что нам дал графический материал. В графическом материале мы условно выделили следующие метафорические области: Бог, человек, природа (живая и неживая), артефакты. Итак, Б. Обама в графике с точки зрения американцев:

Мессия, Пророк Мухаммед;

спортсмен, игрок (в азартные игры) в том числе и неудачливый, неудачник (алкоголик, калека, дурак, обманутый, бедняк), циркач, вампир, супермен, путник (+скалолаз), врач, странный муж, плохой солдат, боец, мечтатель, обманщик, самоубийца, ребенок, высокомерный тип, чернорабочий, мот, продавец (+аукционист), повар, цензор, музыкант;

животное (обезьяна, конь, мышь), растение, птица (утка, голубь), пресмыкающееся (змея), солнце;

кукла (марионетка, робот, статуя).

В целом, графический код и риторика Б. Обамы апеллируют к противоположным, контрастным сторонам одного и того же образа. Это вполне объяснимо, если принять во внимание, какие разные пропагандистские цели преследуют карикатуристы и сам президент.

* Тезисы подготовлены в рамках государственного задания Министерства образования и науки РФ (проект 6.2985.2011 «Политическая метафорология»).

ЭСТЕТИЧЕСКИЕ АСПЕКТЫ ВЗАИМОДЕЙСТВИЯ ЯЗЫКА И МЫШЛЕНИЯ

Докт. филол. наук Г.В.Векишин (Москва)

СТРОЕНИЕ СОЗВУЧИЯ И МЕРЫ ЗВУКОВОЙ АССОЦИАТИВНОСТИ (СТИХ И СЛОВАРЬ)

Приводя в качестве примера паронимической аттракции (того, что уже в античности называлось парономазией) хлебниковский пример *Усталый устами* [Григорьев 1977, с. 200], В.П.Григорьев, вопреки своей идее консонантных «квазикорней» как звуковых распространителей слова в поэзии, невольно свидетельствовал о том, что звуковая ассоциативность создается далеко не только совпадением согласных (здесь С-Т), но и совпадением вокалического ряда и самой позицией гласного. Ассоциативная сила указанного сближения по сравнению, например, с *уста́ми – смета́*, где созвучие не поддержано фонотактической аналогией, очевидно более высокая.

Русский ассоциативный словарь (далее – РАС), дающий важную и объективную информацию о жизни слова в сознании носителей языка, регистрирует ассоциаты: *узы – узлы*; *узы – язык* [РАС, т.1, с. 683]. Не только ассоциативные нормы языка, но и поэтическая практика заставляют искать дополнительных внутренних условий и критериев определения близкозвучия. Например, в отношении таких случаев устойчивой звуковой ассоциации, как *осо́ка – ось – оса – вы́сокий* и т. п. в поэзии XX века:

- Вооруженный зреньем узких **ос**,
Сосущих **ось** земную, **ось** земную...
(О. Мандельштам. «Вооруженный зреньем узких ос...»)
- **Сестры** – **тяжесть** и **нежность** – одинаковы ваши приметы.
Медуницы и **осы** тяжёлую розу **сосут**.
Человек умирает. Песок **остывает согретый**,
И вчерашнее **солнце** на чёрных **носилках несут**.
Ах, тяжёлые **соты** и нежные **сети**...
(О. Мандельштам. «Сестры – тяжесть и нежность – одинаковы ваши приметы...»)
- **Осока** **наклонила ось**.
Стоял за ней **горбатый лось**.
Кричал мураш внутри **росянки**,
И **несся свист** **золотой овсянки**...
(В. Хлебников. *Ви́ла и леший*)
- Камыш **высок**, **осока высока**,
Тоской **набух тугой сосок волчицы**,
Слетает птица с **дикого песка**,
Крылами бьет и на **волну садится**.
(П. Васильев. *По Иртышу*)
- Над зеленой **высокой осок**ой скамья,

Как в усадьбе, как в детстве с колоннами дом.

Возвращается ветер на круги своя,

В суету суеты, осторожно, с трудом...

(И. Одоевцева. «Над зеленой высокой осокой скамья...»)

Ср. в этом же ряду (или, скорее, в начале этого ряда):

● Чтобы мне легко, одинокой,

Отойти к последнему сну,

Прошуми высокой осокой

Про весну, про мою весну

(А. Ахматова. «Хорони, хорони меня, ветер!..»);

● Сквозь высокую осоку

Серп серебряный блестит;

Ветерок, летя с востоку,

Вашей шалью шелестит

(М. Кузмин. Прогулка на воде).

Общеизвестен факт, что консонантная структура русского слова является преимущественным экспонентом его лексического значения: *крдш* узнается как *карандаш* независимо от вокалической составляющей, так же, как *Пшкн* может служить удобным сокращением имени *Пушкин* (что успешно использовалось, например, в Толковом словаре под ред. Д.Н. Ушакова). В то же время *м'л* как *мила*, *м'кт'* как *мякуть* (в отличие от *мякоть*) – опознаются уже с трудом, а *с* как усы – вовсе не опознается.

Русские гласные как средство выражения семантических отношений не изолированы от согласных, а находятся в тесном взаимодействии с ними. Гласные – основа слоговой структуры речи, вне которой она в принципе немыслима. К тому же, гласные – приоритетный по значимости экспонент деривационных и грамматических отношений. Описать механизм звукового соотношения слов, тем более в его «поэтическом варианте», как повторение групп согласных фонем, вне контурных отношений в слоговой и ритмико-просодической структуре слова, невозможно.

На роль гласных и фонотактики слова в целом как факторов ассоциирования сегментов речевой цепи, в частности, указывают материалы РАС. Предварительное обобщение результатов экспериментов, отраженных в словаре, позволяет утверждать, что подавляющее большинство межсловесных ассоциаций на основе звуковой близости слова-стимула и слова-реакции имеют характер рифмы или квазирифмы и в основном базируется на аналогии сегментно-просодического, в частности ритмико-вокалического, строения слов, а также имеют вид «микропалиндрома». Так, объединяются *мальчуган* – и *балаган*, *болван*, *наган*, *партизан* и в то же время – *милый*, *молодой*; *манускрипт* – и *скрип*, *скрипит* (но также и вымышленное *тпирксунам* – палиндром); *маска* – и *краска*, *каска*; *масло* – и *мало*, *мясо*, *гасло* (но также и *сало*); *марафон* – и *магнитофон*, *марс* и *фарс*; *тряпка* – и *тяпка*, *губка*; *бабушка* – и *башка*; *бежать* – и *лежать*; *время-бремя*; *билет* – *балет*; *видеть* – *ненавидеть*; *это* – *лето*; *маразм* – и *грязь*; *труха* – *старуха* и *трубка*; *тряпка* – *тяпка*, *губка*, *грязь*; *сам* – и *там*, *хам*, *с усам*, а также *Сусанин* (видимо, в рамках тройной ас-

социативной цепочки *сам* – *с усам/с усами* → *Сусанин*, на фоне народной этимологии *Сусанина* как «с усами» и «сам с усам»); на стимул *мальчик* – следует 124 реакции с *пальчик* и далее лишь 76 – *девочка*, 52 – *маленький*, 12 – *хороший* и т. д.

Материалы исследований звуковой ассоциативности в детском субъязыке [Родионова, 2004], проведенных под руководством А.В.Пузырева, подтверждают факт преобладания эхообразных соответствий между стимулом и реакцией в детской речи при исключительно высокой действенности вокалических и слоговых совпадений: *осень* – *восемь*, *осень* – *осы*, *телевизор* – *делегировать*, *радистка* – *редиска*, *салфетка* – *конфета*, *кристалл* – *крест* и т. п.; а также важную роль тесно привязанных к слогу соответствий метатетического характера, при сохранении цементирующих гласных: *осень* – *роза*, *роза* – *гром* (очевидно, при имплицитном посреднике *гроза*), *осень* – *весна*, *бемоль* – *мебель*, *облицовка* – *больница* и др.

Вместе с тем в рамках общеязыковых ассоциативных норм *пить* и *апостол* (П-Т) объективно гораздо дальше друг от друга, чем *пить* и *петь*, объединенные не только звуковой, но и сегментно-просодической корреляцией, что подтверждается и поэтической, и повседневно-речевой практикой. Так, РАС показывает следующие звуковые ассоциаты *петь*: *петух*, *взлететь*, *вопить*, *выступать*, *в клозете*, *греть*, *дуреть*, *есть*, *куплеты*, *паять*, *песок*, *Петр*, *пирожки*, *писк* и др. Из поэтических контекстов достаточно напомнить цветаевский: *Чтоб не елось, чтоб не пелось, / Чтоб не пилось, не спалось...* («Развела тебе в стакане...»); ср. там же лексикализованные созвучия в «банальных» рифмах, вплетаемые во внутренние созвучия в строках (*младость* – *сладость* – *радость* – и рядом: *власы* – *златые*; *ослеп* – *оглох*; *иссох* – *мох* и др.): *Чтобы младость* – не в *радость*, / *Чтобы сахар* – не в *сладость* / *Чтоб не ладил* в тьме ночной / *С молодой женой...* // Как *власы* мои *златые* / *Стали* серой *золотой*, / Так года твои *младые* / *Стянут* белой зимой. // *Чтоб ослеп-оглох* / *Чтоб иссох*, как *мох*, / *Чтоб ушел*, как *вдох*. Не менее показательны, что пары *пелось* – *пилось*; *пилось* – *спалось* (последняя с акцентным сдвигом), выступают в тексте на тех же правах, что и внутренняя рифма *елось* – *пелось*, а далее – *стали* – *стянут*; *златые* – *золотой* и т. д. Конечно, *морозы-розы*, как общеязыковая ассоциация и расхожий поэтизм, будет в основном игнорироваться поэтической практикой и использоваться, уже вслед за Пушкиным, лишь в пародийном или ироническом ключе (а возможно – и в контекстах, «реабилитирующих» банальность, как это по-разному проявляется у М. Цветаевой и А. Ахматовой). Однако несомненно, что *морозы* – *метаморфозы*, *морозы* – *матросы*, *роза* – *мимоза* или зафиксированное в РАС *матрац* – *матрос* не только потенциальные рифмы, но и потенциально сильные семантические корреляты.

Ассоциативность рядов, основанная на повторе начальной и ударной гласных, созвучии инициалей и финалей, синтагматической целостности повторяемых сегментов, оказывается вполне «надежной»: *апостол* – *апостроф*, *апостол* – *столпы*, *апостол* – *автостоп*, *апостол* – *остолоп*. Ср.: *Это Петр Святой, он апостол, а я остолоп* (Высоцкий. Райские яблоки); *Салям алейкум. Нас тут*

много – апостолов, апострофов и прочих столпОв (Форум simoron.dax.ru); Как утверждают... апостолы автостопа (К. Кудряшов. «Автостоп постопа», ВМ, 12.08.04); А у культа есть свои атрибуты – Столпы, Апостолы и Остолопы (Форум Скуки.нет); Поостыли толпы... столпы опостытели. И мы, апостолы-остолопы (Форум dlc.miem.edu.ru). Рядом с этими такие связки, например, как *апостол* – и *пугливость* (где есть консонантная общность – П-Т-Л) или *лихорадить* – *вдохнул* (Л-Х-Д), где согласные «не привязаны» к аналогичной фонотактике, выглядят заведомо значительно слабее и не способны создавать ассоциативных рядов в на основе близкозвучия.

«Сила» и «глубина» созвучия, таким образом, обеспечивается повтором согласных постольку, поскольку он поддерживается: 1) корреляцией акцентной структуры слов; 2) соотносённостью их слоговой структуры; 3) сходством в качестве звукового наполнения; 4) непрерывностью созвучия и 5) порядком расположения звуков в рамках слоговых единств.

При этом коррелятивность сегментно-просодической структуры слов служит фактором близкозвучия даже там, где субстанциональное заполнение сходных ритмических и слоговых каркасов имеет минимум совпадений, типа ворон – сокол, люди – горы (об этом свидетельствуют и редупликативные образования любых языков, не говоря уже о факторе «идентичности вокалических корней» [Yip, 1995], получающий в некоторых языках смыслоразличительный статус). В поэзии на этой базе развивается *эквиритмия* – принцип стихового соотношения отрезков сходной сегментно-просодической структуры, наиболее ярко выражающийся в устройстве рифмы, которая в своем базовом виде основана на строгой фонотактической аналогии соотносимых участков звуковой цепи. Эквиритмия может охватывать отрезки вплоть до целых стихов и далее: *Колокольчики звенят,* / *Барабанчики гремят...* (Пушкин) (повторяемая сегментно-просодическая структура – *сvсvсVссvсv ссvсVс*).

По мере усиления субстанционального сходства ассоциативная способность увеличивается и в какой-то момент (по достижении определенного барьера субстанциональной близости и при условии сохранения сегментной целостности повтора) появляется возможность комбинаторно-просодического варьирования коррелятов (прежде всего – в виде инверсий и метатез). Перестановки, чтобы быть ощутимыми и не разрушить ассоциацию, допускаются только при соблюдении (избирательном и/или частичном) пяти перечисленных сегментно-просодических условий, а уже получая самостоятельную перцептивную значимость, приобретают и возможности их особого функционального применения в тексте.

Слоговое и сегментно-просодическое строение речи становится той ареной, на которой совершаются все значимые для формы стиха образования и преобразования. Подтверждением тому, в частности, может служить прием метатонии – см. [Векшин 2009]: *Óсип осíп...*; *дуракí* и *дорóги*. Татьяна то *вздохнёт*, то *óхнет* и т.п. – прием, выпавший из поля зрения теоретиков ЗП и паронимической аттракции потому, что сегментная и просодическая структура по-

вторя считалась неважной. Ср. акцентный сдвиг и перестановки в рифмах Б.Слуцкого:

Москва была не грустная, /
Москва была пустая. /
Нельзя грустить без устали. /
Все до смерти устали. /
Все спали, только дворники /
Неустово мели,
/ Как будто рвали корни и /
Скребли из-под земли (Современные размышления).

Чтобы привести механизм повтора в действие, недостаточно одного субстанционального, качественного сходства разрозненных или группами повторяемых согласных: эффект варьирования, собственно ритмообразующий момент, возникает там, где взаимодействуют несколько уровней эквивалентности – соразмерности и сопоставимости. Стих нуждается в использовании относительно стабильного набора признаков того, что возвращение, хотя бы и однократное, в конкретном случае совершилось. Таким образом, важнейшим вопросом стиховой фонетики становится вопрос о мерах звуковой соотносительности, о позиционных форматах и признаках, указывающих на эти меры (как бы звуковые «стопы»), и, уже далее, об эффектах, возникающих на фоне их соотносительности.

Если взять приведенные выше звуковые ассоциаты детского языка: *осень* – *весна*, *бемоль* – *мебель*, *облицовка* – *больница*, легко заметить, что попытка разделить эти слова на произносительные слоги, разорвет наиболее сильные слогообразные созвучия: *о-сень*, но *ве-сна*; *бе-моль* – *ме-бель*, *о-бли-цов-ка* – *боль-ни-ца*. Однако звуковое сходство своеобразно пересиливает инерцию слогоделения.

Для понимания механизмов звуковой организации стиха важно, что слог – единица недискретная. Идея слогораздела – попытка применить логику дискретности к непределенным единицам речи и возникает как результат проецирования сегментной структуры предельных единиц – слова и морфемы – на непрерывную слоговую цепь. Согласно В.Б.Касевичу, «для ритмизации средствами слогоделения необходимы и достаточны скорее всего границы как таковые, т. е. более или менее любые, а не определенные строгими правилами» [Касевич 1983, с. 104], а слог определяется как единица-схема и синтагматическая единица, главной функцией которой является функция коартикуляции [там же, с. 102-103]. . Внутри слова, а в определенном смысле – и внутри синтагмы, особенно стиховой, мы имеем дело не с распадением цепи на слоги, а с модуляциями слогообразующей (сонорной) кривой, последовательностью вершин и долин, образуемых противопоставленностью слогообразующих и неслоговых элементов [Зиндер 1979, с.256], на которую, в свою очередь, накладываются просодические отношения более высокого порядка. Поэтому для звуковых повторений в их слоговом измерении важны лишь отнесенность согласных к слоговым вершинам и порядок следования элементов, различных по способности к слогообразованию.

Простейшей единицей звуковой соотносительности в стихе, таким образом, выступает варьируемый слогаобразный звуковой ряд. Его было предложено называть фоносиллабемой (далее также – ФС) [Векшин 2006, с. 104-142], чтобы, в отличие от термина силлабема, в его мотивации просматривалось указание на единство сегментного (сегментно-звукового) и суперсегментного (контурного). Объединение простых слогаобразных сегментов посредством ЗП (фоносиллабический комплекс) также, по нашим наблюдениям, обладает просодическим единством, поскольку не может быть двуударным (там же), и представляет собой акцентно варьируемую неодносложную звуковую «стопу».

Элементарным отрезком звуковой соотносительности в стихе и кратчайшей фоносиллабемой способен выступать гласный в отвлечении от консонантного ряда, при том что ассоциированность гласных в стихе требует строгого постоянства их качества и внешнего, позиционного подкрепления. Так возникает ассонанс.

Далее следует одноконсонантная фоносиллабема (**Одна идет дорога** в горы: од–дО(т) –до), а наиболее сильными ассоциированными «наималами» (по выражению В.Хлебникова) стиховой синтагматики выступают дву- и трехконсонантные ФС.

Существенно, что гласный в составе ФС выступает прежде всего как кульминирующая позиция, слоговой пик, подчиняющий себе сегменты звукового повтора в пределах слогаобразного целого и качество гласного при наличии сходства согласных и/или ритмико-слогового параллелизма имеет второстепенное значение. Однако «различный состав сопутствующих гласных» [Брик 1919, с.60] – лишь повод говорить о неприоритетной значимости постоянства качества гласного, т.е. о допустимости варьирования наполнителей вокалической позиции (например, в приведенном выше: **Вооруженный зреньем узких ос, / Сосущих ось земную, ось земную** у Мандельштама). При этом качественное совпадение усиливает корреляцию (**Сметает пыль с могильных плит**) и особо важно важно для ударных и абсолютно начальных гласных: **Урну** с водой **уронив...**

Следует заметить, что двуконсонантное единство как сегмент ЗП может быть представлено как соединение одноконсонантных ФС, и наоборот: фоносиллабическое членение вариативно постольку, поскольку одна и та же согласная может относиться к двум потенциальным слогам, а гласный способен в одиночку составить слог. Так, последний пример можно записать как: 1) У+рну – У+рон; 2) Урн(у) – рОн; 3) Ур+ну – Ур+он; **Заборы избы** и **дворы** как: 1) заб – Изб(ы); 2) за+бО – Из+бы; **Врагу** царя на **поруганье** как 1) раг – руг; 2) ра+гУ – ру+гА и ра+гу – ор+уг; И **внемлет арфе серафима** как: 1) Арф(е) – раф; 2) Ар+фе – ер+аф и Ар+фе – ра+фИ (внутрисловные соединения оказываются всегда сильней межсловных; эпентеза позволяет соединять согласный «через голову» соседнего согласного с последующей гласной, но не с предыдущей; есть и другие, по данным повтора, ограничения и предпочтения при соединении звуков в ФС, которые следует обсуждать особо). С этой многовариантностью записи непросто смириться, поскольку привыкшее к оперированию дискретными

единицами логическое сознание требует определенности и однозначности. Поэтому же и «эмичность» фоновсиллабемы условна: речь идет не о единице языка, но о единице языковой способности, об относительно автономизируемых, но в принципе исчислимых простейших сегментах и форматах речевой ассоциативности. В то же время именно возможность неоднозначного выделения делает ФС и фоновсиллабические комплексы (контактные объединения фоновсиллабов; далее – ФК) способными превращаться в «противослоги» текста, то подчеркивающие, то размывающие границы морфемного и словесного членения.

С тяготением ФС к поэтической морфологизации может быть связано столь заметное в примерах О. Брика стремление дву- и трехконсонантных сегментов ЗП составить один потенциальный слог: именно односложные морфы решительно преобладают над всеми другими в русском языке [Зубкова 2010, с. 268; ср. Векшин 2010, с. 134-135], а простейшим «осколком» слова (это хорошо видно в современной языковой игре, в анаграммах, в загадках, вроде Бриковой про *ко-чер-гу*) выступает одиночный потенциальный слог. Ср. у современного поэта А.Штыпеля («Улыбкою дитя»):

Пока еще с утра гадают о погоде,
пока горит на елке мандарин,
так сЛАДки ТОЛки о гоЛЮДном годе
и деревянной птички до-ре-ми...

Чтобы стать речевым событием вообще, ЗП может только опираться на простейший шаг речеобразования – слог, но в составе высказывания ЗП может быть событием, только если он имеет отношение к ударению (ударности/безударности). Замечу, что когда мы говорим, что слово имеет ударение, мы говорим о слове как единице словаря. Реализуемая речь в основе своей – это последовательность сменяющих друг друга ударных и безударных слогов, образующих непрерывную цепь, сплошную ткань, которая держится на остриях гласных – вообще и, в первую очередь, ударных. Гласный как слогаобразующий элемент – знак того, что речь совершила минимальный шаг в ее развертывании, что цепная реакция речеобразования породила новое звено. Появление гласного – знак простейшего события в процессе речевого предсказания [ср. Мельников 1968; Лосев 1982, с. 472], создающего речевую цепь как таковую, а появление ударного гласного – знак простейшего события в процессе предсказания смыслоносителей, в итоге создающего высказывание, потому что только ударный гласный будет способен стяжать фразовое ударение: ткань высказывания держится не на гласных вообще, а на остриях ударных гласных, а звуковой повтор, оформляющий такую цепь, уже непосредственно выводит нас в область поэтического синтаксиса.

ЛИТЕРАТУРА

Брик О.М. Звуковые повторы // Поэтика. Сборники по теории поэтического языка. – Пг., 1919. – С. 58–98.

Векшин Г.В. Очерк фоностилистики текста: Звуковой повтор в перспективе смыслообразования. – М., 2006.

Векшин Г.В. Метафония в звуковом повторе (к поэтической морфологии слова) // Новое литературное обозрение. – № 90, 2008. – С. 229–250.

Векшин Г.В. Метатония (акцентный сдвиг) в системе фоностилистических приемов текста // Лингвистика креатива: Коллект. монография. – Екатеринбург, 2009. – С.194–215.

Векшин Г.В. Взгляды О.М.Брика на звуковой повтор и фоновиллабика стихотворного текста // Поэтика и фоностилистика: Бриковский сборник. Выпуск 1 : Материалы международной научной конференции «I-е Бриковские чтения: Поэтика и фоностилистика» (Московский государственный университет печати, Москва, 10–12 февраля 2010 года) / Отв. ред. Г.В. Векшин. – М. : МГУП, 2010. – С.129–152.

Григорьев В.П. Паронимия // Языковые процессы в современной русской художественной литературе: Поэзия. – М., 1977. – С. 186–239.

Зиндер Л.Р. Общая фонетика. – М., 1979.

Касевич В. Б. Фонологические проблемы общего и восточного языкознания. – М., 1983.

Лосев А.Ф. Поток сознания и язык // Лосев А.Ф. Знак. Символ. Миф. – М., 1982. – С. 453–478.

Мельников Г.П. Сущность предикации и способы её языкового выражения // Инвариантные синтаксические значения и структура предложения. – М., 1968. – С. 116–125.

РАС, 2002: Русский ассоциативный словарь. В 2 т. / Ю.Н. Караулов, Г.А. Черкасова, Н.В. Уфимцева, Ю.А. Сорокин, Е.Ф. Тарасов. – М.: АСТ, 2002.

Родионова И.Г. Звуковые ассоциации в детском субъязыке: Автореф. дис. ... канд. филол. наук. – Пенза, 2004. – 18 с.

Yip, M. Repetition and its Avoidance: The case of Javanese // Proceedings of South Western Optimality Theory Workshop 1995: Arizona Phonology Conference. Vol 5. – U. Of Arizona, Department of Linguistics Coyote Papers. Tucson AZ, 1995. – P. 238–262.

Аспирант О.С. Выстропова (Волгоград)

ОЛИЦЕТВОРЕНИЕ КАК СПОСОБ ВЕРБАЛИЗАЦИИ КОНЦЕПТА «РАДОСТЬ /ВЕСЕЛЬЕ» В ТВОРЧЕСТВЕ Р. БЁРНСА

В последние годы в фокусе внимания отечественных лингвоконцептологов все чаще оказываются индивидуально-авторские концепты (Н.А. Ашихманова, Н.А. Красавский, О.С. Макарова и др.), что обусловлено, с одной стороны, достаточной изученностью общенациональных когнитивных картин мира, а с другой – недостаточным описанием индивидуальных художественных картин мира.

Под концептом понимается сложное образование, структура которого включает понятийный (информационно-фактуальный), образно-перцептивный и ценностный (оценка и поведенческие нормы) компоненты (В.И. Карасик).

Способами реализации концептов в художественных текстах могут выступать тропы, одним из которых является олицетворение. Олицетворение представляет собой одно из индивидуальных специфических средств выражения языковой личности, в особенности поэта.

Рассмотрим с аксиологических позиций концепт “joy” («радость /веселье»), реализуемый посредством приёма олицетворения в стихотворениях известного шотландского поэта Роберта Бёрнса. Его произведения были написаны на диалекте Южно-Шотландской возвышенности (Лоуленд) в XVIII веке. Выбор данного концепта обусловлен его высокой степенью лингвистической объективации в произведениях Р. Бёрнса.

Приведем пример использования олицетворения как способа объективации образной и ценностной составляющих концепта “joy” («радость /веселье») из отрывка стихотворения «Шотландский виски»: *“Thou clears the head o'doited Lear; Thou cheers ahe heart o' drooping Care; Thou strings the nerves o' Labour sair, At's weary toil; Though even brightens dark Despair Wi' gloomy smile”* (Ты просветляешь разум Лира; Ты кровь бодрит во время пира; Ты наших душ латаешь дыры; Ты бьешь ключом; И ты в отчаянии мира Блестишь огнем) (Перевод Ю.В. Князева). В данном фрагменте стихотворения олицетворяется национальный (шотландский) напиток “Scotch Drink” при помощи таких глаголов, как “clear”, “cheer”, “string”, “brighten”, которые обладают положительной коннотацией. Посредством личного местоимения “thou” (поэт. «ты») автор одушевляет шотландский виски в обращении лирического героя к объекту его восхищения.

При помощи приёма олицетворения представлена лингвистическая объективация образного и соответственно ценностного компонента концепта “joy” в следующем фрагменте стихотворения «Зима: плач»: *“The leafless trees my fancy please, Their fate resembles mine!”* (Безлиственные деревья радуют моё воображение, Их судьба похожа на мою!) (Перевод наш – О.В.). В приведённом примере олицетворяются деревья (“trees”) через использование глагола “please” (нравиться, радовать, быть в радость, угождать), обладающего позитивной коннотацией. Приведем еще один пример: *“The tempest's howl, it soothes my soul...”* (Бури завывают – это успокаивает мою душу) (Перевод наш – О.В.). Лирический герой Р. Бёрнса радуется душевному единению с зимней природой: его не пугают ни бури, ни град, ни снег. Вой бури и безлиственные деревья сродни душе протагониста.

Материал показывает, что среди фигур речи олицетворение весьма часто применяется в поэзии Р. Бёрнса в качестве способа обозначения и выражения индивидуально-авторского концепта “joy”. Образную составляющую этого концепта формируют, в частности, “Scotch Drink” (шотландский напиток), “Nansie's wa's” («стены Ненси»), “trees” (деревья), “hornpipes” (волынка), “jigs” (танец «джига»), “reels” (танец «рил»). Индивидуально-авторский концепт “joy” Р. Бёрнса оказывается позитивно-ценностен.

СИСТЕМНО-ЯЗЫКОВЫЕ ХАРАКТЕРИСТИКИ ЗВУКОВЫХ ПРОДЛЕНИЙ
В РОМАНЕ ФРЕНСИСА СКОТТА КЕЙ ФИЦДЖЕРАЛЬДА «НОЧЬ НЕЖНА»
(F. Scott Fitzgerald "Tender is the Night")

В романе Френсиса Скотта Кей Фицджеральда «Ночь нежна» оказалось 18 продлений гласных и согласных звуков. Почти все они встретились в прямой речи.

Звуковые продления примерно поровну наблюдаются в гласных (10 примеров, или 55%) и согласных (8 примеров, или 45%). Ср.:

Tommy was at a table laughing his martial laugh: 'Um-buh-ha-ha! Um-buh-ha-ha!' As a rule, he drank little; courage was his game and his companions were always a little afraid of him. Recently an eighth of the area of his skull had been removed by a Warsaw surgeon and was knitting under his hair, and the weakest person in the cafe could have killed him with a flip of a knotted napkin. (F.S. Fitzgerald 1997: 248) – Продление согласного [h].

Томми, сидя за столиком, оглушал собутыльников раскатами боевого хохота: «Умбу – ха-ха! Умбу – ха-ха!» Как правило, он пил немного; его главная сила была в бесстрашии, и приятели всегда немного побаивались его (пер. И.Д.Калашниковой; <http://lib.rus.ec/b/129900/read#t28>).

'Tell me the truth about you,' he demanded. 'I always have.'

'In a way – but nothing hangs together.' They both laughed, but he pursued. *'Are you actually a virgin?'*

'No-o-o!' she sang. 'I've slept with six hundred and forty men – if that's the answer you want.' 'It's none of my business.' 'Do you want me for a case in psychology?' 'Looking at you as a perfectly normal girl of twenty-two, living in the year nineteen twenty-nine, I guess you've taken a few shots at love.' (F.S. Fitzgerald 1997: 266) – Продление гласного [o].

– Скажите мне правду о себе, – попросил он.

– Я вам никогда не говорила неправды.

– Допустим – но есть логика вещей.

Оба рассмеялись; но он продолжал свое:

– Вы в самом деле еще невинны?

– Что-о-о вы! – пропела она. – У меня было шестьсот сорок любовников – такой ответ вам нужен?

– Вы не обязаны передо мной отчитываться.

– Вам нужен материал для психологического исследования?

– Просто когда видишь нормальную, здоровую девушку двадцати двух лет, живущую в году тысяча девятьсот двадцать восьмом, естественно предположить, что она уже пробовала заводить романы. (пер. И.Д.Калашниковой; <http://lib.rus.ec/b/129900/read#t28>).

Таблица 1

ЗВУКОВЫЕ ПРОДЛЕНИЯ В РАЗЛИЧНЫХ ЧАСТЯХ РЕЧИ

Часть речи	Сущ.	Прил.	Числ.	Мест.	Гл.	Н	Кат. сост.	Мжд	Чст	Зп	Всего
Количество											
Повтор гласных	-	-	-	-	-	2	-	4	2	2	10
Повтор согласных	2	1	-	-	-	-	-	4	-	1	8
Всего	2	1	-	-	-	2	-	8	2	3	18

Как видим, чаще всего с продлёнными гласными и согласными звуками используются междометия. Количественное преобладание междометий объясняется спецификой этой части речи.

По значению выделяют две большие группы междометий:

- 1) эмоциональные,
- 2) императивные (волеизъявляющие, выражающие призыв или побуждение к действию).

Представляется неслучайным, что продленные звуки чаще наблюдаются в первой группе междометий (в эмоциональных).

Таблица 2

Продление	Междометия					
	Эмоциональные		Императивные		Всего	
	Кол-во	%	Кол-во	%	Кол-во	%
Гласных	3	37,5	1	12,5	4	50
Согласных	3	37,5	1	12,5	4	50
Всего	6	75	2	15	8	100,00

Продление гласных и согласных встречаются в равной степени в эмоциональных, и в императивных междометиях (50%). Однако в эмоциональных междометиях продления как гласных, так и согласных превышают в процентном отношении количество тех же продлений в императивных (соответственно 75% и 15%).

С точки зрения синтаксиса междометия в составе предложения «не связываются с другими словами и членами предложения не являются», а «вне предложений междометия выступают обычно в качестве самостоятельных нечленимых слов-предложений» (П.А.Лекант 1988: 255).

«Нечленимые предложения очень употребительны в речи. Выражение согласия (подтверждения) или несогласия (отрицания) является одним из важнейших моментов общения» (П.А.Лекант 1988: 318).

Поэтому неудивительно, что в 6 случаях (75%) междометия с продленными звуками выступают как нечленимые слова-предложения. В 1 контексте (12,5%) эмоциональное междометие членом предложения не является, а в ещё одном субстантивированное междометие выступает в качестве прямого дополнения.

Например:

The two climbers gasped momentarily from their efforts; as they settled into seats, laughing and crowding the English to the corners, Nicole said, 'Hello.' She was lovely to look at; immediately Dick saw that something was different; in a second he realized it was her fine-spun hair, bobbed like Irene Castle's and fluffed into curls. She wore a sweater of powder blue and a white tennis skirt—she was the first morning in May and every taint of the clinic was departed.

'Plunk!' she gasped. 'Whoo-oo, that guard. They'll arrest us at the next stop. Doctor Diver, the Conte de Marmora.'

'Gee-immy!' She felt her new hair, panting. 'Sister bought first-class tickets — it's a matter of principle with her.' (F.S. Fitzgerald 1997: 44)

В соседнем отделении, расположенном выше, компания англичан, стоя, шумно восхищалась пейзажем; вдруг там поднялась кутерьма – какая-то молодая парочка с извинениями проталкивалась в самое нижнее отделение, то, где сидел Дик. Юноша был итальянец с глазами, как у оленьего чучела; девушка была Николь.

Еще не отдышавшись после усилий, затраченных на то, чтобы добраться до цели, они с веселым смехом уселись напротив Дика, оттеснив в стороны сидевших там англичан, и Николь сказала: «Хелло!» Что-то в ней переменялось, отчего она еще похорошела; Дик не сразу понял, что все дело в причёске, – ее легкие волосы были подстрижены и взбиты локонами. На ней был сизо-голубой свитер и белая теннисная юбка – она была точно первое майское утро, клиника не оставила на ней никакого следа.

– Уфф! – выдохнула она. – Ну, теперь берегитесь. Нас арестуют, как только фуникулер остановится. Доктор Дайвер – граф де Мармора.

Все еще тяжело дыша, она потрогала свою новую причёску.

– Понимаете, сестра взяла билеты первого класса – она не признает иначе (пер. И.Д.Калашниковой; <http://lib.rus.ec/b/129900/read#t28>).

Daddy's girl. Was it a 'itty-bitty bravekins and did it suffer? Ooo-ooo-tweet, de tweetest thing, wasn't she dest too tweet? Before her tiny fist the forces of lust and corruption rolled away; nay, the very march of destiny stopped, inevitably became evitable; syllogism, dialectic, all rationality fell away. Women would forget the dirty dishes at home and weep; eve within the picture one woman wept so long that she almost stole the film from Rosemary. She wept all over a set that cost a fortune, in a Duncan Phyfe dining room, in an airport, and during a yacht-race that was only used in two flashes, in a subway, and finally in a bathroom. But Rosemary triumphed - her fineness of character, her courage and steadfastness intruded upon the vulgarity of the world and Rosemary showing what it took with a face, that had not yet become mask-like; yet it was actually so moving that the emotions of the whole row of people

went out to her at intervals during the picture. There was a break once and the light went off and after a chatter of applause Dick said to her sincerely: 'I'm simply astounded. You're going to be one of the best actresses on the stage.' (F.S. Fitzgerald 1997: 152)

Папина дочка. Такая малипуся, а ведь чего только не натерпелась, бедненькая. Кисонька-лапочка, храброе маленькое сердечко. Перед этим крохотным кулачком отступали похоть и разврат, судьба и та оборачивалась по-иному, логика, диалектика, здравый смысл теряли всякую силу. Женщины, забыв про горы невымытой посуды дома, плакали в три ручья; даже в самом фильме одна женщина плакала так много, что едва не оттеснила в нем Розмэри на задний план. Она плакала в декорациях, стоивших целое состояние, в столовой в стиле Данкена Файфа¹, в аэропорту, на реке во время парусных гонок, из которых вошло в картину только два кадра, в вагоне метро и, наконец, в туалетной. Но победа все же осталась за Розмэри. Благородство натуры, смелость и решительность помогли ей устоять против царящей в мире пошлости; все тяготы выдержанной борьбы читались на лице Розмэри, еще не успевшем превратиться в привычную маску, – и так по-настоящему трогательна была ее игра, что симпатии всего ряда зрителей то и дело устремлялись к ней. Картина шла с одним перерывом: как только дали свет, все наперебой принялись выражать свое восхищение, а Дик, переждав общий шум, сказал просто и искренне: «Вы меня потрясли. Уверен, что вы станете одной из лучших актрис нашего времени». (пер. И.Д.Калашниковой; <http://lib.rus.ec/b/129900/read#t28>)

Abe left from the Gare Saint-Lazare at eleven – he stood alone under the fouled glass dome, relic of the 'seventies, era of the Crystal Palace; his hands, of that vague grey colour that only twenty-four hours can produce, were in his coat pockets to conceal the trembling fingers. With his hat removed it was plain that only the top layer of his hair was brushed back; the lower levels were pointed resolutely side-wise. He was scarcely recognizable as the man who had swum at Gausse's beach a fortnight ago.

He was early; he looked from left to right with his eyes only; it would have taken nervous forces out of his control to use any other part of his body. New-looking baggage went past him; presently prospective passengers with dark little bodies were calling: 'Jew-uls-Нoo-oo!' in dark piercing voices. (F.S. Fitzgerald 1997: 165)

Поезд на Гавр отходил в одиннадцать часов с Сен-Лазарского вокзала. Эйб стоял один под мутным от грязи стеклянным сводом, пережитком эпохи Хрустального дворца, запрятав в карманы землисто-серые после многочасового кутежа руки, чтобы не видно было, как они трясутся. Он был без шляпы, и щетка явно лишь наспех прошла по его волосам – слегка приглаженные сверху, ниже они упрямо топорщились в разные стороны. Трудно было узнать в нем недавнего купальщика с пляжа Госса.

Было еще рано; он озирался кругом одними глазами – чтоб повернуть хотя бы голову, потребовалось бы нервное усилие, на которое он сейчас не был способен. Провезли мимо новехонькие на вид чемоданы; какие-то смуглые ма-

ленькие человечки, его будущие спутники, перекликались смуглыми гортанными голосами (пер. И.Д.Калашниковой; <http://lib.rus.ec/b/129900/read#t28>).

Вторым по количеству звуковых продлений лексико-грамматическим рядом являются частицы, звукоподражания и существительные.

Соотношение модальных и немодальных (эмоциональной оценки) частиц с продленными звуками оказалось следующим.

Таблица 3

Продление	Частицы					
	Модальные		Эмоциональные		Всего	
	Кол-во	%	Кол-во	%	Кол-во	%
Гласных	2	100,00	-		2	100,00
Согласных	-		-		-	-
Всего	2	100,00	-		2	100,00

В частицах, как видим, среди продленных звуков преобладают гласные (100 %).

В обоих случаях используется отрицательная модальная частица “No-o-o!”.

Примеры:

They were meeting for the first time. Brady was quick and strenuous. As he took her hand she saw him look her over from head to foot, a gesture she recognized and one that made her feel at home, but gave her always a faint feeling of superiority to whoever made it. If her person was property she could exercise whatever advantage was inherent in its ownership.

'I thought you'd be along any day now,' Brady said, in a voice that was just a little too compelling for private life, and that trailed with it a faintly defiant cockney accent. 'Have a good trip?'

'Yes, but we're glad to be going home.'

'No-o-o!' he protested. 'Stay awhile – I want to talk to you. Let me tell you that was some picture of yours – that Daddy's Girl. I saw it in Paris. I wired the coast right away to see if you were signed.'

'I just had – I'm sorry.'

'God, what a picture!' (F.S. Fitzgerald 1997: 91)

Они никогда не встречались раньше. Брэди был кипуч и стремителен.

Пожимая ей руку, он окинул ее всю быстрым взглядом – знакомая игра, которая сразу ввела Розмэри в привычную атмосферу, и при этом, как всегда, вызвала чувство превосходства над партнером. Если ее особа – ценность, почему не извлечь преимущества из того факта, что эта ценность принадлежит ей?

– Я ждал вас со дня на день, – сказал Брэди; в его голосе, чуть излишне победительном для житейского разговора, слышался легкий призыв лондонского простонародного акцента. – Довольны путешествием?

– Да, но хочется уже домой.

– Нет-нет-нет, – запротестовал он. – Не торопитесь – нам с вами нужно поговорить. Я видел вашу «Папину дочку»; должен сказать, это – первый класс. Я

смотрел ее в Париже и сразу же телеграфировал, чтобы узнать, ангажированы вы уже или нет.

– Простите, я только вчера...

– Черт возьми, какая картина! (пер. И.Д.Калашниковой; <http://lib.rus.ec/b/129900/read#t28>).

Her face had changed with his looking up at it; there was the eternal moonlight in it.

'That would be poetic justice if it should be you,' she said. She twisted away from him, walked to the mirror, and boxed her disarranged hair with her hands. Presently she drew a chair close to the bed and stroked his cheek. 'Tell me the truth about you,' he demanded. 'I always have.'

'In a way—but nothing hangs together.' They both laughed, but he pursued. 'Are you actually a virgin?'

'No-o-o!' she sang. 'I've slept with six hundred and forty men – if that's the answer you want.' 'It's none of my business.' 'Do you want me for a case in psychology?' 'Looking at you as a perfectly normal girl of twenty-two, living in the year nineteen twenty-nine, I guess you've taken a few shots at love.' (F.S. Fitzgerald 1997: 266)

Оттого что он смотрел на нее снизу вверх, у нее сделалось совсем другое лицо, будто раз навсегда озаренное луной.

– Было бы романтически оправдано, если б это случилось именно с вами, – сказала она. Вывернувшись из его рук, она подошла к зеркалу и стала взбивать растрепавшиеся волосы. Потом придвинула себе стул к кровати и погладила Дика по щеке.

– Скажите мне правду о себе, – попросил он.

– Я вам никогда не говорила неправды.

– Допустим – но есть логика вещей.

Оба рассмеялись; но он продолжал свое:

– Вы в самом деле еще невинны?

– Что-о-о вы! – пропела она. – У меня было шестьсот сорок любовников – такой ответ вам нужен?

– Вы не обязаны передо мной отчитываться.

– Вам нужен материал для психологического исследования?

– Просто когда видишь нормальную, здоровую девушку двадцати двух лет, живущую в году тысяча девятьсот двадцать восьмом, естественно предположить, что она уже пробовала заводить романы.

– Пробовала – только все не всерьез.

Дик никак не мог поверить. Ему только было неясно, создает ли она между ними искусственную преграду или просто хочет повесить себе цену на тот случай, если решит уступить (пер. И.Д.Калашниковой; <http://lib.rus.ec/b/129900/read#t28>).

В обоих случаях из 2 (что составляет 100%) частицы образуют нечленимые слова-предложения. В обоих этих случаях отрицательная частица *'No-o-o!'* ис-

пользуется женщинами в целях кокетства, то есть семантико-стилистическая значимость исследуемого материала – продленных гласных и согласных – и здесь оказывается несомненной.

Что касается звукоподражаний, то в 2 случаях из 3 они образуют нечленимые слова-предложения:

He put his gloves, his brief-case on the dressing-table, his stick against the wall. His chin dominated the lines of pain around his mouth, forcing them up into his forehead and the corner of his eyes, like fear that cannot be shown in public.

'Come and sit on my lap close to me,' he said softly, 'and let me see about your lovely mouth.'

She came over and sat there and while the dripping slowed down outside – drip – dri-i-ip, she laid her lips to the beautiful cold image she had created. (F.S. Fitzgerald 1997: 193)

Он положил на туалетный столик портфель, перчатки, прислонил к стене трость. Его упрямый подбородок не давал скорбным складкам лечь вокруг рта, гнал их вверх, ко лбу, к вискам, точно страх, которого не должны видеть люди.

– Идите сюда, сядьте ко мне на колени, – ласково позвал он. – Пусть ваши славные губки будут поближе.

Она повиновалась и под стихающий шум дождя за окном – кап-ка-ап – приложила губы к холодному и прекрасному образу, созданному ее воображением (пер. И.Д.Калашниковой; <http://lib.rus.ec/b/129900/read#t28>).

He came over gently and surrounded her, pulling the shoulder strap of her slip into place with his teeth; then a sound split the air outside: Cr-ACK-BOOM-M-m-m! It was the battleship sounding a recall. (F.S. Fitzgerald 1997: 369)

Нежно обвившись вокруг Николь, он стал зубами поправлять соскользнувшую с ее плеча бретельку, но тут что-то оглушительно бухнуло за окном – это крейсер сзывал своих матросов на *борт* (пер. И.Д.Калашниковой; <http://lib.rus.ec/b/129900/read#t28>).

А в одном случае звукоподражательное слово выступает в предложении в качестве прямого дополнения:

Lying so, she first heard their voices and felt their feet skirt her body and their shapes pass between the sun and herself. The breath of an inquisitive dog blew warm and nervous on her neck; she could feel her skin broiling a little in the heat and hear the small exhausted wa-waa of the expiring waves. Presently her ear distinguished individual voices and she became aware that someone referred scornfully as 'That North guy' had kidnapped a waiter from a café in Cannes last night in order to saw him in two/ the sponsor of the story was a white-haired woman in full evening dress, obviously a relic from the previous evening, for a tiara still clung to her head and a discouraged orchid expired from her shoulder. Rosemary, forming a vague antipathy to her and her companions, turned away. (F.S. Fitzgerald 1997: 68)

Сперва она только улавливала неясный гул голосов, слышала скрип шагов, огибавших ее распростертое тело, да по мельканию теней угадывала, когда кто-

то, проходя, на миг загораживал солнце. Какой-то любопытный пес обдал ей шею теплым, частым дыханием; от горячего солнца уже саднило кожу, а над ухом звучало тихое, утомленное «оxxx» отползающих волн. Мало-помалу она стала различать отдельные голоса и даже выслушала целую историю о том, как некто, презрительно названный «этот тип Норт», вчера похитил официанта в одном каннском кафе, чтобы распилить его надвое. Рассказчица была седая особа в вечернем туалете; она, видимо, не успела переодеться после вчерашнего вечера: волосы ее украшала диадема, а с плеча уныло свешивался увядший цветок. Охваченная безотчетной антипатией к ней и ее спутникам, Розмэри повернулась к ним спиной. (пер. И.Д.Калашниковой; <http://lib.rus.ec/b/129900/read#t28>)

Наблюдая в романе имена существительные, получаем следующее:

Таблица 4

Синт. ф-ция существительных с продлёнными звуками	Обращ.	Дополн.	Сказуемое	Обстоят.	Подлеж.	Всего
Количество примеров	2	-	-	-	-	2
%%	100	-	-	-	-	100

По полученным данным выясняется, что для существительных с продленными звуками в исследуемом тексте характерна функция обращения. Любопытно, что это обращение находится в ситуации, когда демонстрирует «текст в тексте», поскольку наблюдается в песне:

They had a tranquil supper with Dick drinking much beer and being cheerful with the children in the dusky room. Afterward he played some Schubert songs and some new jazz from America that Nicole hummed in her harsh, sweet contralto over his shoulder.

'Thank y' father-r

Thank y' mother-r

Thanks for meeting up with one another----

'I don't like that one,' Dick said, starting to turn the page.

'Oh, play it!' she exclaimed. 'Am I going through the rest of life flinching at the word "father"?'

'-Thank the horse that pulled the buggy that night!

Thank you both for being justabit tight---

Later they sat with the children on the Moorish roof and watched the fireworks of two casinos, far apart, far down on the shore. It was lonely and sad to be so empty-hearted toward each other. (F.S. Fitzgerald 1997: 361)

Они мирно поужинали в столовой, не зажигая света; Дик за ужином пил много пива и весело шутил с детьми. Потом он подсел к роялю – играл песни Шуберта и недавно полученные из Америки джазовые песенки, а Николь, заглядывая в ноты через его плечо, напевала глубоким, хрипловатым контральто:

Спасибо, отец,

Спасибо, мать,

За то, что друг друга

Довелось вам узнать...

– Ерунда какая-то, – сказал Дик и хотел перевернуть страницу.

– Нет, пожалуйста, доиграй это! – воскликнула Николь. – Неужели я до конца своих дней должна буду вздрагивать при слове «отец»?

...Спасибо повозке с колченогим коньком.

Спасибо, что в ту ночь были вы под хмельком...

Когда совсем стемнело, они сидели с детьми на плоской кровле и смотрели, как над двумя казино, в двух разных концах взморья, взлетают в небо огни фейерверка. Непривычно и грустно было чувствовать себя чужими друг другу (пер. И.Д.Калашниковой; <http://lib.rus.ec/b/129900/read#t28>).

Важно подчеркнуть, что и здесь продленные звуки оказываются прагматически ориентированными единицами языка, но отражают экспрессивность песенной речи вообще, а не речи персонажей.

Использование продления звуков в наречии наблюдается в следующих контекстах. Во-первых, это дневниковые записи Николь:

The lakes are sunk in the brown clay and the slopes have all the creases of the belly/ the photographer gave us the picture of me, my hair limp over the rail on the board to Capri. 'Good bye, Blue Grotto', sang the boatman, 'come again soo-on'. And afterward tracing down the hot sinister shin of the Italian boat with the wind soughing around those eerie castles, the dead watching from up on those hills. (F.S. Fitzgerald 1997: 61)

Озера точно провалы, берега рыжие, глинистые и изрезаны складками, как обвисшее брюхо. Фотограф снял меня по дороге на Капри и дал нам карточку: я сижу на скамье, волосы у меня распущены и свешиваются за борт. «Прощай, Голубой грот, — пел лодочник, который нас вез, — нет, не прощай, а до свида-а-анья!» А когда мы пересекали в длину страшное раскаленное голенище итальянского сапога, в зарослях вокруг старинных замков зловеще шелестел ветер и казалось, будто на вершинах холмов притаились и смотрят вниз мертвецы. (пер. И.Д.Калашниковой; <http://lib.rus.ec/b/129900/read#t28>)

Продление гласного в наречии '*soo-on*' призвано передать достоверность происходящего, играет характеризующую роль и является иллюстрацией текста в «тексте в тексте»: текст песни лодочника < дневниковые записи Николь < текст романа.

В другом контексте продление звука служит речевому выражению соблазна мужчины женщиной:

Suddenly she came toward him, her youth vanishing as she passed inside the focus of his eyes and he had kissed her breathlessly as if she were any age at all. Then she lay back against his arm and sighed.

'I've decided to give you up,' she said.

Dick started – had he said anything to imply that she possessed any part of him?

'But that's very mean,' he managed to say lightly, 'just when I was getting interested.'

'I've loved you so –' As if it had been for years. She was weeping a little now. 'I've loved you so-o-o.'

Then he should have laughed, but he heard himself saying, 'Not only are you beautiful but you are somehow on the grand scale. Everything you do, like pretending to be in love or pretending to be shy, gets across.'

In the dark cave of the taxi, fragrant with the perfume Rosemary had bought with Nicole, she came close again, clinging to him. He kissed her without enjoying it. He knew there was passion there, but there was no shadow of it in her eyes or on her mouth; there was a faint spray of champagne on her breath. She clung nearer desperately and once more he kissed her and was chilled by the innocence of her kiss, by the glance that at the moment of contact looked beyond him out into the darkness of the night, the darkness of the world. She did not know yet that splendour is something in the heart; at the moment when she realized that and melted into the passion of the universe he could take her without question or regret. (F.S. Fitzgerald 1997: 144-145)

Вдруг она очутилась так близко, что ее полудетские черты расплылись перед его глазами, и он поцеловал ее захватывающим дух поцелуем, как будто у нее вовсе не было возраста.

Она откинулась на его руку и вздохнула.

– Я решила от вас отказаться, – сказала она.

Дик вздрогнул, – кажется, он ничем не дал ей повода почувствовать хоть малейшее право на него.

– Вот уж это безобразие, – нарочито весело сказал он. – Как раз когда я почувствовал некоторый интерес.

– Я так вас любила... – Будто это длилось годы. В голосе у нее дрожали слезы. – Я так вас люби-и-ила...

Ему бы надо было в ответ посмеяться, но вместо того он услышал будто сами собой сказавшиеся слова:

– Вы не только красивая, вы какая-то очень полноценная. У вас все выходит по-настоящему, изображаете ли вы несуществующую любовь или несуществующее смущение.

Снова она придвинулась ближе в темной пещерке такси, пахнувшей духами, купленными по выбору Николь. Он поцеловал ее поцелуем, лишенным всякого вкуса. Если и была в ней страсть, то он мог только догадываться об этом; ни глаза ее, ни губы ничего не говорили о страсти. Ее дыхание чуть-чуть отдавало шампанским. Она еще тесней прижалась к нему, словно в порыве отчаяния, и он поцеловал ее еще раз, но его расхолаживала невинность этих губ, этого взгляда, устремленного мимо него в темноту ночи, темноту вселенной. Она не знала еще, что блаженство заключено внутри нас; когда-нибудь она это поймет и растворится в страсти, движущей миром, и если бы он тогда оказался рядом с ней, он взял бы ее без сомнений и сожалений (пер. И.Д.Калашниковой; <http://lib.rus.ec/b/129900/read#t28>).

Продление гласного в наречии *so-o-o* передаёт кокетство Розмари, её интенцию соблазнить Дика.

Исследованные и приведенные контексты позволяют сделать вывод, что, к какой бы части речи ни принадлежало слово с продленными звуками, – во всех этих случаях прослеживается яркая эмоциональная и стилистическая выразительность данных языковых средств.

И здесь мы приходим к выводу, что звуковые продления в художественном произведении передают факты живой разговорной речи, ее многообразие при общении.

ЦИТИРУЕМАЯ ЛИТЕРАТУРА:

Лекант П.А. Современный русский литературный язык; Учебник / П.А.Лекант, Н.Г.Гольцова, В.П.Жуков и др.; Под ред. П.А.Леканта. – М.: Высшая школа, 1988. – 403 с.

Fitzgerald, F. Scott. Tender is the Night. – Croudon: Penguin Group, 1997. – 392 p. – (Penguin Popular Classics).

<http://lib.rus.ec/b/129900/read#t28>

Докт.филол. наук А.В.Пузырёв, студенты В.В.Сафронова, С.А.Маркин, И.С.Гуренко (Ульяновск)

НАПРАВЛЕННОСТЬ ХИТОВЫХ ПЕСЕН РАДИОСТАНЦИЙ *ЕВРОПА+*, *РУССКОЕ РАДИО* И *LOVE RADIO* В 2009-2011 ГГ.

В настоящем докладе рассматривается конструктивная (созидательная) и деструктивная направленность современных массовых песен. В качестве таких всего взяты 90 песен – по 10 наиболее популярных современных песен в трёх итоговых хит-парадах за 2009-11-й годы (данные архива «Радио Европа Плюс: Еврохит TOP-40», архива «Русское радио: Золотой граммофон» и архива Love Radio).

При анализе содержательной основы художественных текстов мы пользуемся иерархически выстроенной пирамидой установок, включающей установки:

1) *физические* (установки, обеспечивающие потребности в еде, питье, сексе и достижение других чувственных удовольствий),

2) *личностные*, направленные на творческую самореализацию личности в искусстве, науке, спорте и других общественно полезных сферах (здесь, как и на других уровнях, могут быть выявлены установки как созидательного, так и деструктивного плана),

3) *межличностные*, обеспечивающие развитие или разрушение межличностных отношений с близкими, родными, друзьями и товарищами (сюда же относятся установки на отношения с лицами противоположного пола),

4) **этнические**, связанные с принадлежностью к определённому этносу, расе (здесь могут быть выделены тоже две противоположные позиции: альтруистическая и эгоистическая; см.: [Л.Н.Гумилёв 1997: 162-163]),

5) **социальные**, направленные либо на общекомандные, корпоративные отношения, либо на конформизм и подавление инакомыслящих в конкретном социальном сообществе,

б) **принципиальные**, предопределяющие следование личности принятым ею принципам поведения или беспринципность, притворство и прагматизм поведения в социуме,

7) **интегративные**, связанные с бережным или расточительным отношением к матери Природе, к Матери Земле, связанные или с отчуждением от всего мира, или с ощущением с ним своего глубинного родства [А.В.Пузырёв 2010].

Уровни потребностей и установок:

На каждом из указанных уровней могут наблюдаться не только конструктивные, но также и дефектные социально-психологические установки, характеризующие соответственно «зрелых» и «незрелых» личностей. В данном случае сошлёмся на обзор различных исследований «зрелых» и «незрелых» личностей, предпринятый в работе Г.Олпорта [Г.Олпорт 2002: 330-353].

Используя указанную пирамиду установок, мы посчитали возможным определить содержательную направленность наиболее популярных сегодня в России песен (основной акцент сделаем на разборе песен 2011 года как наиболее известных в настоящий момент; разбор хитовых песен 2010 г. нами произведён в: А.В.Пузырёв 2011).

По версии радиостанции «Европа+» наиболее популярной оказалась песня Макса Барских «Lost In Love» (тексты и перевод текстов нами взяты в Интернете). О чём эта песня?

Герой композиции «Lost in love» находится на протяжении всей песни в полной растерянности, смятении чувств, видимо, у него произошли неблагоприятные изменения в отношениях – он «потерялся в любви» и не знает, что с этим делать. Тип взаимоотношений героя и его возлюбленной можно охарактеризовать как любовь-манию – он не уверен во взаимности с её стороны и одержим девушкой. Он бессилён, разочарован, не уверен в своих возможностях и находится в крайне депрессивном настроении:

There was nothing left to do   *Уже ничего не поделаешь,*
This is why I'm lost in you   *Вот почему я потерял в тебе.*

I don't believe in fairytales   *Я не верю в сказки,*
I cannot mentioned yesterday   *Я не могу вернуть вчерашний день.*

Эта депрессия во многом основана на желании физической близости (установка физического уровня):

I wanna feel you   *Я хочу почувствовать тебя*
One more time   *Еще один раз,*
I wanna smell   *Я хочу снова ощутить аромат*
Your hair again   *Твоих волос.*

Доминирование установок нижнего плана и отсутствие конструктивных установок высшего порядка даёт все основания считать данную песню разрушительной.

По версии радиостанции «Русское радио» наиболее популярной оказалась песня Елена Ваенга «Шопен». А про что эта песня?

Дотянись рукой – твоя.
Нельзя... Нельзя...
Не смотри мне так в глаза.
Нельзя... Нельзя...

Вспоминать, как рука в руке
Лежала – нельзя...
Мне теперь мира мало
Хоть мир во мне.

Припев:
Я хочу, чтоб это был сон,
Но, по-моему, я не сплю.
Я болею тобой, я дышу тобой,
Жаль, но я тебя люблю.

Основными уровнями установок, представленных в песне, являются физический и личностный уровни:

Физический –

Дотянись рукой – твоя.
Нельзя... Нельзя...

Вспоминать, как рука в руке
Лежала – нельзя...

*Поцелуй на моих губах
Горит огнём.*

Личностный:

*Я болею тобой, я дышу тобой,
Жаль, но я тебя люблю.*

Очевидно, речь идёт о любви-мании, об иррациональной любви-одержимости, для которой характерны неуверенность и зависимость от объекта влечения. Другие мысли, другие уровни установок личности в песне не представлены. Вывод по данной песне может быть только один: в ней доминируют установки нижнего плана и отсутствуют установки высшего порядка, что даёт все основания считать данную песню разрушительной.

По версии радиостанции Love Radio наиболее популярной стала песня *Give me everything tonight* ‘Дай мне всё’ (исполняют: Pitbull, Ne-Yo, Afrojack, Nayer). О смысле этой песни можно догадаться уже по названию. Название достаточно точно отражает содержание:

[Ne-Yo / Nayer – Chorus]

[Ne-Yo / Nayer – Припев]

*Tonight I will love love you tonight
Give me everything tonight
For all we know we might not
get tomorrow
Let's do it tonight
I will love love you tonight
Give me everything tonight
For all we know we might not
get tomorrow
Let's do it tonight*

*Сегодня ночью я буду любить тебя,
Отдай мне всё этой ночью,
Ведь мы знаем, что завтра мы уже
можем быть не вместе.
Давай сделаем это сегодня ночью,
Сегодня ночью я буду любить тебя,
Отдай мне всё этой ночью,
Ведь мы знаем, что завтра мы уже
можем быть не вместе.
Давай сделаем это сегодня ночью!*

Ведущим уровнем здесь является, безусловно, физический. Вся песня завязана на том, что мужчина уговаривает женщину провести с ним ночь. Исключительно одну ночь с намеком на то, что больше они не увидятся. Уговаривает не очень настойчиво, поскольку она на такие одноразовые отношения заведомо согласна.

Из песни следует, что речь идет о молодом человеке, который живет одним днем. Девиз “Live fast, die young” как нельзя лучше подходит для описания его жизненных принципов. Он не беспокоится о том, что будет завтра, что принесёт ему следующий день. Всё, о чём он думает, – это удовлетворение своих физических потребностей с девушкой, которую он видит в первый раз. О каком-либо личностном росте или саморазвитии говорить не приходится.

Этнические и социальные установки в данной песне не представлены.

Принципиальные установки героя песни можно охарактеризовать как деструктивные. Он живёт одним днем, волнуется только о своей внешности («По-

тому что сегодня ночью я просто красавчик»)), относится к представительницам противоположного пола только как к средству удовлетворения своих физических потребностей. Такие жизненные принципы не могут привести к хорошему исходу. Это принципы, ведущие молодого человека к смерти.

Результаты анализа 90 хитовых песен в 2009-11 годах по версии трёх наиболее известных радиостанций сведём в три таблицы:

Таблица 1. Европа+

2009 год		
Название песни (имя исполнителя)	Место	Направленность песни
<i>On And On</i> (Akcent)	1	деструктивная
<i>Good Old Days</i> (K-marco)	2	амбивалентная с разрушительным трендом
<i>Pure Love</i> (Arash)	3	деструктивная
<i>Infinity</i> (Guru Josh Project)	4	амбивалентная с разрушительным трендом
<i>Cry Cry</i> (Oceana)	5	амбивалентная с разрушительным трендом
<i>Lost</i> (Sunlounger)	6	амбивалентная с разрушительным трендом
<i>Colors</i> (Morandi)	7	деструктивная
<i>Appelle Mon Numero</i> (Mylene Farmer)	8	деструктивная
<i>Stereo Love</i> (Edward Maya & Vika Jigulina)	9	деструктивная
<i>Forever</i> (Тимати & Mario Winans)	10	деструктивная
2010 год		
<i>Wonderful Life</i> (Hurts)	1	деструктивная
<i>Single Lady</i> (Dj Layla & Alissa)	2	деструктивная
<i>Yesterday</i> (Toni Braxton)	3	деструктивная
<i>Too Late To Cry</i> (Vivien O`Hara & Adrian Sana <Akcent>)	4	деструктивная
<i>Take Me With You</i> (Serge Devant & Emma Hewitt)	5	деструктивная
<i>River Flows In You</i> (только музыка – Jasper Forks)	6	не оценивается
<i>It'S Alright</i> (Via Sirius)	7	деструктивная
<i>Give</i> (Shaun Baker)	8	деструктивная
<i>Love The Way You Lie</i> (Eminem & Rihanna)	9	деструктивная
<i>I Like</i> (Keri Hilson)	10	деструктивная
<i>Always The Sun</i> (Richard Durand)	11	амбивалентная

		с позитивным трендом
2011 год		
Lost In Love (Макс Барских)	1	деструктивная
Castle Walls (T.I. & Christina Aguilera)	2	деструктивная
Every Breath You Take (Ph Electro)	3	деструктивная
Just Can'T Get Enough (Black Eyed Peas)	4	деструктивная
Just A Dream (Nelly)	5	деструктивная
S&M (Rihanna)	6	деструктивная
Written In The Stars (Tinie Tempah)	7	деструктивная
The Time (The Dirty Bit) (Black Eyed Peas)	8	деструктивная
Wet (Sweat) (Snoop Dogg & David Guetta)	9	деструктивная
Stay (Hurts)	10	деструктивная

Таблица 2. Русское радио

2009 год		
<i>Название песни (имя исполнителя)</i>	<i>Место</i>	<i>Направленность песни</i>
Вечная Любовь (Денис Майданов)	1	деструктивная
Милая (HePara)	2	амбивалентная с позитивным трендом
Скажи, не молчи (Серебро)	3	деструктивная
Я – лист (Стас Пьеха)	4	деструктивная
А заря (Николай Расторгуев, Сергей Безруков, Дмитрий Дюжев)	5	амбивалентная с позитивным трендом
На радиоволнах (МакСим)	6	деструктивная
Просто подари (Филипп Киркоров)	7	деструктивная
Для неё (Зара)	8	деструктивная
Солнце (Ани Лорак)	9	деструктивная
Я буду (23:45 & 5ivesta Family)	10	деструктивная
2010 год		
Одиночество (Слава)	1	деструктивная
Любовь Спасет Мир (Вера Брежнева)	2	амбивалентная с разрушительным трендом
Белое Платье (Чай Вдвоем)	3	амбивалентная с разрушительным трендом
Не Рассказывай (Трофим <Сергей Трофимов>)	4	деструктивная
Ла-Ла-Ла (Все Будет Хорошо –	5	деструктивная

Митя Фомин)		
<i>Все Оять Начинается</i> (Любэ)	6	амбивалентная с разрушительным трендом
<i>Отпусти</i> (Стас Михайлов & Таисия Повалий)	7	деструктивная
<i>Струны</i> (Филипп Киркоров)	8	деструктивная
<i>Капелькою Неба</i> (Валерия)	9	деструктивная
<i>Не Обернусь</i> (Ирина Аллегрова)	10	деструктивная
2011 год		
<i>Шопен</i> (Елена Ваенга)	1	деструктивная
<i>Около тебя</i> (Ёлка)	2	деструктивная
<i>Если ты со мной</i> (Доминик Джокер)	3	деструктивная
<i>Заметает</i> (Градусы)	4	деструктивная
<i>Лишь до утра</i> (Dan Balan)	5	деструктивная
<i>Прогноз погоды</i> (Дискотека Авария и Кристина Орбакайте)	6	деструктивная
<i>Я ждал</i> (Стас Михайлов)	7	деструктивная
<i>Если вдруг тебя не станет</i> (Потап и Настя Каменских)	8	деструктивная
<i>Мы расстались с тобой</i> (Стас Пьеха)	9	деструктивная
<i>Люди любят</i> (Слава)	10	деструктивная

Табл. 2. *Love radio*

2009 год		
Название песни (имя исполнителя)	Место	Направленность песни
<i>When love takes over</i> (David Guetta feat. Kelly Rowland)	1	деструктивная
<i>Hot</i> (Inna)	2	деструктивная
<i>I know you want me</i> (Pitbull)	3	деструктивная
<i>Touch you right now</i> (Basic Element)	4	деструктивная
<i>Sweet dreams</i> (Beyonce)	5	деструктивная
<i>Cry, cry</i> (Oceana)	6	деструктивная
<i>Sexy bitch</i> (David Guetta feat. Akon)	7	деструктивная
<i>Tonight</i> (Jay Sean)	8	деструктивная
<i>I gotta feeling</i> (Black Eyed Peas)	9	деструктивная
<i>Mama do</i> (Pixie Lott)	10	деструктивная
2010 год		
<i>Chica bomb</i> (Dan Balan)	1	деструктивная
<i>Pina collada boy</i> (Baby Alice)	2	деструктивная
<i>Tik tok</i> (Kesha)	3	деструктивная
<i>Love the way you lie</i> (Eminem feat. Rihanna)	4	деструктивная

<i>Saturday</i> (Basshunter)	5	деструктивная
<i>I like it</i> (Enrique Iglesias)	6	деструктивная
<i>Justify sex</i> (Dan Balan)	7	деструктивная
<i>Freaky like me</i> (Madcon)	8	деструктивная
<i>Beautiful monster</i> (Ne-Yo)	9	деструктивная
<i>Like a G6</i> (Far East Movement)	10	деструктивная
2011 год		
<i>Give me everything tonight</i> (Pitbull, Ne-Yo, Afrojack, Nayer)	1	деструктивная
<i>Love you like a love song</i> (Selena Gomez)	2	деструктивная
<i>Party rock anthem</i> (LMFAO, Lauren Bennett, Goonrock)	3	деструктивная
<i>Tonight</i> (Enrique Iglesias)	4	деструктивная
<i>Sweat</i> (Snoop Dog)	5	деструктивная
<i>On the floor</i> (Jennifer Lopez, Pitbull)	6	деструктивная
<i>In the dark</i> (Dev)	7	деструктивная
<i>Dirty dancer</i> (Enrique Iglesias)	8	деструктивная
<i>I wanna go</i> (Britney Spears)	9	деструктивная
<i>Rain over me</i> (Pitbull, Marc Antony)	10	деструктивная

Что следует из проведённого анализа?

Во-первых, на радиостанции *Love radio* все три года, с 2009 по 2011 гг., исполняются песни только деструктивного содержания. Причём любовь обычно понимается в духе известного афоризма: *Любовь есть: я вчера ею занимался.*

Во-вторых, в работе двух других радиостанций (*Европа+* и *Русское радио*) обнаруживается устойчивое стремление к повышению количества песен деструктивного содержания. Если в 2009-м году на *Европе+* и *Русском радио* ещё можно было услышать песню амбивалентного характера (пусть и с разрушительным трендом), то картина 2011 года поражает своим унылым однообразием – звучат песни только деструктивного, разрушительного характера. Авторы и исполнители хитовых песен демонстрируют стадность необыкновенную, но поскольку случайностей всё-таки не бывает, постольку мы имеем стадность организованную.

К проявлениям гармоничных, конструктивных установок физического уровня, как известно, относится хорошее здоровье, долголетие, отсутствие серьёзных заболеваний и травм, принятие телесных потребностей без стыда и отвращения, большее жизнелюбие, умение жить со вкусом. Как справедливо указывает Олпорт, у зрелых личностей нет необходимости «сводить всю проблему зрелости к генитальности». Ещё более определённо на данную тему высказывался А.Н.Леонтьев: «Человеческая деятельность отнюдь не побуждается и не управляется так, как поведение лабораторных крыс с вживлёнными в мозговые "центры удовольствия" электродами, которые, если обучить их включе-

нию тока, бесконечно предаются этому занятию. Можно, конечно, сослаться на сходные явления и у человека, такие, как, например, потребление наркотиков или гиперболизация секса; однако явления эти решительно ничего не говорят о действительной природе мотивов, об утверждающей себя человеческой жизни. Она ими, наоборот, разрушается» [А.Н.Леонтьев Т. II 1983: 209].

С необыкновенным упорством ведущие радиостанции России воспитывают молодёжь России в духе следования принципу удовольствия. Происходит вживление в мозговые центры своего рода музыкальных электродов, вследствие чего молодёжь всё больше напоминает лабораторных крыс в известном эксперименте. Во всё большей степени навязывается принцип «Live fast, die young» ‘Живи ярко, бери от жизни всё и умри молодым’.

По вполне обоснованному мнению основоположника психоанализа, принцип удовольствия как высшая тенденция, которой подчиняются психические процессы, в свою очередь, подчинён более первоначальному принципу, – принципу влечения к смерти, который является основным, первоначальным и всеобщим принципом органической жизни (см.: З.Фрейд 1979). В этом смысле, смысле работы З.Фрейда «По ту сторону принципа удовольствия», хитовые песни, звучащие по радио, сегодня являются проводниками приближения смерти.

Животные, переносящие заразу, как известно, чаще всего сами долго не живут. Вероятно, именно этим обстоятельством объясняется ранняя смерть многих модных отечественных и зарубежных исполнителей.

ЦИТИРУЕМАЯ ЛИТЕРАТУРА

Гумилёв, Л. Н. Этногенез и биосфера Земли [Текст] / Л. Н. Гумилёв; сост. и общ. ред. А. И. Куркчи. – М. : Институт ДИ-ДИК, 1997. – 640 с.: ил. – (Сер. альманахов «Сочинения Л.Н.Гумилёва, вып. 3»).

Леонтьев, А. Н. Избранные психологические произведения: в 2-х т. [Текст] / А. Н. Леонтьев. – М. : Педагогика, 1983.

Олпорт, Г. Становление личности : избранные труды [Текст] / Г. У. Олпорт. – М. : Смысл, 2002. – 462 с.

Пузырёв, А. В. Прологомены к эстетике языка и оценка содержательной основы массовых песен: учебное пособие к курсам «Социальная психология», «Теория и практика массовой информации», «Психология массовой коммуникации», «Психология журналистики» [Текст] / А. В. Пузырёв. – Ульяновск : УлГТУ, 2010. – 123 с.

Фрейд, З. По ту сторону принципа удовольствия [Текст] // Психология бессознательного : сборник произведений / З. Фрейд. – М. : Просвещение, 1989¹. – С. 382-424.

ПЕДАГОГИЧЕСКИЕ АСПЕКТЫ ИССЛЕДОВАНИЙ ВЗАИМОСВЯЗИ ЯЗЫКА И МЫШЛЕНИЯ

Канд. филол. наук С.О.Гуляйкина, И.В.Агеева, С.В.Извекова (Пенза)
О НЕОБХОДИМОСТИ КОМПЛЕКСНОГО ОБУЧЕНИЯ
РАЗЛИЧНЫМ ВИДАМ ЧТЕНИЯ ПРИ ФОРМИРОВАНИИ ИНОЯЗЫЧНОЙ
КОММУНИКАТИВНОЙ КОМПЕТЕНЦИИ СПЕЦИАЛИСТА

Современный уровень развития информационных систем предоставляет массу способов получения информации. Однако, по мнению большинства педагогов и лингвистов, важнейшим способом остаётся чтение. В данной статье авторам хотелось бы подробнее остановиться не только на необходимости обучения студентов вуза чтению иноязычной (а именно – англоязычной) специализированной литературы, но и подчеркнуть невозможность такого обучения без комплексного, то есть включающего все виды чтения, подхода.

Формирование способности и готовности к межкультурной коммуникации предполагает овладение как устными, так и письменными формами общения на иностранном языке; среди последних важнейшая роль совершенно справедливо, на наш взгляд, отводится умению работать с литературой (а именно – чтению), поскольку чтение как вид речевой деятельности широко востребовано при решении многих профессиональных задач.

По словам О.Н. Брызгаловой, «задачи обучения чтению как самостоятельному виду речевой деятельности заключаются в следующем: научить учащихся извлекать информацию из текста в том объёме, который необходим для решения конкретной задачи, используя определённую технологию» (2, 1). Данная установка является определяющей при классифицировании видов чтения, которые традиционно делятся на просмотровое, ознакомительное, изучающее и поисковое.

Приведем в качестве примера на каждый вид чтения отрывки (а именно – обучающие установки) из разработанного авторами пособия для студентов-медиков «Medical and Social Issues/ Медицинские и социальные проблемы» (Пензенский государственный университет, 2011):

Установки на просмотровое чтение

1) *This text describes some common procedures which make diagnosing easier. What are they?/ В тексте описаны распространённые процедуры, помогающие при постановке диагноза. Какие именно?*

2) *Read the text and find sentences answering the question in the title of the text/ Прочтите текст и найдите предложения, отвечающие на вопрос, содержащийся в заглавии.*

3) *Read the text about healthcare in Russia and match the headings with the proper parts of the text by putting the letters next to the numbers. (Two headings have nothing to do with the text.)/ Прочтите текст о системе здравоохранения в России и соотнесите подзаголовки с соответствующими частями текста (два варианта не относятся к данному тексту).*

Установки на ознакомительное чтение

1) *Read this letter from a GP to a consultant. What is the purpose of the letter?/ Прочтите приведённое ниже письмо терапевта, адресованное консультанту. Какова цель письма?*

2) *Read the text and say whether the US health care system is an ideal one? Why or why not?/ Прочтите текст и скажите, идеальна ли система здравоохранения в США. Почему (нет)?*

3) *Read the text and say which title is the best to express its main idea/ Прочтите текст и скажите, какой из предложенных заголовков наилучшим образом отражает его основную идею.*

Установки на изучающее чтение

1) *Look through the text and find out what italicized words refer to/ Просмотрите текст и определите к чему именно относятся выделенные курсивом слова.*

2) *Look at the underlined words in the text and say/ Изучите подчеркнутые в тексте слова и скажите:*

1 *What part of speech are they?/ Какой частью речи они являются?*

2 *What function in the sentences do they perform?/ Какую функцию в предложении они выполняют?*

3) *Scan the text to find out the equivalents to the following Russian partnerships/ Просмотрите текст и найдите эквиваленты следующим русскоязычным словосочетаниям.*

Установки на поисковое чтение

1) *There are a number of medical terms in the letters. Complete the following sentences with some of them/ В письмах встречается ряд медицинских терминов. Закончите следующие предложения, употребляя их.*

2) *Refer back to the text «The US Health Care System» and say whether the following statements are true, false or not discussed/ Вернитесь к тексту «Система здравоохранения в США» и скажите, верны или нет следующие утверждения. Все ли предложенные утверждения находят своё отражение в тексте?*

3) *Find the sentences in the text supporting the statements below/ Найдите в тексте предложения, подтверждающие приведённые ниже высказывания.*

Таким образом, просмотровое чтение нацелено на понимание общего содержания текста; умение понимать основное содержание формируется при ознакомительном чтении; умение полностью понять и интерпретировать предложенную информацию приобретается при изучающем чтении, а умение извлекать необходимую информацию – при поисковом.

Очевиден тот факт, что будущему специалисту при работе с иноязычным материалом понадобятся умение и навыки всех видов чтения, поскольку они взаимосвязаны и логически вытекают один из другого. Именно поэтому один и тот же текст может и, по нашему убеждению, должен служить материалом, например, как для ознакомительного, так и для изучающего видов чтения. Буду-

щему специалисту приходится не только определять, относится ли данный текст к интересующей его области знаний, но и какая именно текстовая информация является для него полезной. Примером обучающего задания, направленного на решения подобных задач может служить следующий фрагмент из рассматриваемого пособия:

1. Read the following article on the demographic situation in Russia taken from an analytical digest and answer the questions:

- 1 Does population growth depend on fertility rate?
- 2 What are the causes of negative population growth?
- 3 How is population growth influenced by immigration trends?

POPULATION GROWTH: FERTILITY TRENDS

In 1992 Russia's population entered a period of negative growth – that is, the number of deaths exceeded the number of births combined with the number of immigrants, there being no precedent in the peacetime history of Russia.

Let's have a look at long-term trends in fertility. As in many Western industrialized nations, Russia's fertility rate has fallen over the course of the 20th century from a relatively high level to a low one. In 1920 the average Russian woman was expected to give birth to about 7.5 children in her lifetime; in 1994 that number had fallen to 1.4. This demographic transition is a characteristic feature of industrial and industrializing nations and is usually associated with greater numbers of women joining the work force and increased divorce and cohabitation, all of which tend to reduce family size and drive down fertility rates. Similar patterns have emerged in the United States and other Western countries.[...]

2. Look through the text and find synonyms to the following words:

amount, together with, tendency, developed (nation), go down, ordinary, to bear, to drop, shift, rise, decrease (x2), same, appear (x2), to be shown, model, greatly, differ, childbirth, frequency, to lead to, contraception, modern, not to have, to cope with.

3. Complete the following sentences with words or word combinations from the text:

1. The phenomenon of death rate exceeding the number of births combined with the number of immigrants is called the period of _____.
2. In the course of the 20th century Russia's fertility rate has lowered as in many _____.
3. This demographic shift is the result of greater numbers of women joining _____.
4. Increased _____ and _____ reduce family size and fertility rates.
5. The models of _____ have been changing recently.
6. The _____ of having a baby in Russia now is 20–24.
7. Russia has the highest _____ in the world.
8. Since the availability of _____ has increased, the number of abortions has declined.
9. The immigration _____ continuing the trend of 70s may help to

prevent the population decline. (1, 55-56)

Таким образом, комплексный, включающий сразу несколько видов чтения, подход при формировании иноязычной компетенции будущего специалиста наилучшим образом способствует эффективному решению коммуникативных задач, которые возникают в его профессиональной деятельности. Отметим также, что текстовый материал помимо профессионально-ориентированной составляющей должен также включать культурологический и страноведческий компоненты, а при составлении учебных пособий необходимо учитывать разнообразие жанров и стилей предлагаемых студентам текстов.

ИСПОЛЬЗОВАННАЯ ЛИТЕРАТУРА:

1. Агеева, И.В. *Medical and Social Issues: учеб.пособие* / И.В. Агеева, С.О. Гуляйкина, С.В. Извекова. – Пенза: Изд-во ПГУ, 2011. – 122с.

2. Брызгалова, О.Н. Домашнее чтение как вид речевой деятельности и средство формирования языковых навыков и умений / О.Н. Брызгалова, В.А. Михайлова. [e-resource]. – Режим доступа: <http://festival.1september.ru/articles/subjects>.

Докт. пед. наук С.С.Пашиковская (Пенза)

ЧТО ТАКОЕ ДМО (ДИФФЕРЕНЦИРУЮЩАЯ МОДЕЛЬ ОБУЧЕНИЯ РУССКОМУ ПРОИЗНОШЕНИЮ)?

(Обращение к коллегам и студентам)

Уважаемые коллеги!

Предлагается гибкая дифференцирующая модель обучения (ДМО) русскому произношению.

Разработана психолого-педагогическая, лингвистическая и методическая концепция ДМО. Обучение предлагается начинать с диагностического теста фонетических способностей (ТФС), позволяющего выявить учащихся с развитым фонематическим слухом и хорошими имитативными способностями. Оригинальность предлагаемой модели обучения в том, что она обладает способностью быстро реагировать на изменяющиеся потребности общества и различные интересы и возможности учащихся.

Целью ДМО является, с одной стороны, стандартизация (унификация) процессов обучения, а с другой стороны, развитие субъектности и индивидуальности человека при его активной самореализации.

Основной принцип построения учебного процесса заключается в системе последовательных, чётко описанных действий, выполнение которых ведёт к заранее запланированной цели, но разными путями. Индивидуализация обучения реализуется за счет того, что каждый учащийся может работать в режиме, соответствующем его способностям и уровню подготовленности.

Предлагается стратегически важная «замкнутая система» оценки и обучения. По результатам тестирования вносятся существенные изменения в учебный процесс.

Созданы оригинальные тесты фонетических способностей, фонетические тесты элементарного и базового уровня, авторская программа по обучению произношению (начальный этап).

В разработанной модели представлен сопоставительный анализ 17 языков. Даны методические рекомендации и примеры национально ориентированной обучающей программы.

Тесты фонетических способностей, тесты элементарного и базового уровня теоретически обоснованы и экспериментально проверены.

В предлагаемой модели обучения преподаватель выступает как организатор совместной учебной деятельности и координатор креативных методов образовательной деятельности, ориентированной на активное использование информационно-коммуникационных технологий (ИКТ) и современного тестирования.

Дорогие студенты!

Вы начинаете изучать русский язык! Поздравляю вас от души! Сколько открытий ожидает вас! Вы научитесь говорить на одном из самых красивых языков мира!

«По одежке встречают...», – говорят в России. Вот такой «одежкой» языка и является фонетика! Фонетика – мелодия, звучащая вокруг и внутри нас. Фонетика – это «одежда» наших слов, а значит, мыслей и движений души! Фонетика – это то, без чего невозможно выучить иностранный язык!

Лексика без правильного произношения некоммуникативна. Знание грамматики, но плохое произношение создает в целом неблагоприятное впечатление. Язык живет и развивается в процессе коммуникации. В «народной лингвистике» знание языка – это умение говорить чётко и понятно с минимальным акцентом, пусть даже и небольшое количество предложений. Кто правильно произносит, того правильно понимают!

Успех обучения иностранному языку во многом зависит от вводно-фонетического курса. Чем более тонко и тщательно разработан вводно-фонетический курс, тем легче впоследствии изучать язык. Пример тому английский язык – отнюдь не легкий иностранный язык! Разработанность фонетического курса блестящими учеными лингвистами и методистами создает иллюзию простоты и доступности в изучении.

История русского языка как иностранного в преподавании фонетики – это череда выдающихся научных изысканий и открытий. За небольшое время разработаны двуязычные сопоставительные курсы для многих языков мира. Методически блестящая теория интонационных конструкций (профессора МГУ Е.А.Брызгуновой) для иностранцев приблизила эмоциональную сферу русского языка. Современные разработки преподавания фонетики – еще один шаг вперед.

Фонетика – точная научная дисциплина со своими почти математическими законами.

Фонетика – это эмоциональная сфера, движения души, полёт чувств и эмоций.

Фонетика – это творчество: поэзия, красота языка.

Фонетика – это каторжная отработка каждого звука, каждой синтагмы.

Увлечь, затянуть в бездну русского языка с его тайнами и драгоценными находками – вот задача фонетики. Фонетика – это душа языка, это музыка, ритм танца, голоса животных. На всех языках животные «общаются» по-разному: собаки лают, кошки мяукают....

Начинать обучение иностранному языку нужно только после того, когда студенты наслушаются звучанием языка, поймут его своеобразие, почувствуют его красоту. Пусть звучит Пушкин, Лермонтов, Блок... Ничего не понимая, погружившись в море звуков, почувствовав накал страсти, нежности, горечи, вы захотите говорить на этом языке!

Новое время – новое веяние. Современные компьютерные студенты, избалованные техническими возможностями ПК, привыкшие к экшенам, яркому визуальному ряду, почти разучившиеся писать ручкой, привыкшие к клавиатуре! Для вас компьютерная программа – возможность ещё раз дома вспомнить всё, что говорил преподаватель на уроке!

Для нас, современных преподавателей, есть необходимость слегка обезопасить себя: ОБРАЗОВАНИЕ становится сферой услуг, а клиент всегда прав! Не только вы, дорогие наши студенты, хотите знать уровень своих фонетических способностей, но и мы – те, кто взвалит ответственность за ваши неудачи на свои плечи, а ваши успехи... они будут только ваши.

Мы предлагаем вам тест фонетических способностей. Страшно вторгаться в такую интимную сферу, как способности, возможности, задатки... Страшно, но необходимо.

Тест фонетических способностей (ТФС) – компас, дающий направление в обучении фонетике. Кому-то из вас совсем не придется сидеть над трудными звуками иностранного языка, проводить долгое время над дриллами и однообразным (как может показаться) учебным материалом. Если у вас хорошие имитативные способности, приготовьтесь получать удовольствие от чудных звуков русского языка: нежных, твердых, раскатистых, дребезжащих.

А если нет – нам важно выяснить возможные проблемы, пока они еще не появились и вы не сбежали от тайн пугающей языковой бездны.

ТФС подскажет вам, на что нужно обратить особое внимание и как построить нам ваше обучение, а вам – самообразование. Ведь успех приходит только тогда, когда ученик готов (мы немного перефразировали индийскую мудрость: учитель приходит тогда, когда ученик готов).

Нам многое расскажет о вас ваш родной язык, ваши увлечения музыкой, танцами. Ваш возраст и знание иностранных языков. Собрал и проанализировав всю полученную информацию, мы предложим вам обучающую программу по фонетике и интонации русского языка.

Обучающая программа основана, во-первых, на логике русского языка и, во-вторых, на сопоставлении с вашим родным языком (языком-посредником).

17 лингвистических сопоставлений разных языков помогут нам выявить зоны интерференции, особенности именно вашего акцента.

Возможности компьютера позволяют превратить обучение фонетике в увлекательное путешествие, превратив вас немного в детей. Не бойтесь! Это даже полезно, так как нет страха сделать что-то не так!

Артикуляционная зарядка (во многом заимствованная нами из логопедической литературы) будет для вас полезной и приятной, если вы не побоитесь стать ненадолго ребенком, но...совсем ненадолго. Процесс этот очень быстрый: за две-четыре недели вы опять станете взрослыми и... знающими основы фонетики русского языка.

А как вас убедить в том, что вы сделали шаг вперед в изучении языка? Вам кажется, что все бесполезно, и вы за такое короткое время еще ничему не научились...

Мы не будем вас убеждать: вы узнаете это сами. Мы лишь предложим вам фонетические тесты, чтобы вы могли увидеть не только свои успехи, но и обратить внимание на то, над чем вам еще нужно работать и работать.

А мы вернемся к нашей обучающей программе: на родном языке вы сможете прочитать, чем фонетически отличается ваш язык, к которому вы привыкли с детства, от того, который (мы надеемся) вы хотите узнать. После того, как вы познакомитесь с тем, какие фонетические проблемы вас могут поджидать, мы предложим вам задания, которые предупредят все эти проблемы. И мы надеемся, что вы сами поймете их важность и необходимость, так как эти задания индивидуально подобраны именно для вас. Шаг за шагом отрабатываем трудные звуки отдельно, изучив артикуляционную схему и описание по сборке звука, несколько раз прослушав эталонное звучание и сравнив его со своим; затем помещаем звук в слог, проделав те же манипуляции, и наконец – в слово и фразу. Если вы ответственны и работаете на результат, вы захотите узнать о своих успехах или оставшихся проблемах. Но есть студенты, которых просто необходимо контролировать, иначе они не привыкли.

Зачем учить, если не будут проверять. Логично? Вполне! Контролировать вас будет самый строгий преподаватель – вы сами. Когда вы выполняете тест и не боитесь плохой оценки, вы будете спокойнее и честнее перед самим собой. Итоговый тест позволит вам честно ответить, как мы справились с поставленной задачей. Получилось? Успокаиваться нельзя, так как все непостоянно: есть путь вверх или вниз. НЕ получилось? Ничего страшного - работаем по программе медленнее и точнее.

Честно говоря, я восхищаюсь вами, осмелившимися прикоснуться к языку Пушкина, Толстого и завидую: ведь вас ждет столько открытий русской поэзии, прозы.

Обучение - тяжелый труд, кропотливый и долгий. Учение - большое наслаждение, а вы настоящие путешественники, которых ждет столько открытий!

В конце фонетического курса есть необходимость выполнить еще раз ТФС. Зачем? Сравним полученный результат с начальным и ... Вместе пораду-

емся и возьмем обучающую программу для поддержания языка в тонусе в течение всего обучения. Или... огорчаться не будем, а продолжаем работать. Ведь терпенье и труд все перетрут!

Удачи вам! А нам – студентов, готовых к встрече с учителем!

ИДИОСТИЛЕВЫЕ АСПЕКТЫ ВЗАИМОСВЯЗИ ЯЗЫКА И МЫШЛЕНИЯ

Аспирант Ю.В. Котова (Ульяновск)

РЕЧЕВОЕ ВЫРАЖЕНИЕ ОПТИМИЗМА И ПЕССИМИЗМА В ПЕСНЯХ «THE BEATLES»

На сегодняшний день существует большое количество исследований, посвящённых массовой песне и её особенностям. В первую очередь это связано с тем, что массовая культура занимает прочное место в жизни каждого современного человека. Как показывает практика, влияние массовых песен на сознание людей порой оказывается более существенным, чем кажется на первый взгляд. Именно поэтому исследования в данной области не теряют своей актуальности.

Известный американский психолог Мартин Зелигман на протяжении двадцати пяти лет изучал проявление оптимизма и пессимизма у отдельно взятых индивидов. В результате он пришёл к выводу, что оптимистичное и пессимистичное мышление проявляется в языке в виде определённого стиля объяснения тех или иных событий, имеющих место в жизни каждого человека. Зелигман отмечает очень важный момент: на самом деле обычные слова, которые человек использует для описания той или иной негативной ситуации, могут многое сказать о его предрасположенности к оптимизму или пессимизму. Привычный способ объяснять неприятности (т.е. некий стиль объяснения) представляет собой гораздо больше, чем просто слова. Это – привычка мыслить, приобретённая человеком в детстве и юности. В своей книге «Как научиться оптимизму: советы на каждый день» автор предлагает рассматривать конкретно взятые высказывания по трём параметрам: постоянство, широта и персонализация (см.: М.Зелигман 1997). Именно эти три критерия мы и будем использовать при анализе высказываний, взятых из песен знаменитой в XX веке группы “The Beatles”, занимавшей в своё время верхние строчки международных хит-парадов.

Целью данного исследования является определение соотношения оптимистичных и пессимистичных высказываний в песнях каждого из участников группы “The Beatles”. В качестве материала исследования взяты тексты известных песен трёх авторов и исполнителей музыкального коллектива, а именно: 64 песни Пола Маккартни, 73 песни Джона Леннона и 23 песни Джорджа Харрисона. Из текстов данных песен были выбраны оценочные высказывания в количестве 12, 22 и 4 соответственно.

Основной единицей анализа, подлежащей оценке по ранее перечисленным параметрам, в данной работе выступает высказывание, что позволяет нам рассматривать, как оптимизм / пессимизм реализуются в пределах одного минимального завершённого грамматически и по смыслу целого.

В исследовании мы также опирались на методику контент-анализа, которая была предложена З.И.Гришановой и Е.В.Лёвченко для определения психического здоровья. Авторы предлагают пять показателей психического здоровья

в качестве категорий контент-анализа: принятие ответственности за свою жизнь, принятие себя, умение жить в настоящем, осмысленность индивидуального бытия, принятие других. Для нас особое значение имеет первый показатель – принятие ответственности за свою жизнь, т.к. он связан с одним из параметров стиля объяснения, а именно с персонализацией (см.: З.И.Гришанова и Е.В.Лёвченко 2002).

Следует также отметить, что данная категория отсутствует в тех случаях, когда употребляются пассивные грамматические конструкции, страдательный залог, выраженный страдательным причастием или при помощи постфикса -ся. Категория присутствует в случае употребления активной конструкции. При анализе высказываний помимо формальных синтаксических показателей также учитывалось содержание анализируемого предложения.

Опираясь на вышесказанное, приведём несколько примеров использования данной методики анализа высказываний.

Пол Маккартни “Every Little Thing – Каждый пустяк”

When I'm walking beside her
People tell me I'm lucky.
Yes, I know I'm a lucky guy.

Когда я иду рядом с ней,
Люди говорят мне, что я счастливчик.
Да, я знаю, я счастливчик.

(С. В. Кознов, 1997: 72)

В целом высказывание выражает позитивную оценку действительности (+).

1. По первому параметру «постоянство» – оптимистично (+1). Утверждение не имеет предела, постоянно.

2. По параметру «широта» высказывание оптимистично (+1), поскольку не ограничено какими-либо рамками, имеет универсальный характер.

3. По параметру персонализации – оптимистично (+1). Автор несёт ответственность за происходящее, о чём свидетельствует употребление активной грамматической конструкции.

Таким образом, данное высказывание оптимистично по всем трём параметрам и в целом имеет оценку +3, что выражается как в тексте оригинала, так и в переводе.

Джон Леннон “Don't Let Me Down – Не подведи меня”

Nobody ever loved me like she does,
Oh, she does, yeah, she does.
And if somebody loved me like she do
me,
Oh, she do me, yes, she does.
Don't let me down, don't let me down.
Don't let me down, don't let me down.

Никто никогда не любил меня так,
как она, да, так, как она.
Да, если бы кто-нибудь любил бы
меня так, как она...
Не подведи меня, не подведи меня.
Не подведи меня, не подведи меня.

(С. В. Кознов, 1997: 187)

В целом высказывание выражает негативную оценку действительности (-).

1. По параметру постоянства у автора выражен пессимизм (-1), что выражается при помощи наречия *ever* (в данном контексте обозначает «никогда»).

2. По параметру широты высказывание пессимистично (-1) и носит универсальный характер, что выражается при помощи местоимения *nobody* (никто).

3. По параметру персонализации – оптимистично (+1), т.к. автор не несёт ответственности за данную ситуацию.

В результате суммирования трёх параметров приходим к выводу, что в аспекте соотношения оптимизма-пессимизма высказывание соответствует оценке -1.

Джон Леннон “I’m A Loser – Я – неудачник”

I’m a loser,

I’m a loser,

And I’m not what I appear to be.

Of all the love I have won or have lost

There is one love I should never have crossed.

She was a girl in a million, my friend,

I should have known she would win in the end.

Я – неудачник

Я – неудачник

И на самом деле совсем не такой, каким хочу казаться.

Среди всех баталий на фронте любви, которые я выигрывал или проигрывал,

Есть одна, в которую мне не стоило ввязываться.

Такие девушки, как она, приятель, встречаются одна на миллион,

И мне следовало знать, что она в конечном итоге победит.

(С. В. Кознов, 1997: 63)

В целом высказывание выражает негативную оценку действительности (-).

1. По параметру постоянства высказывание пессимистично (-1), поскольку по своему содержанию высказывание носит постоянный характер.

2. По параметру широты пессимистично (-1) и носит универсальный характер.

3. По параметру персонализации – пессимистично (-1), т.к. автор не несёт ответственности за данную ситуацию.

Таким образом, данное высказывание пессимистично по всем трём параметрам и в целом имеет оценку -3.

Джордж Харрисон “Here Comes The Sun – А вот и солнышко!”

Little darling, it's been a long, cold, lonely winter;

Little darling, it feels like years since it's been here.

Милый малыш, эта зима была длинной, холодной и одинокой;

Милый малыш, кажется, что она длилась годы.

Here comes the sun, here comes the sun,
and I say «it's all right».

А вот и солнышко, вот и солнышко,
И я говорю: «Всё хорошо».

(С. В. Кознов, 1997: 198)

В целом высказывание выражает позитивную оценку действительности (+).

1. По первому параметру «постоянство» – оптимистично (+1). Утверждение не имеет предела, постоянно.

2. По параметру широты высказывание оптимистично (+1), поскольку не ограничено какими-либо рамками, имеет универсальный характер (all – всё).

3. По параметру персонализации – пессимистично (-1), т.к. автор не несёт ответственности за данную ситуацию.

В результате суммирования трёх параметров приходим к выводу, что высказывание соответствует оценке +1.

На основании выше изложенных критериев определения оптимизма и пессимизма нами была составлена таблица, выявляющая соотношение пессимистических и оптимистических высказываний в песнях “The Beatles”.

Параметр	Всего		+3		+2		+1		+0		-0		-1		-2		-3	
	К.	%	К.	%	К.	%	К.	%	К.	%	К.	%	К.	%	К.	%	К.	%
Высказываний:																		
Маккартни	12	100	2	16,7	0	0	4	33,3	2	16,7	0	0	1	8,3	0	0	3	25
Леннон	22	100	1	4,55	0	0	4	18,2	0	0	0	0	9	40,9	1	4,5	7	31,8
Харрисон	4	100	1	25	0	0	0	0	0	0	0	0	3	75	0	0	0	0
Итого	38	100	4	10,5	0	0	8	21	2	5,3	0	0	13	34,2	1	2,7	10	26,3

На основании исследования можно сделать следующие выводы.

Во-первых, уровень оптимизма высказываний, взятых из песен разных авторов, колеблется от +3 (абсолютный оптимизм) до -3 (абсолютный пессимизм). Больше всего высказываний с оценкой +3 у Пола Маккартни, а с оценкой -3 – у Джона Леннона. В целом оптимизм преобладает у Маккартни, а пессимизм – у Леннона, что позволяет сделать вывод о том, что Джон Леннон в большей степени по сравнению с другими авторами и исполнителями в коллективе был склонен к пессимизму.

Тем не менее, нужно отметить и другую особенность. Несмотря на довольно большое количество взятых для анализа текстов песен, оценочных высказываний в них не так много.

ЦИТИРУЕМАЯ ЛИТЕРАТУРА:

Гришанова, З. И. К вопросу о диагностике психического здоровья личности / З. И. Гришанова, Е. В. Лёвченко // Психологическая газета. – Январь 2002. – № 1 (76). – С. 28-30.

Зелигман, М.Э.П. Как научиться оптимизму: советы на каждый день / М.Э.П. Зелигман. – М. : Вече, 1997. – 432 с.

Все песни BEATLES / пер., сост., вступ. ст., примеч., схемы гитарных аккордов С. Кознова. – М. : ТЕРРА; Саратов : Издательство С. В. Кознова, 1997. – 224 с.

Канд. филол. наук. М. А. Лапыгин (Елец)

КРИТЕРИИ ИДЕАЛЬНОГО ИСТОРИЧЕСКОГО ТЕКСТА И ИХ ОПОЩЕНИЕ С. М. СОЛОВЬЕВЫМ В ОПИСАНИИ КЛЮЧЕВОГО СОБЫТИЯ ДРЕВНЕРУССКОЙ ИСТОРИИ

То, что **представляется** прошлым, на самом деле есть будущее.

Т. Стриблинг

Занятия историей претендуют на научность. Одним из признаков любой науки является объективность. Однако проблема выражения объективности в истории вызывала споры, наверное, с момента возникновения самой истории. Миллионы историографических сочинений посвящались как отдельным, довольно мелким событиям или явлениям, так и глобальным описаниям истории стран, народов и регионов. Периодически пишутся и «всемирные истории». Все эти тексты написаны на определенных языках, которые сами имеют противоречия и не могут отразить объективную действительность во всем многообразии. В данной статье нас будут интересовать филологические критерии идеального исторического текста, т. е. наиболее объективного историографического сочинения, и их возможная реализация у С. М. Соловьева.

Восемь различных подходов к идеальному историческому тексту предложены в работе «Нарративная логика» (Ф. Анкерсмит 2003: 52-89). Среди них можно отметить следующие два подхода, которые затрагивают в той или иной мере проблему языка описания исторических событий: 1) прагматический подход: в историческом тексте не должно быть ценностных или этических установок; 2) структурный подход: исторический текст должен быть максимально простым.

Рассмотрим фрагмент «Истории России с древнейших времен» С. М. Соловьева, посвященный ключевому событию древнерусской истории - принятию христианства на Руси (Соловьев 1988: 169 – 177). Данный текст насыщен оценочной лексикой: *...русское язычество было так бедно, так бесцветно...; ...частые жертвы происходили из желания поднять сколько-нибудь язычество, дать ему средства, хотя что-нибудь противопоставить другим религиям, подавляющим его своим величием...; Магометанство, кроме видимой бедности своего содержания, не могло соперничать с христианством по*

самой *отдаленности* своей. ...*Владимир постоянно слышал о Греческой земле с сильной верою, о величии тамошнего богослужения...* В целом на восемь страниц текста приходится около тридцати слов с ярко выраженной отрицательной коннотацией, характеризующих язычество, и около двадцати слов с ярко выраженной положительной коннотацией, характеризующих князя Владимира-христианина и христианство.

Что касается структуры анализируемого фрагмента, то она довольно сложна. Несколько многостраничных абзацев содержат и рассуждение (сравнение князя Владимира с римским императором Юлианом), и повествование (рассказ о священниках, призванных Владимиром), и описание (обширные цитаты из летописей с описанием похода князя Владимира в Корсунь). На уровне связности текста следует отметить повтор однокоренных слов (дериваты слова *бедный* с большой частотой употребляются по отношению к язычеству; дериваты слова *великий* – по отношению к христианству). Таким образом, можно заключить, что рассматриваемый фрагмент С. М. Соловьева очень далек от идеального исторического текста.

«Язык в большой степени освобождает человека от непосредственного влияния органов чувств. Он дает инструмент для представления отсутствующих предметов и для гипотетического манипулирования ими в воображении» (Игнатъев 2009: 11). Читатель, обращающийся к историческим текстам, представляет происшедшие события. Однако он не всегда осознает, что полностью зависит от автора произведения. Человек, воспринимающий словесный текст, конструирует виртуальную реальность, которая, однако, не соответствует объективной реальности. Идеальным текстом может быть лишь сама реальность, трансформируемая восприятием переживших ее людей, но историк всё же обязан стремиться к написанию текста, отражающего объективность с максимальной полнотой.

ЦИТИРУЕМАЯ ЛИТЕРАТУРА

Анкерсмит Ф. Нарративная логика. Семантический анализ языка историков. – М: Идея-пресс, 2003. –360 с.

Игнатъев М. Б. Современные представления о виртуальных мирах // Архитектура виртуальных миров. – СПб.: Государственный университет авиаприборостроения, 2009. – С. 9 – 99.

Соловьев С. М. История России с древнейших времен. Кн. 1 // Соловьев С. М. Сочинения. В 18 кн. – М.: Мысль, 1988. –797 с.

И.С. Маслова (Ульяновск)

ВЕРБАЛЬНОЕ И НЕВЕРБАЛЬНОЕ ВЫРАЖЕНИЕ СОЦИОТИПИЧЕСКИХ ХАРАКТЕРИСТИК ПЕРСОНАЖЕЙ Ф.Г.РАНЕВСКОЙ

Население нашей планеты составляет около 8 миллиардов людей. Каждый из них выполняет определенную функцию на протяжении всего времени нахождения на Земле, и даже после. Все мы играем роли, большие и маленькие,

главные и второстепенные. Количество этих ролей может исчисляться десятками, а порой и сотнями.

Есть определенная группа людей, для которых играть роли является профессией. Актёры и актрисы ежедневно перевоплощаются. После слова “мотор”, произнесенного режиссёром, они становятся уже не самими собой, а своими персонажами. Реальная жизнь, собственные чувства, желания, переживания остаются за камерой. Перед зрителем предстают совершенно другие люди, и на протяжении двух часов фильма мы узнаем их историю, сопереживаем им, любим, ненавидим. Но все эти эмоции аудитория испытывает по отношению далеко не к реальным людям, а к образам, порой являющимся полной противоположностью своих авторов. Нам не важно знать биографию актёров, их характер, рацион, образ жизни. Выводы делаются по их персонажам. И насколько реалистичны эти герои, настолько талантливо выполнена работа.

Для воплощения того или иного персонажа актёром проделывается его определенный анализ. История героя, биография, его взаимодействие с окружающей действительностью, и в частности, при отношениях с людьми, его слабые и сильные стороны. Все это определяет социотип персонажа. Каждый тип обладает своими сильными и слабыми сторонами, особенностями поведения, способом мышления и принятия решений, взглядами на жизнь и ценностями. Естественно, характер человека зависит и от воспитания, окружения, образования и многих других факторов. Одинаковыми типами могут обладать люди из совершенно различных слоев населения: политик, учёный, беспризорник, но их объединяют схожие реакции на подобные ситуации, близкие взгляды на жизнь.

Существует много толкований понятия “социотип”. Важно знать, что встречаются узкая и широкая его интерпретации. В узком толковании социотип тождественен психотипу и касается только области человеческой психики. Широкое толкование трактует социотип как устойчивую структуру информационной системы любой природы, стремящуюся восстановить себя при попытках деформации. С этой точки зрения можно говорить о социотипе группы людей, социотипе организации, государства, общественного движения, социотипе теории, какой-либо системы взглядов. В этом случае пользуются также термином «интегральный тип».

Понятие типа психики соционика взяла у К.Г.Юнга, основоположника практической типологии личности. Юнг является истинным открывателем типности психики, поскольку он описал структуру типа, его основные компоненты \

согласно Юнгу, психологический тип - это способ адаптации личности к окружающей действительности, в ходе которой одна из четырёх психических функций занимает доминирующее положение, а противоположная ей - подчинённое. Доминирующей функцией человек сознательно управляет, а подчинённая функция, если уж она вышла на передний план, управляет самим человеком. Формируется вполне определённая установка сознания и противоположная, носящая компенсаторный характер установка бессознательного, совместные действия которых и образуют тип психики.

Своим путем к пониманию психологического типа пришел польский психотерапевт А.Кемпински, автор концепции информационного метаболизма (сигнального обмена), который писал: «Структура информационного метаболизма должна обладать определённым постоянным градиентом, самый малый на границе с внешней средой, а самый большой - с внутренней средой. Изменчивость первого переносится без осложнений, а второго с большими трудностями».

Таким образом, социотип – это константа личности, её стойкое внутреннее ядро без учета изменчивой оболочки. Разрушение этого ядра ведёт к невротизации личности.

Человек в статике, как внешне, так и внутренне – это нулевое измерение. Такое состояние практически невозможно, как не существует в жизни идеальная точка, не имеющая ни длины, ни ширины. Но вот человек включается в коммуникацию: находит партнёров, обменивается информацией, проявляет эмоции – это первое измерение личностного пространства. Теперь следующий шаг. Коммуникативные состояния человека изменяются, его двигательные и эмоциональные реакции то убыстряются, то замедляются. Это уже второй ранг рефлексии.

Человек способен руководить своими коммуникативными изменениями, то есть он «ведет» себя. Речь идёт о поведении, третьем, объемном измерении личности. Характер поведения человека со временем тоже изменяется. Значит, способ управлять своим поведением все ещё человеком осознается. Это четвертое по порядку измерение. Но с этого момента обратная связь-условие, без которого самим собой управлять нельзя, обрывается. Можно с уверенностью утверждать, что человек не способен эффективно отслеживать изменение способа управления изменением своего поведения.

Естественно, характер человека зависит и от воспитания, окружения, образования и многих других факторов. Одинаковыми типами могут обладать люди из совершенно различных слоев населения: политик, учёный, беспризорник, но их объединяют схожие реакции на подобные ситуации, близкие взгляды на жизнь. Согласно соционической теории, социотип человека неизменен в течение всей жизни, хотя информационное наполнение различных функций может меняться.

Задачей актёра является воспроизвести, показать аудитории тот или иной социотип своего персонажа, выразить его особенности. И при выполнении данной задачи происходит столкновение двух, порой совершенно разных социотипов. И от того насколько сильным окажется второй зависит успех актёра, качество выполненной работы. Но можно ли научиться этому так называемому актёрскому мастерству? В своём интервью 1979 года актриса Фаина Георгиевна Раневская, которая играла на сцене более 60 лет, говорит о том, что её обрадовала возможность работать с актёрами, у которых она могла бы учиться. В своих коллегах она не любит самовлюбленность и зазнайство, “а главное, равнодушие”. Это одни из основных факторов, мешающих воплощению персонажа, его социотипа, “гибель” для актёра.

Говоря о социотипе самой Фаины Георгиевны, его можно определить как логико-интуитивный экстраверт. Она нетерпелива, однако умеет ждать, если это действительно необходимо не приемлет корректировки своего темпа, своих планов. Рольевой функцией данного социотипа является “стремление соответствовать образу веселого позитивно настроенного человека”, “неприятие негативных эмоций со стороны окружающих”. Также и героиня Раневской в фильме «Подкидыш», при малейшей попытке испортить праздник ребёнку, воспротивиться какой-либо просьбе, капризе, происходит реакция выраженная фразой, ставшая уже крылатой и часто употребляемой в повседневной жизни “Муля, не нервируй меня!”. Актриса не критически относится к собственным этическим ошибкам, порой некоторой бестактности и прямолинейности. Что является суггестивной функцией данного социотипа. Фаина Георгиевна не стремилась придерживаться здорового образа жизни, не уделяла особого внимания своему физическому состоянию, как говорила сама Фаина Георгиевна “симулирую здоровье”. Однако его оценка со стороны окружающих воспринималась довольно болезненно. В этом проявляется мобилизационная функция её социотипа. Она типичный трудоголик, для неё бездействие подобно смерти. Раневской также свойственна критическая оценка своей работы, никогда не была собою довольна. О своем педагоге Павле Леонтьевне Вульф, Фаина Георгиевна рассказывает, что она никогда её не хвалила, всегда говорила “ты можешь лучше! А вот когда ты будешь собою довольна, придешь от себя в экстаз, от своего дарования, значит тебе уже конец, значит ты уже не актриса, а каботин!”. Похвала для актрисы своего рода компенсация, “вроде вкусного пирожного”, единственное, что не надоедает. Будучи экстравертом, Фаина Георгиевна Раневская очень чувствительна к окружающему миру. “Сострадание – это самое привычное мне чувство ” говорит она в одном из своих интервью.

ОГЛАВЛЕНИЕ

ОТ РЕДКОЛЛЕГИИ	3
-----------------------------	---

Проблемы языка и мышления

в генетическом и сопоставительном аспектах	4
---	---

Канд. филол. наук Т.С. Алексеева, студ. Ю.В. Калинина (Ульяновск)

СРАВНИТЕЛЬНО-СОПОСТАВИТЕЛЬНЫЙ АНАЛИЗ СПОСОБОВ СЛОВООБРАЗОВАНИЯ ТЕРМИНОВ СФЕРЫ ТУРИЗМА АНГЛИЙСКОГО И РУССКОГО ЯЗЫКОВ	4
--	---

Доктор филос. наук, проф. А.А. Гагаев (Рузаевка),

доктор пед.наук проф. П.А. Гагаев (Пенза)

ЯЗЫКОВЫЕ РЕВОЛЮЦИИ, ЛИТЕРАТУРНЫЙ ЯЗЫК И ИНТЕРНАЛЬНО- ЭКСТЕРНАЛЬНЫЕ ФАКТОРЫ ОТКРЫТИЙ И ИЗОБРЕТЕНИЙ В ИСТОРИИ ЧЕЛОВЕЧЕСТВА (IX ТЫС.Д.Н.Э.-XXI ВЕК)	7
---	---

Докт. филол. наук Н.В. Дмитриук (Казахстан, Чимкент)

МЕНТАЛЬНО МАРКИРОВАННЫЕ КОНЦЕПТЫ КАЗАХСКОЙ КУЛЬТУРЫ В ДИАХРОНИЧЕСКОМ АСПЕКТЕ	20
---	----

Магистрант О.О. Карасёва, канд. филол. н. О.Л. Аriskина (Саранск)

ТЕРМИНЫ МОРФЕМИКИ И СЛОВООБРАЗОВАНИЯ В «РОССИЙСКОЙ ГРАММАТИКЕ» М. В. ЛОМОНОСОВА: ТРАДИЦИЯ И НОВАТОРСТВО	22
--	----

Аспирант И.И. Тукаева (Ульяновск)

ВОЛК КАК ЯЗЫКОВАЯ ЛИЧНОСТЬ В НАРОДНЫХ СКАЗКАХ О ЖИВОТНЫХ (СОЦИОТИПИЧЕСКИЕ АСПЕКТЫ)	23
---	----

Логико-структурные аспекты

проблемы язык и мышление	28
---------------------------------------	----

Канд. филол. наук Т.С. Алексеева, студ. Ю.И. Мифтахутдинова (Ульяновск)

ПРОБЛЕМЫ ТЕРМИНОЛОГИИ И ПЕРЕВОДА НАУЧНО-ТЕХНИЧЕСКИХ ТЕКСТОВ	28
--	----

Канд. филол. наук С.Г. Виноградова (Тамбов)

ИЗУЧЕНИЕ АКТУАЛЬНОГО ЧЛЕНЕНИЯ ПРЕДЛОЖЕНИЯ В РУСЛЕ КОГНИТИВНОЙ ПАРАДИГМЫ В ЛИНГВИСТИКЕ	30
--	----

Докт. филол. наук С.В. Ионова (Волгоград)

СОЗНАНИЕ ЧЕЛОВЕКА КАК ОБЪЕКТ ВОЗДЕЙСТВИЯ ЕСТЕСТВЕННОЙ ИНФОРМАЦИОННОЙ СРЕДЫ	36
---	----

Канд. филол. наук А.Ф. Калинин (Урюпинск)

ФРАЗЕОЛОГИЗИРОВАННЫЕ ПРЕДЛОЖЕНИЯ В РУССКОМ ЯЗЫКЕ	38
---	----

Канд. психол. наук А.Ф. Корниенко (Казань)

ВЗАИМОСВЯЗЬ ЯЗЫКА, МЫШЛЕНИЯ И СОЗНАНИЯ	40
---	----

<i>Канд. филол. наук М. Г. Луннова (Пенза)</i>	
О РАЦИОНАЛЬНОМ И ЭМОЦИОНАЛЬНОМ В СИНОНИМИЧЕСКОМ РЯДУ К ТЕМПОРАЛЬНОМУ НАРЕЧИЮ ВСЕГДА.....	42
<i>Канд. филол. наук Т.Б. Новикова (Волгоград)</i>	
ОСНОВАНИЯ АБДУКЦИИ В ПЕРЕВОДЧЕСКОЙ ДЕЯТЕЛЬНОСТИ.....	43
<i>В.С. Парамонова (Урюпинск)</i>	
ИНТЕНЦИОНАЛЬНОСТЬ СОЗНАНИЯ СУБЪЕКТА КАК МЕНТАЛЬНЫЙ ПРОЦЕСС.....	44
<i>Канд. филолог. наук И.А.Пуник (Ульяновск)</i>	
МЕЛОДИЧЕСКАЯ СТРУКТУРА СЛОВА ПРИ РАЗНЫХ СПОСОБАХ ИНТОНИРОВАНИЯ ТЕКСТА (НА МАТЕРИАЛЕ РУССКОГО ЯЗЫКА)	49
<i>Канд. филол. наук С.Ш. Рыткина (Ульяновск)</i>	
КАТЕГОРИИ ПРОСТРАНСТВА И ВРЕМЕНИ В ХУДОЖЕСТВЕННОМ ТЕКСТЕ	51
<i>Доктор филол. наук И.В. Труфанова (Москва)</i>	
К ВОПРОСУ О ФУНКЦИОНАЛЬНЫХ ЭКВИВАЛЕНТАХ ПОНЯТИЙ	53
<i>Докт. филол. наук Г.Г. Хисамова (Уфа)</i>	
ОНТОЛОГИЧЕСКАЯ СУЩНОСТЬ ДИАЛОГА КАК ФОРМЫ РЕЧИ	58
<i>Аспирантка А.В. Холмова (Уфа)</i>	
ВНУТРЕННЯЯ РЕЧЬ КАК ПРЕДМЕТ НАУЧНОГО ИССЛЕДОВАНИЯ	60
<i>Докт. филол. наук А. А.Хуснутдинов (Иваново)</i>	
О СПЕЦИФИКЕ ФРАЗЕОЛОГИЧЕСКОЙ НОМИНАЦИИ.....	63
<i>Канд. филол. наук М.Ю.Чернышов (Иркутск)</i>	
ИЗВЕСТНЫЕ КОНЦЕПЦИИ СМЫСЛОВОЙ ИНТЕГРАТИВНОСТИ ТЕКСТА И НЕКОТОРЫЕ ПРИНЦИПЫ И ЗАКОНОМЕРНОСТИ СМЫСЛОВОЙ ИНТЕГРАТИВНОСТИ СЕГМЕНТА ТЕКСТА	69
<i>Докт. филос. наук Н.А. Шергенг (Уфа)</i>	
К ВОПРОСУ ИССЛЕДОВАНИЯ ПОНЯТИЯ «КЛАССИЧЕСКИЙ».....	79
Динамические аспекты	
проблемы языка и мышления	82
<i>Соискатель Н. А. Архипова (Ростов-на-Дону)</i>	
СИНЕСТЕТИЧЕСКАЯ МЕТАФОРА В ДЕТСКОМ ДИСКУРСЕ: СТРУКТУРА И СЕМАНТИКА	82
<i>Асп. Е.С.Голимбиовская (Ульяновск)</i>	
ВОСПРИЯТИЕ АНАФОНИЧЕСКИХ ФЕНОМЕНОВ В ОРИГИНАЛЬНОМ И ПЕРЕВОДНОМ ТЕКСТАХ.....	84
<i>Докт. психол. наук, докт. экономич. наук И.В. Грошев (Тамбов)</i>	
ПОЛОРОЛЕВЫЕ И ГЕНДЕРНЫЕ СТЕРЕОТИПЫ ЯЗЫКА	88
<i>Доктор филол. наук Н.П. Пешкова (Уфа)</i>	
«ОЦЕНОЧНОЕ» МЫШЛЕНИЕ В ПРОЦЕССАХ ПОНИМАНИЯ ТЕКСТА: ПСИХОЛИНГВИСТИЧЕСКИЙ АСПЕКТ	92

Функциональные аспекты исследования

языка и мышления	94
<i>Канд. филол. наук Т.С. Алексеева, студ. Е.В. Голанцева (Ульяновск)</i>	
ГЕНДЕРНЫЕ СТЕРЕОТИПЫ В АНГЛИЙСКИХ И РУССКИХ ПОСЛОВИЦАХ, ВЫРАЖАЮЩИХ ОТНОШЕНИЕ К МУЖЧИНЕ	94
<i>Асп. Е.С.Голимбиовская (Ульяновск)</i>	
ПРАГМАТИЧЕСКИЙ ПОТЕНЦИАЛ АНАФОНИЧЕСКИХ СТРУКТУР В ПОЭТИЧЕСКОМ ТЕКСТЕ (на материале психолингвистического эксперимента)	97
<i>Докт. филол. наук М.Р. Желтухина (Волгоград)</i>	
ФАКТОРЫ ЭФФЕКТИВНОСТИ РЕЧЕВОГО МЕДИАВОЗДЕЙСТВИЯ	101
<i>Докт. филол. наук Т.С.Кириллова, Т.В. Соколова (Астрахань)</i>	
НЕЙРО-ЛИНГВИСТИЧЕСКОЕ ПРОГРАММИРОВАНИЕ И РЕЧЕВОЕ ОБЩЕНИЕ	103
<i>Аспирант Н.И. Коробкина (Волгоград)</i>	
ЭКОЛОГИЧНОСТЬ / НЕЭКОЛОГИЧНОСТЬ КОНТЕКСТУАЛЬНОГО ПОНЯТИЯ КАК ЕДИНИЦЫ ЭМОЦИОНАЛЬНОГО МЫШЛЕНИЯ	104
<i>Канд. филол. наук Т.В.Морозкина, С.Н. Морозкин, Л.Л. Чередников (Ульяновск)</i>	
СПЕЦИФИКА ТЕРАПЕВТИЧЕСКОГО ДИСКУРСА В НАРКОЛОГИЧЕСКОЙ ПРАКТИКЕ	107
<i>Докт. филол. наук И.В. Приорова (Астрахань)</i>	
АГРАММАТИЧНЫЕ ФОРМЫ НЕСКЛОНЯЕМЫХ ИМЁН В СОВРЕМЕННОЙ ЯЗЫКОВОЙ ИГРЕ (ЭСТЕТИЧЕСКИЙ АСПЕКТ)	110
<i>Докт.филол. наук А.В.Пузырёв, студ. Е.В.Чанаева, студ. Е.А.Шишкина (Ульяновск)</i>	
КОНСТРУКТИВНАЯ/ДЕСТРУКТИВНАЯ НАПРАВЛЕННОСТЬ МУЛЬТФИЛЬМОВ, или КАКИЕ МУЛЬТИКИ МОЖНО И НЕЛЬЗЯ ПОКАЗЫВАТЬ ДЕТЯМ	112
<i>Канд. филол. наук М.В. Сальникова (Ульяновск)</i>	
О НЕКОТОРЫХ ЛИНГВИСТИЧЕСКИХ АСПЕКТАХ ГЛОБАЛИЗАЦИИ	121
<i>Канд. филол. наук Е.Н. Сердобинцева (Пенза)</i>	
НАГЛЯДНО-ДЕЙСТВЕННЫЙ СПОСОБ МЫШЛЕНИЯ И МОРФОЛОГИЧЕСКОЕ СЛОВООБРАЗОВАНИЕ В ПРОФЕССИОНАЛЬНОЙ ЛЕКСИКЕ РУССКОГО ЯЗЫКА	125
<i>Канд. филос. наук В.Н. Смирнова (Пенза)</i>	
ПЕРЕДАЧА ФУНКЦИОНАЛЬНО-СТИЛЕВЫХ ОСОБЕННОСТЕЙ ПРИ ПЕРЕВОДЕ ТЕКСТА ДЕЛОВОГО ПИСЬМА	127
<i>Студентка Кс. Д. Тризна (Пенза)</i>	
САМОПРЕЗЕНТАЦИЯ МУЖЧИН В ВИРТУАЛЬНОМ ПРОСТРАНСТВЕ	131
<i>Канд. филол. наук М.Ю.Чернышов (Иркутск)</i>	
КОГНИТИВНЫЕ, ЛОГИЧЕСКИЕ, ПСИХОЛОГИЧЕСКИЕ, ПЕДАГОГИЧЕСКИЕ И КУЛЬТУРОЛОГИЧЕСКИЕ АСПЕКТЫ ФОРМИРОВАНИЯ МЫСЛЕЙ, МЫШЛЕНИЯ, СОЗНАНИЯ И РЕЧИ	133

<i>Докт. филол. наук В.И. Шаховский (Волгоград)</i>	
ЭКОЛОГИЯ ЭМОЦИОНАЛЬНОГО СОЗНАНИЯ.....	142
<i>Докт. филол. наук В. В. Шмелькова (Пенза)</i>	
ПРОБЛЕМЫ КУЛЬТУРНО-ЯЗЫКОВОЙ АДАПТАЦИИ ТРУДОВЫХ МИГРАНТОВ В СОВРЕМЕННОЙ РОССИИ	145
<i>Канд. филол. наук А.А. Штеба (Волгоград)</i>	
ЭНЕРГЕТИЧЕСКИЙ ПОТЕНЦИАЛ СЕМАНТИКИ.....	146
<i>Доктор филол. наук Е. В. Шустрова (Екатеринбург)*</i>	
ОСНОВНЫЕ МЕТАФОРИЧЕСКИЕ МОДЕЛИ В ПРЕДВЫБОРНОЙ РИТОРИКЕ Б. ОБАМЫ И КАРИКАТУРЕ НА НЕГО	147

Эстетические аспекты

взаимодействия языка и мышления	149
<i>Докт. филол. наук Г.В.Векшин (Москва)</i>	
СТРОЕНИЕ СОЗВУЧИЯ И МЕРЫ ЗВУКОВОЙ АССОЦИАТИВНОСТИ (СТИХ И СЛОВАРЬ)	149
<i>Аспирант О.С. Выстропова (Волгоград)</i>	
ОЛИЦЕТВОРЕНИЕ КАК СПОСОБ ВЕРБАЛИЗАЦИИ КОНЦЕПТА «РАДОСТЬ /ВЕСЕЛЬЕ» В ТВОРЧЕСТВЕ Р. БЁРНСА.....	156
<i>А.Д. Гимаева (Ульяновск)</i>	
СИСТЕМНО-ЯЗЫКОВЫЕ ХАРАКТЕРИСТИКИ ЗВУКОВЫХ ПРОДЛЕНИЙ В РОМАНЕ ФРЕНСИСА СКОТТА КЕЙ ФИЦДЖЕРАЛЬДА «НОЧЬ НЕЖНА»... 158	
<i>Докт.филол. наук А.В.Пузырёв, студенты В.В.Сафронова, С.А.Маркин, И.С.Гуренко (Ульяновск)</i>	
НАПРАВЛЕННОСТЬ ХИТОВЫХ ПЕСЕН РАДИОСТАНЦИЙ <i>ЕВРОПА+</i> , <i>РУССКОЕ РАДИО</i> И <i>LOVE RADIO</i> В 2009-2011 ГГ.....	168

Педагогические аспекты исследований

взаимосвязи языка и мышления	177
<i>Канд. филол. наук С.О.Гуляйкина, И.В.Агеева, С.В.Извекова (Пенза)</i>	
О НЕОБХОДИМОСТИ КОМПЛЕКСНОГО ОБУЧЕНИЯ РАЗЛИЧНЫМ ВИДАМ ЧТЕНИЯ ПРИ ФОРМИРОВАНИИ ИНОЯЗЫЧНОЙ КОММУНИКАТИВНОЙ КОМПЕТЕНЦИИ СПЕЦИАЛИСТА.....	177
<i>Докт. пед. наук С.С.Пашковская (Пенза)</i>	
ЧТО ТАКОЕ ДМО (ДИФФЕРЕНЦИРУЮЩАЯ МОДЕЛЬ ОБУЧЕНИЯ РУССКОМУ ПРОИЗНОШЕНИЮ)?	180

Идиостилевые аспекты

взаимосвязи языка и мышления	185
<i>Аспирант Ю.В. Котова (Ульяновск)</i>	
РЕЧЕВОЕ ВЫРАЖЕНИЕ ОПТИМИЗМА И ПЕССИМИЗМА В ПЕСНЯХ «THE BEATLES»	185

<i>Канд. филол. наук. М. А. Лапыгин (Елец)</i> КРИТЕРИИ ИДЕАЛЬНОГО ИСТОРИЧЕСКОГО ТЕКСТА И ИХ ОПОЩЕНИЕ С.М. СОЛОВЬЕВЫМ В ОПИСАНИИ КЛЮЧЕВОГО СОБЫТИЯ ДРЕВНЕРУССКОЙ ИСТОРИИ.....	189
<i>И.С. Маслова (Ульяновск)</i> ВЕРБАЛЬНОЕ И НЕВЕРБАЛЬНОЕ ВЫРАЖЕНИЕ СОЦИОТИПИЧЕСКИХ ХАРАКТЕРИСТИК ПЕРСОНАЖЕЙ Ф.Г.РАНЕВСКОЙ.....	190
Оглавление	194

Научное издание

**Язык и мышление:
Психологический и лингвистический аспекты**
Материалы XII-й Международной научной конференции
(Ульяновск, 16-19 мая 2012 года)

Ответственный редактор *А.В. Пузырев*
e-mail: puzyrev-a-v@yandex.ru

Электронный набор *А.В. Владимиров*
Компьютерная верстка *А.В. Владимиров*

Подписано в печать 20.04.12.
Формат 60x84/16.
Уч.-изд. л. 12,0. Усл. печ. л. 12,4.
Тираж 100 экз. Заказ 65 /ЭР274

Отпечатано с готового оригинал-макета
в типографии «Мастер-студия»
Адрес: 432071, Россия, г. Ульяновск, ул. Марата, 8.
Тел. (8422) 44-56-08, 44-56-09, 44-55-33. Факс: (8422) 44-55-30.